

Афанаси́й
Никитин
и
его
время

учпедгиз #1956

Хождение
за три моря
Афанасия
Никитина

Козань

Тверь

Москва
Новгород

Ногайская земля

Сараи

Дикое поле

Черное море

Турецкая земля

Трузинская земля

Тавризм

Демавент

Бабдад

Испагань

Шираз

Хорасанская земля

Сурджан

Бендер Опичуз

Индийская земля

Калбай

Джунгур

Бидар

Телхонда

Виджайнагар

Аравийская земля

Москват

Мекка

Индийское море

*А. М. Осипов
В. А. Александров
Н. М. Тольдберг*

АФАНАСИЙ НИКИТИН

И

его время

ИЗДАНИЕ 2-е, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

*Государственное
Учебно-педагогическое издательство
Министерства просвещения РСФСР
Москва - 1956*

*Школьная
историческая
библиотека*

*Сканирование: alexx78
Обработка: Vitautus*

С очень далёких времён на Руси сложилось правило расспрашивать в Москве возвратившихся из-за рубежа русских людей обо всём, что они видели и слышали. Эти «расспросные речи» вплоть до XVIII в. давали Посольскому приказу, учреждению, ведавшему иностранными делами, важный материал о других государствах. Поэтому привезённые в Москву в 1475 г. записки одного из выдающихся древнерусских писателей и путешественников Афанасия Никитина были переданы влиятельному дьяку В. Мамыреву и, без сомнения, сразу же обратили на себя его внимание.

Однако прошло более 300 лет, прежде чем они получили известность и начали изучаться.

В начале XIX в. крупный русский историк Н. М. Карамзин, собирая материал для своей «Истории государства Российского» в библиотеке Троице-Сергиева монастыря (г. Загорск), нашёл никому не известный рукописный сборник.

Он оказался древним сводом различных исторических сведений о событиях, происшедших на Руси начиная с XII в., — летописью. В составе этой летописи находились записки Афанасия Никитина — произведение, которое до сих пор остаётся единственным в своём роде.

Можно полагать, что попало оно в летописный сбор-

ник благодаря В. Мамыреву, который был связан с летописным делом. Можно также предполагать, что на записки Афанасия Никитина обратил сразу же внимание и другой просвещенный человек того времени — Василий Дмитриевич Ермолин, знаток архитектуры, скульптуры, «книжного дела» и одновременно крупный московский купец. Об этом говорит то, что наиболее древний список записок Афанасия Никитина находится в летописи, названной по имени Ермолина Ермолинской, так как в её составлении он, вероятно, принимал участие.

Большой знаток русских исторических источников, Н. М. Карамзин сразу обратил внимание на эти записки. Как по стилю изложения, так и по необычному содержанию они резко отличались от языка официальных московских книжников, составлявших летопись.

Живым, выразительным языком тверской купец Афанасий Никитин рассказывал о своём путешествии в 1466—1472 гг. в сказочную для его современников страну — Индию.

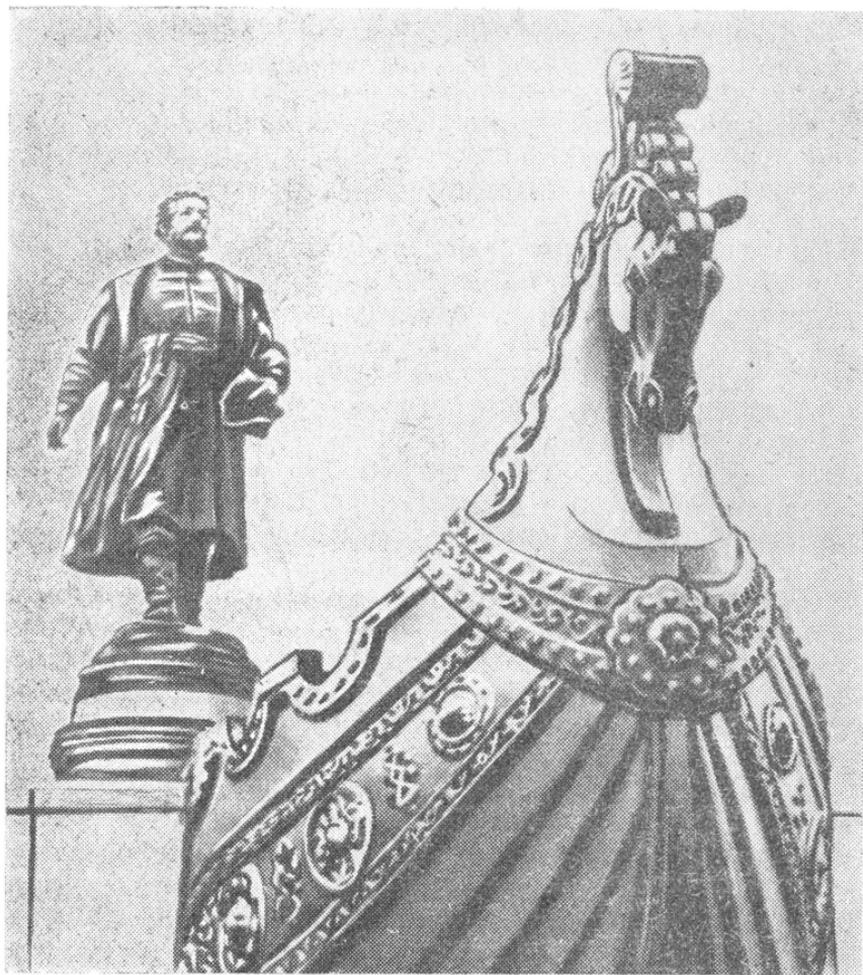
Не будучи хорошо знаком с историей средневековой Индии (что, впрочем, по состоянию науки того времени было невозможно), Н. М. Карамзин, тем не менее, в известной мере оценил историческое значение этого поразительного произведения, принадлежащего к числу лучших творений древнерусской литературы. «Доселе, — писал он в своей «Истории», — географы не знали, что честь одного из древнейших описанных европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века. Оно доказывает, что Россия в XV веке имела своих Таверне и Шарденей¹, менее просвещенных, но равно смелых и предприимчивых; что индийцы слышали о ней (т. е. о России. — В. А.) прежде, нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время, как Васко де Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин уже путешествовал по берегу Малабара»².

Сделав эту оценку, Н. М. Карамзин в примечаниях к шестому тому своего исследования поместил наиболее характерные отрывки найденного описания.

¹ Французские путешественники XVII в.

² Н. М. Карамзин, История государства Российского, т. VI, 1842, стр. 226—228.

Малабар — область в юго-западной Индии, прилегающая к Индийскому океану.

Памятник Афанасию Никитину в Калининне.

С тех пор историки нашли в различных рукописных сборниках XVI—XVII вв. ещё несколько списков произведения Никитина. К сожалению, до нас не дошёл подлинник этого сочинения, но, сличая различные списки, можно с уверенностью сказать, что древнерусские переписчики в общем не исказили его.

Да и трудно было исказить его, настолько своеобразен и вместе с тем подкупающе прост живой язык произведения.

«Се написах грешное свое хождение за три моря», — указывал в самом начале А. Никитин. Поэтому его запискам, помещённым в старинных рукописных сборниках без названия, присвоено учёными заглавие «Хождение за три моря». «Хождение» твёрдо вошло в обиход учёных различных специальностей.

На протяжении всего XIX в. и по наше время оно привлекает внимание историков, занимающихся как историей нашей родины, так и историей Индии; интересуются им в не меньшей мере географы и литературоведы. «Хождение» несколько раз издавалось, ему посвящено немало научных работ, в том числе несколько весьма значительных.

В чём же причина этого неиссякаемого интереса к произведению, занимающему всего 20 с небольшим печатных страниц? Н. М. Карамзин уже ответил на этот вопрос, но недостаточно полно и точно. Говоря о путешествиях Афанасия Никитина и Васко да Гамы, наш историк сопоставил два, весьма различных по содержанию явления. Итогом путешествия Никитина было создание замечательного произведения русской литературы и культуры в целом, произведения, ставшего вместе с тем первоклассным источником по истории индийского средневековья. Открытие Васко да Гамой морского пути из Португалии в Индию положило начало колониальному закабалению европейскими завоевателями великого индийского полуострова. Колониальный же грабёж явился одним из условий для развития капитализма в передовых странах Европы.

Как мы видим, путешествия Никитина и Гамы глубоко разнятся по своему значению; не менее различны и сами эти действующие лица.

Из свидетельств и воспоминаний современников известно, что Васко да Гама был олицетворением властного и жестокого завоевателя, презиравшего «язычников» африканцев и азиатов как людей низшей породы, стремившегося проложить через океаны путь к несметным богатствам Индии. Образ целеустремлённого, но беспощадного и честолюбивого вождя португальских мореходов, прибывших на своих страшных разбойничьих кораблях в южноиндийский город Каликут, обрисован в книге американского историка Харта «Морской путь в Индию», недавно переведённой на русский язык. К ней мы отсылаем читателей, желающих ближе узнать о жизни и деятельности Васко да Гамы. Здесь мы хотели бы лишь подчеркнуть,

что цель, которой руководствовался Гама, и средства, которыми он пользовался, глубоко чужды советскому человеку, воспитанному на великих освободительных идеях Октябрьской социалистической революции. И с тем большим удовлетворением мы отмечаем, что другой образ, образ Афанасия Никитина, каким он выступает в его собственном произведении, нам близок и понятен, несмотря на отдалённость исторической эпохи, в которую создавалось «Хождение за три моря». Облик этого человека, отличавшегося смелой прямоотой и незаурядной нравственной силой, наделённого широким идейным кругозором и большими практическими познаниями, обогащает наши представления о передовых русских людях XV века. Но «Хождение» Афанасия Никитина является для нас не только ценнейшим человеческим документом. «Хождение за три моря» — первое достоверное описание государства Бахманиев, одной из крупнейших держав Индии XV в., составленного европейцем в средние века. С другой стороны, его путешествие, запечатлённое в «Хождении за три моря», отражает важные изменения, происшедшие на Руси.

Это было время, когда происходило объединение отдельных феодальных княжеств в централизованное Русское государство, когда великий князь московский лишал владений последних, ещё сохранявших независимость удельных князей и объединившаяся Русь готовилась свергнуть ненавистное татарское иго. Именно в это время росли города, их торгово-ремесленное население, укреплялись экономические связи между отдельными областями.

Обострялась борьба с противниками объединения Руси — крупными феодалами, удельными князьями. Одновременно трудящиеся массы всё чаще и чаще выступали против усиливавшейся феодальной эксплуатации. Русские дипломатические и торговые представители всё чаще стали появляться при дворах других государств, на иноземных ярмарках и торговых путях. Русские люди всё больше начинают интересоваться другими странами, в рукописных сборниках появляются описания этих стран и путей к ним.

В этих условиях торговые поездки предприимчивых русских купцов не представляли собой необычного явления. Новгородские, московские, тверские, нижегородские торговые люди, или, как их тогда называли, — гости, появились на Балтийском, Чёрном, Каспийском и Средизем-

ном морях и в прилегающих к ним западноевропейских и восточных государствах. Путешествие Никитина является как бы наглядной иллюстрацией активной роли русских людей в международной жизни в период образования централизованного Русского государства. Автор записок — тверитянин родом. Но в рассматриваемое время подобное путешествие с равным успехом мог бы совершить и москвич, и новгородец. Важно другое, а именно то, что русские города того времени уже настолько экономически выросли, что не только постепенно становились центрами внутрирусского обмена, но и деятельно участвовали в международной, в частности в восточной, торговле. Без учёта этого обстоятельства нельзя объяснить объективные причины, вызвавшие самую возможность такого выдающегося путешествия и его литературного завершения в виде «Хождения за три моря».

Сочинения Афанасия Никитина появились тогда, когда шёл процесс сложения русской национальной культуры (XIV—XV вв.). Это не могло быть случайностью. Одновременно с образованием единого русского государства создавалась и единая национальная культура русского народа. Она проявлялась в фольклоре, в публицистике и просвещении, летописном деле и литературе, в зодчестве и живописи. Местные, областные культуры постепенно сливались в единую русскую культуру.

Появляются сочинения, отражающие общерусские события в противовес местному сепаратизму новгородской и тверской литературы. В таких произведениях, как «Задонщина» (конец XIV — начало XV в.), «Сказание о Мамаевом побоище», «Слово о житии и преставлении царя русского великого князя Дмитрия Ивановича», выдвигаются идеи о защите всей русской земли от «поганных», «нечестивых татар». Русские люди откликаются на международные события того времени («Повесть о взятии Царьграда»). И эти мотивы легко заметить в записках А. Никитина, которые явились отражением сдвига в развитии связей русских земель между собой и с окружающими странами.

Вместо сказок и былин о Востоке, сохранявшихся со времён Киевской Руси, в русской литературе стал появляться новый вид литературного произведения — записки, пронизанные реальным содержанием, искренними, понятными каждому человеку переживаниями, притом не толь-

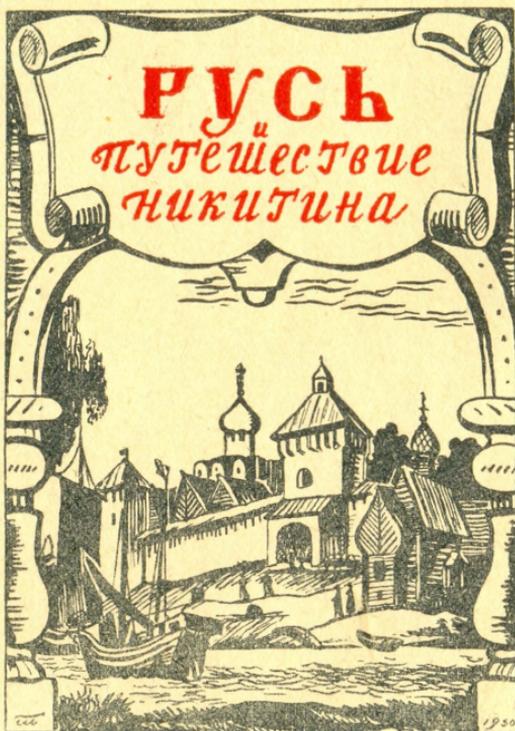
ко личного, но и общественного порядка. Такие произведения, к которым относится и «Хождение», расширяли кругозор читателя, не ограничивавшегося уже интересами только своего города или округа.

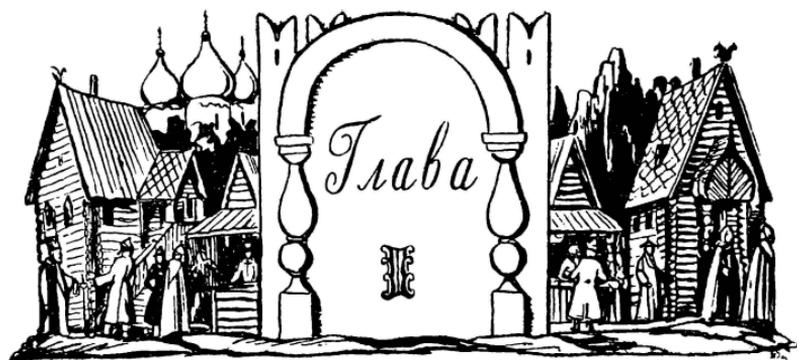
Вместе с тем «Хождение» является важнейшим источником по истории Индии того времени. До наших дней дошло мало западноевропейских да немного и восточных источников по истории Индии XV в. Поэтому тем ценнее для нас каждое, а тем более достоверное свидетельство об этой великой стране, обладавшей высокой и древней культурой. Свидетельство А. Никитина особенно ценно потому, что он первый из европейских путешественников дал правдивое, лишённое прикрас и преувеличений, многостороннее описание современной ему Индии.

* * *

Авторы этой книжки поставили своей задачей рассказать читателям, почему именно в XV в. стало возможно появление такого произведения, как «Хождение за три моря», какими тогда были русские города и их культура, как развивалась русская торговля и крепили её связи с Востоком, что увидел Никитин в Индии и чем являлась сама Индия времён нашего замечательного путешественника. Однако действительность познаётся нами глубже и обстоятельнее при сопоставлении с более отдалёнными временами, и объяснить данную эпоху можно, только проследив её закономерное возникновение из прошлого. Поэтому описание Руси и Индии мы начали с той поры, когда только ещё зародились и стали складываться те или иные характерные черты их общественного строя и политической жизни, черты, которые при жизни Афанасия Никитина стали уже определяющими в каждой из этих стран.

*Русские
земли
в середине
XV века*

Конец XIV и начало XV в. были очень важным рубежом в истории русских земель. Интересы обороны от иноземных нашествий, прежде всего турок и монголов, требовали образования централизованного государства, способного отразить эти нашествия¹. Целый ряд экономических и политических моментов указывал на крупные изменения в общественной жизни страны.

Татаро-монгольское нашествие XIII в., опустошительно прокатившееся по русским землям, надолго задержало их развитие, но не смогло их уничтожить.

Усилилось общественное разделение труда, т. е. стало развиваться ремесленное производство, потребителями которого выступало крестьянство, городской люд, боярство. В связи с ростом ремёсел и промыслов развивалась торговля, отходила в прошлое экономическая изолированность отдельных русских земель, намечалось слияние их в единый хозяйственный организм. Несмотря на суще-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 34.

ствовавшие экономические и политические феодальные перегородки между отдельными княжествами — «мосты»¹ и «рубежи»², задерживавшие развитие торговли, происходило постепенное устранение экономической разобщенности русских земель, подготовлялось объединение Руси в единое политическое целое. В этом процессе немалую роль сыграли города и развивавшееся в них купечество.

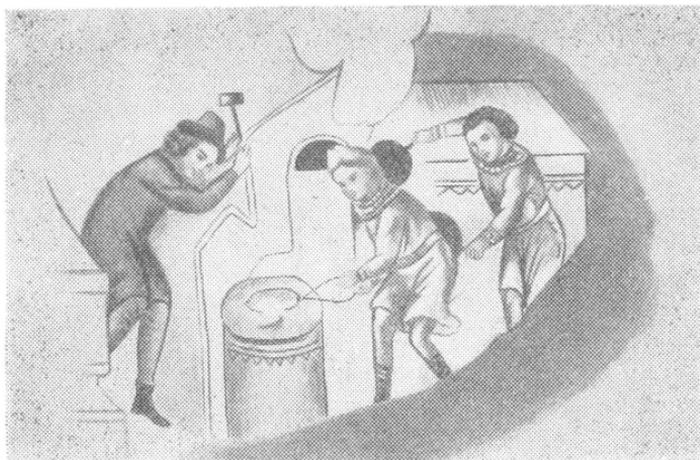
Города сильно поддерживали великих князей в их борьбе за установление крепкой политической власти.

Спасаясь от эксплуатации, поборов и притеснений феодалов, немало крестьян, знавших какое-либо ремесло, бросали насиженные места, жилища, даже обмолоченный и «стоячий» (т. е. на корню) хлеб и со всем немудрым хозяйственным скарбом перебирались в город. Там они «рубил» себе «двор» и находили на городском рынке сбыт своей ремесленной продукции. А были среди них и такие, кто приходил в город с одной котомкой.

С XIV в. начинается период бурного роста разгромленных татарами русских городов, роста, который не могли остановить никакие стихийные бедствия и нашествия врагов. Русские летописи сохранили много сведений о том, как часто деревянные по преимуществу русские города посещал недобрый гость — пожар, сплошь и рядом оставлявший на месте улиц и слобод дымящиеся пожарища. Достаточно сказать, что Москва с 1330 по 1458 г. горела 17 раз. Не менее часто сами горожане, спасаясь от набега татар или литовцев, сжигали свои дворы, укрываясь за стенами крепости, или оставляли свои жилища на поток и разграбление непрощенным пришельцам. По этому поводу можно также привести цифры, характерные уже сами по себе: за XIII—XIV вв. и первую половину XV в. русские выдержали больше 160 войн с внешними врагами, из них 45 с татарами, 41 с литовцами, 30 с ливонскими рыцарями и остальные со шведами, поляками, венграми и камскими болгарами. Немалый ущерб несли города и во время внутренних феодальных усобиц. Соперничавшие между собой феодалы стремились прежде всего разграбить города своих противников. Каждый такой разгром вызывал ответный поход, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тем не менее русские города после каждого

¹ Пошлина за право проезда через мост.

² Границы феодальных владений, на которых взимались пошлины с провозимых товаров.

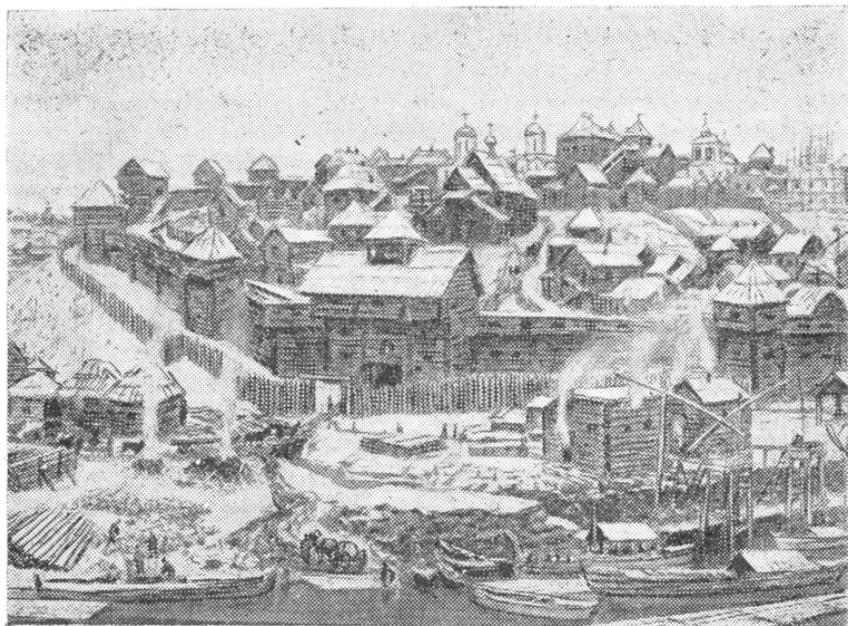
Кузнецы (миниатюра из русской летописи).

такого бедствия вновь обстраивались; хотя некоторые из них так и не смогли полностью оправиться, зато резко выросло значение других.

Старые, разорённые татарами города — Киев, Чернигов, Владимир, Ростов, Суздаль — оттеснялись другими развивавшимися городами — Тверью, Москвой, Переяславлем Рязанским, Нижним Новгородом.

Ещё издавна, в IX—X вв., скандинавские источники называли Русь страной городов — Гардарики. Эта особенность русских земель сохранялась и в дальнейшем. В различных летописях и рукописных сборниках XV—XVI вв. до нас дошёл обширный список русских городов под названием «А се имена всем градом Русским дальним и ближним». Составлен он был на рубеже XIV и XV вв., т. е. как раз в рассматриваемое нами время. В этом списке указано, что в междуречье Волги и Оки находилось 55 городов, в Рязанской земле 30 городов, в Новгородской и Псковской землях 35 городов и т. д.

Наиболее крупные русские города, по свидетельству современников, в XV в. занимали обширную территорию и были многолюдны. Подъезжающему путешественнику сразу бросалось в глаза живописное расположение города, монументальность городских укреплений, расположенных, как правило, на высоких холмах при слиянии

Московский Кремль при Иване Калите. С картины А. Васнецова.

рек, красочность многочисленных соборов и церквей. Центральная часть города — кремль, где располагались резиденция правителя, дворы его приближённых, соборы, государственные учреждения — определяла планировку всего города. Крепостные стены возводились чаще всего из деревянных срубов, засыпанных землёй; на верхних площадках стен устанавливались «заборолы» — бревенчатый забор, защищавший воинов. Башни несколько выдавались за линию стен, чтобы можно было обстреливать неприятеля, предпринявшего штурм крепости. Часто башни выводились из камня. В XIV в., помимо Новгорода и Пскова, кремль, построенный целиком из камня, появляется в Москве. От проезжих, т. е. имеющих ворота, башен тянулись дороги, вдоль которых вырастали улицы и целые кварталы торгово-ремесленного населения (посад), которые по мере их роста также укреплялись рвами, валами и стенами. Со своей стороны, князья были заинтересованы в опытных ремесленниках, в мастерских которых изготовлялись не только обиходные вещи, но и дорогое

оружие, драгоценные ювелирные изделия, материи и т. п. Эти предметы отличались высоким качеством отделки, изяществом и прочностью; сработанные несложными инструментами, они до сих пор вызывают в нас искреннее изумление и восхищение. У пристани на реке находился наиболее многолюдный и оживлённый район — городской торг — экономический центр города. Въезжающий в город сразу же попадал в сложный лабиринт улиц, улочек, тупиков и переулков, так как при возведении построек максимально использовалась территория, защищённая укреплениями. Тем не менее основные улицы прокладывались от кремля и торгового центра. Части города, разделённые реками, соединялись мостами, часто сложного устройства — на столбах; имелись и наплавные мосты, державшиеся прямо на воде при помощи поплавков и разводившиеся для прохода речных судов.

За линией городских укреплений продолжались посадские слободы, возвышались монастыри, каждый из которых представлял собой небольшую крепость.

Постепенно складывались аристократические и демократические районы города. Первые, как правило, занимали центральные части города, ремесленные же слободы выносились на окраины; кожевники располагались вдоль берегов рек, так как для их производства необходима была вода; кузницы ставились во избежание пожара подале от жилых строений.

С ростом города усложнялось городское хозяйство и благоустройство. Центральные улицы мостились положенными поперёк брёвнами. В Новгороде, например, археологи обнаружили свыше 20 слоёв таких мостовых. Для стока вод сооружалась целая система труб.

Такие крупные города становились центрами торгово-ремесленной деятельности для целой округи. Постепенно отдельные города приобретали славу в изготовлении определённых видов изделий.

Во второй половине XIV в. и в начале XV в. в Московском, Суздальско-Нижегородском, Рязанском, Ростовском, Тверском княжествах стали чеканиться свои местные монеты, заменившие иноземные монеты или просто слитки серебра.

Этот переход к своим монетным системам уже показывал, насколько развились торговые отношения не только внутри отдельных княжеств и между ними, но и с

другими государствами и народами. В XIV в. Новгород и Псков продолжали вести обширную балтийскую торговлю, Москва связывается с Византией, восточными государствами, Тверь — с Литвой и центральной Европой. Известно, что в Чехии в то время ценились железные замки, сработанные в Твери.

История наиболее крупных городов Руси в XIV—XV вв. говорит нам, как постепенно возвышался и богател тот или иной город, составляя немалую силу своего княжества, на которую опирались князья в борьбе с иноземными войсками или попросту с соседями, такими же феодалами. Именно в этот период дворянство и городское население, ремесленники и купцы явились инициаторами создания единого Русского государства. Это государство должно было разрешить три главные задачи: первая, в осуществлении которой было заинтересовано всё население русских земель, заключалась в том, чтобы избавиться от постоянной грозной опасности нового иноземного вторжения; вторая из них заключалась в том, чтобы держать в повиновении эксплуатируемое крестьянство; третья должна была привести к уничтожению самовластия отдельных крупных феодалов, бесконечными войнами разорявших население.

«В XV столетии, — говорит Ф. Энгельс относительно Западной Европы, — ...повсюду в феодальные области вклинивались города с антифеодальными интересами, с собственным правом и с вооруженным бюргерством... и в городах и в деревне повсюду увеличилось в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья»¹. Эти стремления в несколько меньшей степени имели место и в средневековой Руси. Они очень ярко проявились в записках Афанасия Никитина.

Афанасий Никитин отдавал себе отчёт в неурядицах Руси, в самовольстве и самоуправстве крупных феодалов

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 442—443.

Переписчики книг (миниатюра из русской летописи).

и бояр, в кабалу к которым попадали сплошь и рядом разорённые феодальными междоусобицами простые люди. «На этом свете нет страны, подобной ей [т. е. Руси], хотя вельможи русской земли не добры. И да устроится Русская земля, ибо правды в ней мало», — писал Никитин, записывая свои сокровенные мысли на татарском и «парсейском» языках.

В этих словах А. Никитина звучали не только его личные чаяния, но и чаяния всего торгово-ремесленного населения русских городов, решительно встававшего на защиту своих интересов. В XIV—XV вв. известно немало случаев взрывов классовой борьбы, направленных против феодалов. Основной силой в этих восстаниях было трудовое население городов.

Русские люди того времени уже представляли себе

свою землю единым целым, несмотря на наличие отдельных разобщённых областей или княжеств. Этот мотив можно проследить во многих произведениях древнерусской литературы, легко его заметить и в записках А. Никитина. Предаваясь воспоминаниям о виденных им ранее странах и сравнивая их между собой, Никитин в заключение восклицает: «А Русскую землю бог да сохранит! На этом свете нет страны подобной ей». Гордость за свою страну, высокий патриотизм нашего автора основывались на знании всей земли русской и, в частности, её славных городов, на знакомстве с её историей и на широком опыте, приобретённом в многолетних скитаниях по белу свету.

Гордость за свою страну и патриотизм, так ярко проявляющиеся в записках Афанасия Никитина, основываются не только на вековых традициях, идущих ещё со времён древнерусского государства Киевской Руси, объясняются не только экономическими и политическими достижениями XIV—XV вв. Большую роль играло сознание высокой культуры русских земель; именно в это время местные — новгородские, тверские, псковские и особенно московские — культурные течения сливаются в единый могучий поток русской национальной культуры. Само сочинение А. Никитина является определённым признаком высокого развития русской культуры XV в. Во всех её проявлениях — в литературе, живописи, фольклоре, архитектуре, публицистике — красной нитью проходит мысль о единстве русских земель; в былинах и песнях русский народ вспоминал о героях-богатырях, стоявших на «заставе» русской земли, выражал твёрдую уверенность в окончательном освобождении от монгольского ига. В сохранившихся литературных произведениях ярко проявляется идея политического объединения феодальных княжеств. Уже в XIV в. Москва становится крупнейшим центром письменности. Современники сообщали, что «многие книги» были написаны по повелению великого князя московского Ивана Калиты. Троице-Сергиев монастырь в XV в. стал крупным центром книжного просвещения.

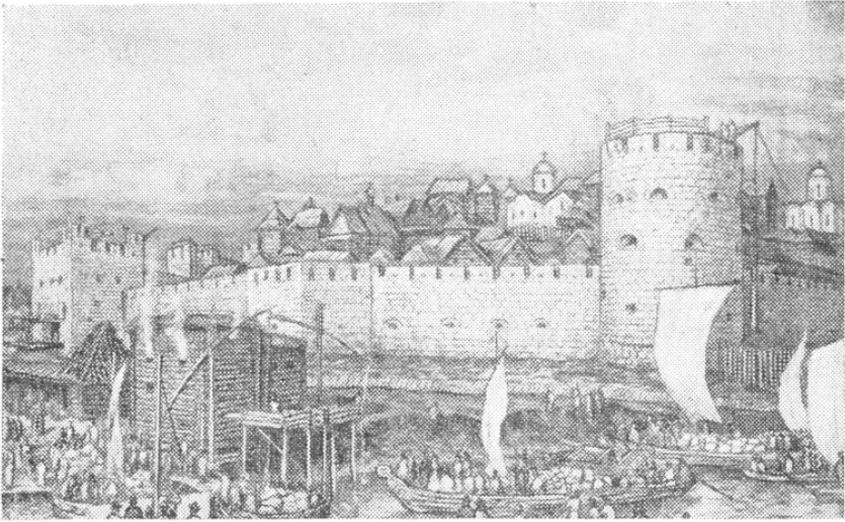
Политическое объединение русских земель отразилось на летописании. В противовес новгородскому, псковскому, тверскому летописанию, основное внимание уделявшему своим местным событиям, в Москве с XV в. в летописях отражаются события, имеющие значение для всех русских земель, проводится яркая идея единства всех славянских

народов. Живо интересуясь жизнью в других государствах, особенно в славянских странах, русские люди оставили немало своих путевых записок, возникших в результате путешествий. Описания таких «хожений» — новгородца Стефана в Царьград (1348—1349), Игнатия смолянина (т. е. жителя Смоленска) в Царьград, Палестину и Афон (1389—1405), «гостя» Василия в Иерусалим и Египет (1465—1466) и др. — свидетельствовали о любознательности и наблюдательности русских путешественников и представляли большой вклад в развитие географических знаний на Руси. Таким образом, А. Никитин и как путешественник, и как писатель имел предшественников и мог использовать их опыт. С ростом международных связей на Руси распространялось знание иностранных языков — греческого, восточных. Сам Афанасий Никитин объяснялся во время своего путешествия с местными жителями Кавказа, Персии, Индии.

Путешествуя по различным чужеземным краям, русские люди, в частности и А. Никитин, не случайно интересовались и сравнивали виденные города со своими родными. Русское зодчество, продолжая традиции более раннего времени, в XV в. создало такие образцы построек — кремлей и храмов, что их можно было порой с успехом сравнивать с великими творениями мировой архитектуры.

Путешествия русских людей в XIV—XV вв. расширяли их кругозор и давали неизмеримо больше, чем уже устаревшее литературное наследие Киевской Руси и переводной литературы XII—XIV вв., проникавшей на Русь с Балканского полуострова (Болгария, Сербия). В частности, одним из таких произведений было «Сказание об Индийском царстве». Написанное первоначально на греческом языке, оно было широко распространено в Западной Европе в латинском переводе; на Русь оно попало в своём сербском варианте и было переведено в конце XII—начале XIII в. Однако это сказание написано в совершенно фантастическом духе и своими рассказами о неслыханных чудесах «Индийского царства», о чудовищных животных и сказочных великанах и уродах до неузнаваемости искажало индийскую действительность.

Как никогда ранее, в русской литературе всё ярче и ярче начинают отражаться вопросы социального и политического характера, волнующие русских людей того времени. Социальные противоречия выражались не только в

Московский Кремль при Дмитрии Донском. С картины А. Васнецова

народных движениях; они проявились в публицистике того времени. В XV в. идёт ожесточённая борьба между различными течениями в области религии; идёт борьба между иосифлянами и «нестяжателями» за руководство церковью, возникают «ереси» стригольников и др. Эта борьба, отразившаяся в сухих богословских спорах, имела под собой определённую социальную базу. Если иосифлянское духовенство боролось за право владеть землёй и экономически обогащаться, а «нестяжатели», выражая интересы крупного боярства, страдавшего от роста церковного землевладения, выдвигали мотивы аскетизма, то ереси, в отличие от этих двух групп боровшихся между собой феодалов, отражали интересы широких слоёв населения, наиболее экономически развитых русских городов того времени и в первую очередь Новгорода, Пскова, Москвы. Ереси боролись с засильем официальной церкви, не признавали церковной иерархии и выступали против обогащения церкви. Определённые мотивы недовольства официальной церковью, своеобразное «вольнодумство» можно видеть и в сочинении современника всех этих событий А. Никитина.

В начале XIV в. ещё не определилось, какой северо-восточный город станет центром складывавшегося Русского государства.

Борьба за ведущую роль в объединении, начавшаяся ещё в первой половине XIV в., приняла особенно яркую форму между Москвой и Тверью, но активную роль принимали в ней и Рязанское, и Суздальско-Нижегородское княжества, и Новгород. В конечном итоге этой борьбы, ко времени Афанасия Никитина, т. е. к середине XV в., бесспорное преобладание принадлежало Москве, сумевшей обеспечить не только интересы своих господствующих классов, но и интересы широких народных масс, стремившихся к объединению всех русских земель. В своём приветствии по поводу 800-летия Москвы И. В. Сталин указывал: «Заслуга Москвы состоит прежде всего в том, что она стала основой объединения разрозненной Руси в единое государство с единым правительством, с единым руководством»¹.

Это объединение, ставшее фактом во второй половине XV в., заставляло уже тогда русских людей задаваться вопросом: «отчего Москве было быти и отчего Москве царством слыти».

Для своего времени очень интересный ответ на этот вопрос дал русский посол в Риме в первой половине XVI в. Д. Герасимов. С его слов известный историк Павел Иовий писал: «Москва, по выгодному положению своему, преимущественно перед всеми другими городами, заслуживает быть столицей; ибо мудрым основателем своим (подразумевается, вероятно, князь Юрий Долгорукий) построена в самой населённой стране, в середине государства, ограждена реками, укреплена замком и по мнению многих никогда не потеряет первенства своего».

Но, конечно, русские люди того времени не могли дать подлинно научного ответа на этот вопрос. Только советские учёные, опирающиеся на положения марксистско-ленинского учения, смогли дать исчерпывающий ответ на важнейшую проблему образования русского централизованного государства и роли городов в этом процессе.

Чтобы объяснить предпосылки русских путешествий на Восток, в том числе «Хожения за три моря», следует охарактеризовать крупнейшие русские города, развивавшееся купечество, так как такие путешествия обуславливались экономическими и политическими переменами на Руси.

¹ «Правда» от 7 сентября 1947 г.

Первоначально, казалось, трудно было даже подумать, чтобы Москва стала столицей всех русских земель с блестящей героической историей. Она возникла в середине XII в. как небольшой пограничный пункт на границе между Суздальским и Черниговским княжествами, как раз на перекрёстке нескольких путей: на север шла дорога на Ростов, на северо-восток — на Владимир; на юг и далее — в Коломну, Рязань, в Черниговскую землю; на запад — к Можайску и Смоленску. Это выгодное положение сразу сообщило ей характер местного центра и важного политического и стратегического пункта. Её окружали многолюдные и многочисленные «красные» (т. е. красивые) сёла.

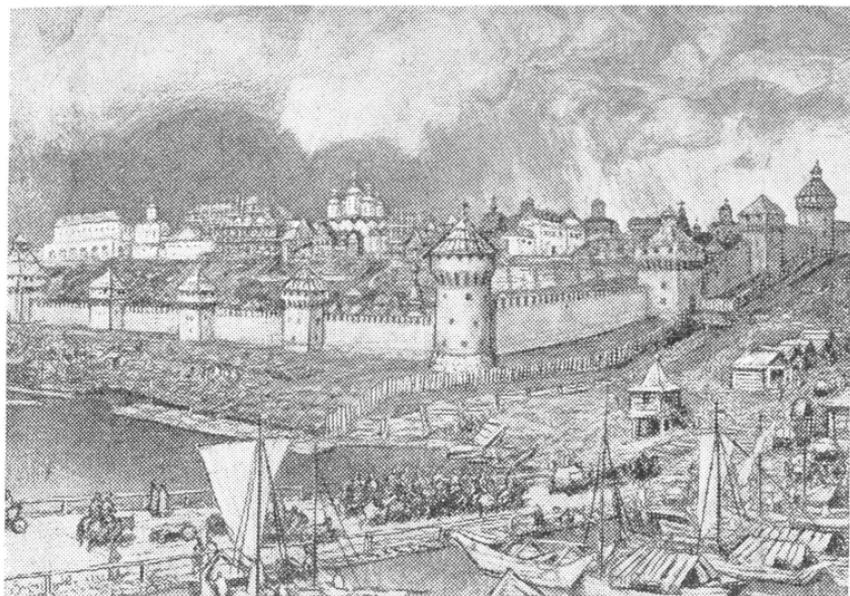
Центральное этнографическое и географическое положение утверждало за ней положение естественного центра русских земель. Прикрытое с юга Рязанским княжеством, с востока Нижегородскими и Муромскими землями, с севера Ростово-Суздальской землёй, а с запада Тверью, Московское княжество менее других земель испытывало тягость татарских набегов. Это привлекало в Москву население, бежавшее с рязанской, нижегородской, муромской окраин, разоряемых татарами.

В начале 1238 г. татары осадили город, пожгли все сёла вокруг него и захватили много имущества. Это сообщение летописи говорит о том, что Москва к этому времени была уже довольно большим городом.

После 1238 г. мы не имеем никаких упоминаний о Москве, но, несомненно, город не заглох среди развалин. Уже в конце XIII в. Москва становится столицей отдельного, правда очень небольшого, Московского княжества во главе с младшим сыном Александра Невского Даниилом.

Немногочисленные источники, сохранившиеся с того времени, свидетельствуют, что никакие пожары, разорительные осады иноземцев и соседних феодалов-недрузгов не могли остановить роста Москвы. Уже в XIV—XV вв. под стенами кремля находился многолюдный посад; отдельные кварталы намечали будущую планировку города, т. е. расположение отдельных его частей и направление основных улиц.

В это время город развивался преимущественно вдоль берега Москвы-реки к востоку от кремля. Там проходили древнейшие дороги-улицы. Великая улица тянулась

Московский Кремль при Иване III. С картины А. Васнецова.

от Кремля к устью р. Яузы, где находилась пристань; Варьская улица по краю крутого холма (ныне улица Разина) начинала дорогу на Владимир, а Устретенская (нынешние улицы 25 Октября и Дзержинского) на Переяславль Залесский и Ростов Великий. В 1394 г. весь этот наиболее оживлённый район, называвшийся несколько позднее Великим посадом, был обнесён рвом. О его многочисленном населении рассказывает летопись: в 1488 г. большой пожар истребил там около пяти тысяч дворов. На Великом посаде была сосредоточена городская торговля, находились торговые ряды, дворы для иноземных купцов, в частности «Панский двор» — купцов, приезжавших из Литвы. Там же возвышались дома крупных купцов (Весяковых и др.) и бояр.

С XIV в. начал заселяться и правый берег р. Неглиной, где возникли улицы-дороги: Дмитровская (на г. Дмитров), Тверская (на Тверь), Волоцкая (на Волоколамск и Новгород), Арбат (на Можайск и Смоленск).

Постоянная опасность татарских набегов задерживала рост города по правому берегу Москвы-реки (Замоскво-

Медная пищаль московской работы, 1484 г.

речь), однако в XV в. и этот район начал постепенно заселяться.

В целом ко времени Афанасия Никитина, т. е. к концу XV в., Москва занимала весьма значительную территорию; её границы доходили до современного бульварного кольца, а местами даже выходили за его черту. На окраинах, опоясывая город, находились монастыри, игравшие в то время немалую военную роль. Всего к концу XVI в. в Москве было не менее 20 монастырей. Некоторые из них дожили до наших дней, являясь вместе с Кремлём немymi свидетелями великих событий, которые происходили у их стен на протяжении пяти-шести веков. Таковы Андронов, Рождественский, Петровский, Сретенский и другие монастыри.

По мере того как рос город, отдельные его части обносились укреплениями, пока в XV в. при Иване III и его преемниках не была произведена общая перестройка как самого Кремля, так и кварталов города.

О богатстве города говорили каменные здания, построенные в Москве в XIV—XV вв. Впервые каменные церкви появились уже при Иване Калите; при Димитрии Донском был перестроен Кремль. Вместо деревянных дубовых стен были воздвигнуты каменные, простоявшие до Ивана III. Строительство их было сопряжено с большой затратой труда, требовало крупных средств и умелых мастеров-каменосечцев. Стены клались из белого камня, который подвозили за десятки верст из каменоломен на р. Пахре. Начали их строить в 1367 г. и строили «без престанно». Москвичи быстро увидели выгоду новой постройки, «иже суть стены каменны и врата железны», особенно после осад Москвы литовским великим князем Ольгердом (1368

и 1369), татарами Тохтамыша, когда город был взят только путём измены (1382), Едигея (1408), Мазовши (1451).

За этими-то стенами и прятались в опасные моменты те безвестные труженики-ремесленники, которые создавали своими изделиями славу родному городу далеко за пределами русской земли. Ремесленники составляли основную массу городского населения. Об этом красноречиво говорят названия московских улиц (например, Кузнецкий мост, Гончарная, Щитная), а также церквей (во имя Петра и Павла в Кожевниках, Кузьмы и Демьяна в Старых Кузнецях, Николаы в Плотниках и т. п.). Трудом ремесленников создавались также и те художественные и архитектурные памятники, которые дошли до нашего времени.

То, что было непосильно столице какого-нибудь удельного княжества, достигалось Москвой, становившейся не только политическим, но и культурным, ремесленным и торговым центром Руси.

Москва как центр многих производств стала выдвигаться с конца XIV в. Особенно выделялись тонкие ремёсла, ювелирное и оружейное дело. Последнее пользовалось известностью не только на Руси, но и в других странах. Известно, что шлемы, луки, кольчуги московской выделки пользовались спросом во многих странах. Крымский хан Менгли-Гирей, имевший возможность получать лучшие образцы оружия из Константинополя, Багдада, Дамаска и Милана, упорно просил у Ивана III прислать ему русской работы «панцыри и мелкий доспех». В знаменитом поэтическом описании Куликовской битвы — «Задонцине» — перечисляется, например, вооружение как русских, так и татарских воинов: «а шеломы черкасские, а щиты московские, а сулицы (дротики) немецкие, а копия фряжские (итальянские), а кинжалы сурские (т. е. сирийские)». Отсюда видно между прочим, что московские купцы уже тогда поддерживали торговые связи и с Западом, и с далёким Востоком. Московское ремесло, как наиболее передовое, передавало свой опыт ремесленникам других родов.

Впервые на Руси Москва в конце XIV в. имела на своих стенах пушки, вызвавшие немалое смятение в войсках хана Тохтамыша, осадившего город в 1382 г. С конца XV в. Москва стала центром производства огнестрельного

оружия и боеприпасов, причём они порой превосходили западноевропейские образцы.

Кроме оружейников и ювелиров, работавших над золотыми и серебряными вещами, Москва славилась своими книжными переписчиками. Употребление бумаги на Руси вместо пергамента впервые началось также в Москве в XIV в. «Книжное дело» было развито в Москве, рукописные, часто в богатых переплётах, книги высоко ценились. Их было так много, что в тохтамышево нашествие некоторые московские церкви, как наименее подверженные пожару, были завалены книгами до самых сводов.

Но, конечно, не такие ремесленники составляли большинство населения ремесленных слобод. Наряду с высокохудожественным производством ювелиров, оружейников, живописцев, из рядов которых вышел знаменитый Андрей Рублёв, чьи картины-иконы по своей поэтичности и величавой простоте явились новой вехой в развитии русской живописи, в большом количестве в Москве развивалось «изделье» обыкновенных обиходных вещей, необходимых как в боярском хозяйстве, так и в домах рядовых городских и сельских жителей. Гончарное, кузнечное, кожевенное производства выходили за рамки потребностей только московского рынка.

Посадское население города представляло большую силу. Оно поддерживало великих князей в их борьбе за обуздание своевольных феодалов. Но с ним великокняжеская власть должна была и считаться, так как резкое имущественное расслоение в ремесленном и торговом населении Москвы, феодальное угнетение не раз вызывали ожесточённые восстания трудового населения города. Наиболее ярким моментом в классовой борьбе московского посадского люда было восстание 1382 г. Вызвано оно было трусливым поведением феодальных верхов, бояр и митрополита, бросивших город на произвол судьбы, когда страшная опасность нависла над ним — подступали татарские полчища хана Тохтамыша. Возмущённое население взяло оборону в свои руки и мужественно отбивало двухдневные приступы, справедливо считая свой город неприступным: «имеем бо град камен твёрд и врата железа; и не терпят татаров стояти под градом нашим долго». Татары понесли большие потери в эти дни от московских пушек, луков и самострелов, камней и кипятка, выливаемого на головы лезших на стены. Только

Фрагмент белокаменной статуи. XV в.
Работа Ермолина.

путём предательства татары ворвались в город и вырезали его защитников и их семьи. Та же картина повторилась и в 1445 г., когда в Москве ожидалась рать хана Улу-Мухаммеда. Посадские люди вновь взяли оборону города в свои руки, хватали и не выпускали из города малодушных беглецов — «хотящих из града прежде бежати начаша имати, бити и ковати».

Нам точно неизвестно, какова была численность населения Москвы в XIV—XV вв., переписей тогда не производилось; однако по некоторым косвенным данным можно сказать, что в Москве проживало 20—30 тыс. человек и что по тому времени она была одним из крупнейших европейских городов. Польский учёный начала XVI в. М. Меховский писал, что она «вдвое больше Тосканской Флоренции и вдвое больше, чем Прага в Богемии».

В это время Москва изменяет свой внешний облик, всё более и более делаясь стольным городом, в котором происходили пышные княжеские съезды и торжественные церемонии, где собирались ратные люди для дальних походов, куда приезжали купцы-иноземцы, куда являлось православное духовенство к русскому митрополиту, поселившемуся в Москве.

Искусная политика первых московских князей обезопасила московский край от периодических татарских нашествий, после которых длинные вереницы пленных тянулись в татарскую неволю, а разбежавшееся и попрятавшееся в лесах население лишь постепенно собиралось на родные пепелища. В разгоревшейся с начала XIV в. борьбе с Тверью московский князь Иван Калита сумел убедить татарского хана в том, что именно тверские князья представляли для него, хана, наибольшую опасность; тем самым ему удалось не только отвести татарский удар от Москвы, но и использовать власть ханов в своих интересах. «И была, — писал летописец про Московское княжество, — оттоле тишина великая на 40 лет, и перестали татары воевать Русскую землю и убивать христиан, и отдохнули и опочили христиане от великой истомы и многой тягости, от насилья татарского, и была оттоле тишина великая по всей земле». Эти-то 40 лет, упоминаемые летописцем, сыграли в развитии Московского княжества огромную роль. Уже к 60-м годам XIV в. за Москвой твёрдо укрепилось значение стольного града.

О притоке населения в Московское княжество очень ярко рассказывает «житие» (биография) основателя Троице-Сергиева монастыря — Сергия Радонежского. Его отец, ростовский боярин, ушёл от своего князя, или, как тогда говорили, «отъехал», в Московское княжество, где и поселился, спасаясь от татарских погромов в глухом лесном городке Радонеже. Одновременно с ним переселилось из Ростовского княжества множество посадских людей и крестьян. Сам Сергей стал монахом-пустынником. Вместе с несколькими последователями он поселился в лесу, в «пустыне», где и прожил 15 лет. Но вдруг, как рассказывает житие, откуда-то понашло множество крестьян, начали они рубить и корчевать лес, поставили дворы, запахали пашню. Подобно отцу Сергия в начале XIV в., к московскому князю «отъехал» знатный черниговский боярин Родион Нестерович, приведя с собой 1700 зависимых

людей. Приезжали и другие бояре из Мурома, Киева, с далёкой Волыни, переносили в Москву свои торговые дела и купцы.

Московские князья умело использовали эту тягу населения к Москве, особенно привлекая богатые слои купечества. В 1388 г. Дмитрий Донской заключил договор со своим двоюродным братом, героем Куликовской битвы, Владимиром Андреевичем Серпуховским, в котором говорилось: гостей, торговцев сукном и городских людей «ведать нам заодно, а на службу их не принимать».

В конце XIV в., когда татарские набеги опустошили Нижегородский край, один из местных богатейших купцов Тарас Петров перебрался из родного Нижнего Новгорода в Москву, где под защитой сильной власти московского князя можно было продолжать свои торговые дела. Именно в это же время в Москве образуется наиболее древняя из известных нам корпорация купцов, гости-сурожане, которые вели крупную внешнюю торговлю с Сурожем, т. е. с Судаком (в Крыму), привозя на русскую землю дорогие восточные товары и распространяя их уже из Москвы. «Сурожский шёлковый ряд» находился на Великом посаде, повидимому на месте современного ГУМа.

Характерно, что во второй половине XIV в. московские князья весьма активно борются с Великим Новгородом за обладание северными областями, откуда можно было черпать запасы пушнины, которая так ценилась на международных рынках.

Московские люди XIV в. прекрасно отдавали себе отчёт в важности международных связей. Когда Дмитрий Донской повёл русскую рать из Москвы к берегам Непрядвы, на Куликово поле, впервые открыто выведя на смертный бой с татаро-монгольскими захватчиками объединённую русскую силу, он взял с собой девять купцов-сурожан. Взяты они были в качестве проводников и с дальновидной политической целью; летопись говорит про них, что они «сходници суть с земли на землю и знаеми всеми и в Ордах и в фрязах», а поэтому в случае победы «имут поведати в далных землях». И действительно, в литературных памятниках того времени, посвящённых борьбе с татаро-монгольским игом — «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище» — говорится, что слава о русской победе широко разлилась даже среди далёких стран; знали о ней и поляки, и чехи, и болгары; знали о ней и в Царь-

Чаша работы И. Фомина, 1449 г.

граде, и в Кафе, и в Риме, и даже в далёком среднеазиатском городе Ургенче. Донести эту весть туда могли в первую очередь купцы.

Кроме гостей-сурожан, в Москве появляется другое объединение купцов — суконники, торговавшие через Смоленск с Западом; упоминается в документах ещё и третья группа торговых людей — «купчие люди». Появление этих купеческих объединений свидетельствовало о богатстве московского купечества, к которому в тяжёлую минуту обращались за помощью московские князья. Из московского купечества в конце XIV — начале XV в. выдвинулись уже целые фамилии, из поколения в поколение занимавшиеся прибыльной торговлей — Ермолины, Саларевы, Антоновы, Весяковы, Ховрины. Прекрасно понимая силу купечества, московские князья, начиная с Ивана Калиты, упорно добивались у других князей права ездить московским купцам через их владения при твёрдо установленных пошлинах («мыт»).

В 1368 г. Димитрий Донской заключил договор с тверским князем Михаилом Александровичем. По этому до-

говору московский князь добился: «А мыта держать и пошлины брать тебе по старине у наших купцов и торговцев; а дорогу им давать свободную, как было при нашем деде, великом князе Иване (Калите) . . . , а мытов новых и пошлин не заводить». В договоре твёрдо устанавливалось то же правило и для новгородских и новоторжских купцов, совершавших «через Тверь и тверские волости» немалые торговые обороты с московскими землями.

Не только с тверскими князьями заключались подобные договоры. Такие грамоты Москва в 1380 г. подписала с Новгородом, а в 1381 г. с Рязанью, точно так же добиваясь права для московских купцов «торговать без рубли», чтобы «мыта держать прежние».

Московские купцы выступали, особенно в XV в., не только как экономическая сила московских князей. Порой им даже поручались важнейшие административные посты; они появлялись в других странах как полномочные представители своего государства, с ними сплошь и рядом советовался великий князь, учитывая их знание чужих стран, да и попросту житейский опыт.

Вот почему в Москве так заинтересовались записками А. Никитина, доставленными, повидимому, его спутниками.

Поддержка богатого московского купечества сильно помогала Димитрию Донскому в его внешнеполитических сношениях. В 1371 г. в Сарае, столице Золотой Орды, он встретился с сыном тверского князя Иваном Михайловичем. Последний, по поручению своего отца, пытался получить у татарского хана ярлык на великое княжение. Как в Орде водилось, Иван Тверской одаривал татарских мурз и ханских жён дорогими подарками, истратил всё, что привёз с собой, задолжал, кроме того, ещё 10 тыс. рублей — сумму, по тому времени громадную, и, ничего не достигнув, попал в отчаянное положение. Соперничество с московским князем было ему уже не под силу. Димитрий Донской воспользовался удобным моментом и выкупил незадачливого претендента на великокняжеский престол. Для этого ему самому пришлось занять денег, но вся суть этого эпизода заключается в том, что московскому князю сарайские ростовщики верили, хорошо зная его возможности и богатство московских купцов, а Ивана Михайловича уже не считали кредитоспособным. С выкупленным соперником Димитрий Донской отбыл на родину. Этот

эпизод, рассказанный в летописи, показывает, как быстро шло возвышение Москвы. За 50 лет до этого тверской князь Михаил Ярославович там же в Орде «перетягал» деньгами московского князя Юрия Даниловича и получил ярлык на великое княжение.

Во второй половине XIV в. возвышение Москвы стало настолько очевидным для современников, что противостоять ему становилось весьма трудно Золотой Орде, не говоря уже о других феодальных русских центрах. Слабела раздираемая непрекращавшейся феодальной борьбой сама Золотая Орда. Однако татаро-монгольские ханы продолжали свою традиционную политику, пытаясь противопоставить процессу объединения Руси вокруг Москвы местный сепаратизм Твери, Рязани, Нижегородского княжества, основанный на узкокняжеских интересах.

В 60—70-х годах XIV в. происходило второе и по существу последнее столкновение Москвы и Твери.

Тверское княжество, опираясь на татар и великое княжество Литовское, возобновило борьбу с Москвой, прерванную в 20-х годах XIV в.

В этой борьбе сказалась сила Московского княжества и народная поддержка национальной политики Москвы. Народные массы, а также мелкие, средние и частично даже крупные феодалы, заинтересованные в установлении единой твёрдой власти, которая могла бы обеспечить их хозяйственную деятельность, объединились вокруг Москвы. Что же касается удельных князей, то они, естественно, теряли всякую народную поддержку, ибо продолжали с оружием в руках отстаивать свои феодальные права, опираясь на узкую привилегированную верхушку своего княжества, а в основном — на помощь разорителей земли русской — татарских ханов и литовских феодалов.

В 1370 г. Димитрий Донской нанёс Твери первое сильное поражение, а в 1375 г. вновь осадил Тверь и принудил тверского князя, тщетно ждавшего татар и литовцев, к мирному договору, фактически заставив его отказаться от соперничества; «смириша тверичь дозела», — говорил о нём летописец. Характерно, что когда в это время Мамай попытался отдать ярлык на великое княжение тверскому князю Михаилу Александровичу, то русские земли его не признали. «А ко князю к великому к Михаилу так и не почали люди из городов передаватися», — отмечал летописец. Точно так же в 1375 г. Димитрия Донского поддер-

жало против тверского князя большинство северо-восточных удельных княжеств, видя в Михаиле изменника, наводившего на Русь иноземных захватчиков.

Впервые после татарского нашествия именно Московское великое княжество открыто выступило против татар, послав свои войска за пределы своей территории.

В 1376 г. московско-суздальская рать ходила на Волгу и осаждала Великие Булгары, в 1378 г. «в силе тяжце» Димитрий Иванович выступил против мурзы Бегича и нанёс ему полное поражение на р. Воже, а в 1380 г. «свидошася мнози от всех стран (т. е. областей) на Москву к великому князю» и «пошли с великим князем за всю землю Русскую на острая копия» — на Куликово поле. Главная сила русского войска состояла из москвичей, среди которых были крестьяне, ремесленники и купцы.

После Куликовской битвы Москва стала общепризнанным центром русской земли. Летописец прямо говорил, что Димитрий Донской стал «приводить князей под волю свою». Умирая, он передал великокняжеское достоинство своему сыну Василию, не испрашивая уже согласия татар. Право московского князя на великое княжение было настолько очевидно, что тверские и рязанские князья не решались более выступать против Москвы даже тогда, когда обстоятельства, казалось, сулили им успех. В 1408 г. золотоордынский хан Едигей двинулся на Москву и послал гонца в Тверь с приказом о выступлении тверской рати с «сосудами градобийственными», т. е. с пушками. Случай представлялся очень удобный с точки зрения тверского князя. Но он хорошо знал, насколько велико сочувствие русского населения к борьбе с татарами. Знал он и то, что физически уничтожить Московское княжество невозможно, что в лучшем случае поход ограничится грабежом в той или иной степени и что в конце концов новая попытка борьбы с Москвой немного погодя может для него окончиться самым плачевным образом.

В конце концов уже известный нам Иван Михайлович Тверской решил на простой, но хитроумный план: он не послушался ханского приказа, но выступил «не в мнозе дружине» и с полдороги возвратился домой.

Другой не менее благоприятный случай представился спустя двадцать лет, когда московский великий князь Василий Тёмный вёл последнюю, но отчаянную борьбу с удельными галицкими князьями — Юрием Димитриевичем

и его сыновьями Василием Косым, Димитрием Шемякой и Димитрием Красным, — попытавшимися отстоять свои феодальные вольности. В ходе этой кровавой феодальной войны, затянувшейся на четверть века и получившей у современников название «Шемякиной смуты», Москва трижды захватывалась галицкими князьями, татары разоряли русские земли, литовские князья грозили войной и стремились овладеть Новгородом. Поддерживая галицких князей, тверской князь Борис Александрович и рязанский Иван Федорович, как и новгородские бояре, вели, однако, осторожную политику и избегали активного вмешательства в борьбу. Они видели, что Василия Тёмного решительно поддерживало подавляющее большинство населения княжества и Москвы. Характерно, в частности, что Василию оказали активную поддержку уже упоминаемые выше купцы Ховрины, ссудившие князю крупную сумму денег. Один из них, Владимир Григорьевич, впоследствии стал казначеем великого князя, а потом получил и титул боярина, перейдя таким образом в состав дворянства.

«Шемякина смута» отсрочила падение самостоятельности Тверского и Рязанского княжеств и Новгорода Великого, но с её окончанием феодальная раздробленность прекращается, причём быстро и почти бескровно. Опираясь на единство Северо-Восточной Руси, Василий Тёмный принуждает Великий Новгород в 1456 г. признать его власть, т. е. принять московского наместника, согласиться на право московского князя собирать дань, отказаться от принятия врагов великого князя и т. д. В том же году рязанский князь Иван Фёдорович, умирая, завещал своего малолетнего сына покровительству Василия Тёмного. Рязанского княжича взяли в Москву, а в Рязань послали московских наместников править делами. Тверскому князю Борису Александровичу ничего не оставалось, кроме как вступить в тесный союз с Москвой, рассчитывая, что путём брака своей дочери с московским княжичем, будущим Иваном III, ему удастся как-то сохранить самостоятельное существование Тверского княжества.

Военные силы Московского княжества по сравнению с другими княжествами были подавляющими. Упомянутый выше Матвей Меховский писал со слов людей, бывавших на Руси, что Московское княжество во второй половине XV в. могло выставить 90 тыс. человек, Тверское княже-

ство 53 тыс., Рязанское княжество 15 тыс. Из летописных данных известно, что в 1471 г. против московского войска, посланного Иваном III на Новгород, новгородцы выставили 40 тыс. бойцов, в том числе и вовсе необученных ратному делу.

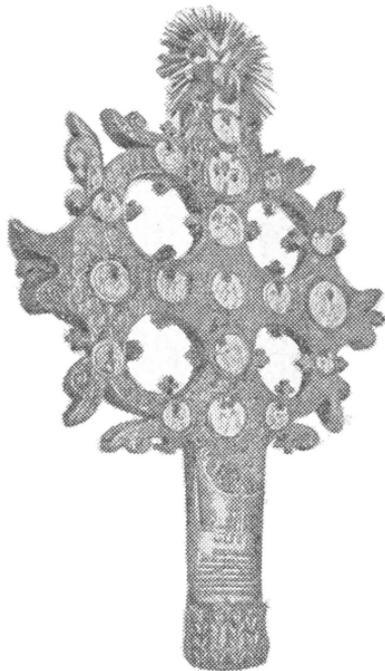
Образовавшееся Русское централизованное государство, поглотившее мелкие и более значительные феодальные княжества, уже при Иване III стало иметь крупное значение в международной жизни: Москва становилась подлинным международным центром. Окончательное свержение татарского ига в 1480 г., решительная борьба с польскими и литовскими феодалами за западные русские земли укрепляло его политическое значение. Молдавия и Венгрия искали в Москве помощи против Польши. Венецианские дипломаты и кардиналы римского папы пытались использовать русские силы в борьбе с Турцией, захватившей в 1453 г. Константинополь и угрожавшей дальнейшим наступлением на Средиземном море и на Балканском полуострове. Грузинский царь Александр I присылает в Москву посольство с просьбой о помощи против турецкой опасности (1491). Одновременно из далёкого Гелата от чагатайского султана Хусейна появляются послы для переговоров «о любви и дружбе». Наконец, желая упрочить уже имевшиеся торговые связи, владетели Ширвана (Северный Азербайджан) присылают в 1465 и 1494 гг. послов в Москву к Ивану III, «великому беку», или «белому хану», как они его называли. С одним из этих посольств — 1465 г., возглавлявшимся Хасан-беком, связано было, как увидим ниже, начало путешествия Афанасия Никитина.

Все эти события происходили или незадолго до начала путешествия А. Никитина, или спустя короткое время после его возвращения на родину.

Что же представляли собой другие крупные центры Руси — Великий Новгород, Псков и Тверь, утрачивавшие, так сказать, на глазах у А. Никитина свою независимость?

* * *

Крупнейший средневековый город Руси Новгород Великий с давних пор славился своей торговлей и ремеслом. Исключительно выгодное географическое положение на рубеже русских земель и северо-западной Европы

Людогощинский крест (Новгород).

позволяло ему сохранить роль торгового и ремесленного центра до конца своего самостоятельного существования.

Живописно расположенный на берегах Волхова город по своим размерам уже в те времена мало уступал современному нам Новгороду.

В начале XV в. фландрский рыцарь Гильбер де Ланноа, проезжавший через Новгород, был изумлен его размерами и богатством.

По своему устройству Новгород был феодальной республикой, вся власть в которой была в руках очень сильного местного боярства и купечества. Князя только приглашались ведать обороной новгородских владений.

Внешний вид города недаром изумлял приезжих. Наряду с многочисленными каменными постройками — крепостными стенами, домами местных богачей, храмами и церквями — в Новгороде, как и в других русских городах,

городские кварталы состояли из деревянных зданий с причудливыми резными украшениями и высоким крыльцом боярских и купеческих домов. Деревянные постройки давали древнерусским зодчим большие возможности для приложения своей фантазии. Если каменные постройки, особенно купеческие дома, поражают своей массивностью, скрадываемой лишь искусными украшениями, сделанными по камню же, то деревянные постройки были весьма разнообразны. Обычный боярский двор состоял из нескольких отдельных построек, связанных воедино. Прежде всего входивший в дом попадал в «клеть» — своего рода прихожую, далее он проходил в «гридницу» — большое помещение, в котором происходили торжественные приёмы. В середине гридницы обычно стоял один или несколько столбов, поддерживающих перекрытия. Они делались резными и вместе с немногочисленной мебелью — скамьями вдоль стен и столами — составляли внутреннее убранство этого помещения. Вся частная жизнь обитателей дома проходила в пристроенных к гриднице теремах. Терема строились в два этажа и представляли собой небольшие комнаты с низким потолком, причём комнаты второго этажа назывались «горницами». Здание увенчивалось фигурными крышами в виде положенной на бок бочки или в виде шатра, иногда с золочёными фигурками — коньками. Вся эта постройка называлась «хоромы».

Приезжих поражало в Новгороде это разнообразие построек — каменных и деревянных, украшенных резьбой, расцвеченных позолотой и красками.

Внешнее величие Новгорода основывалось, конечно, на его богатстве.

Нигде на Руси не развито было так каменное строительство, как в Новгороде и Пскове. Новгородское боярство и купечество, соперничая друг перед другом богатством, по летописным данным, ежегодно закладывали всё новые и новые церкви. В XIV в. каменных зданий там было больше, чем во всех других русских землях, вместе взятых. Каменный новгородский Кремль, возведённый в XI в., уже в самом начале XIV в. был перестроен и расширен. Раньше, чем в западноевропейских городах, в Новгороде был сооружён водопровод, состоящий из огромных дубовых брёвен, расколотых первоначально вдоль, выдолбленных и вновь соединённых обручами.

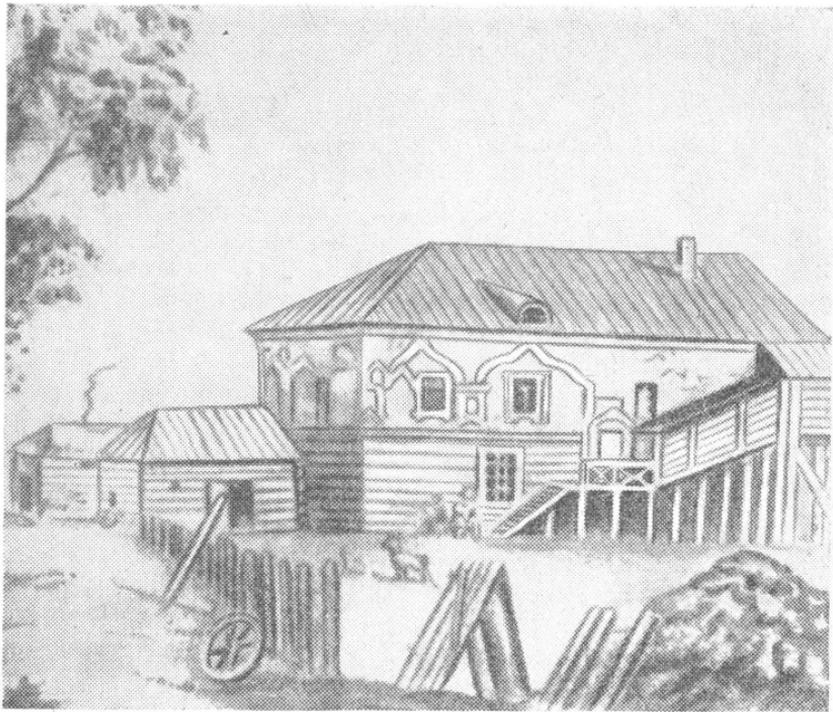
Летописи говорят, что уже в XIII в. в Новгороде было

Георгиевский собор (Новгород, XII в.).

много самых разнообразных ремесленных профессий: серебряники, щитники, кузнецы, плотники, гончары, жерновщики, скорняки, лучники, иконописцы, седельщики, рожечники, котельщики, медники и т. д. Многочисленные находки дают нам образцы их мастерства. Сохранилось много изделий из железа, посуды, предметов деревянной резьбы, резьбы по кости с очень тонкой отделкой и т. д.

Выносили свои изделия на рынок многочисленные ювелиры, а также кожевники, выделявавшие любую обувь от самой примитивной до богатой боярской из тонкой кожи — сафьяна. В Новгородском историческом музее хранится такой сапог из зелёного сафьяна, вытасченный рыбацкой сетью из оз. Ильменя. Сапог этот — удивительной формы, с высоким, тонким, изогнутым каблуком и высоко загну-

Дом XV в. (Новгород).

тым кверху носком. Случайно сохранившийся в водах Ильменя образец боярской обуви находит себе подтверждение и в словах былины:

... сапожки — зелён сафьян,
Вот шилом пяты, носы востры,
Вот под пяту — пяту воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати.

Мастеров каменного строительства в Новгороде было также немало. Известно, что новгородские строители и живописцы неоднократно приглашались в Москву. Псковские мастера, тесно связанные с Новгородом, прославились постройкой в Московском Кремле Благовещенского собора, стоящего с XV в. поныне.

Многообразные ремесленные изделия Новгорода широко расходились по русским землям, тесно связывая его с другими городами и их рынками.

В XIII—XIV вв. Новгород выступает как крупнейший русский город, владевший богатейшими колониями на севере, откуда шли не только меха и моржовые клыки, но и железо с берегов Белого моря и Ладожского озера, серебро из Югры (Северный Урал), соль с беломорских и северодвинских варниц, а также из Руссы.

Новгород вёл большие внутрирусские торговые операции с «низовской землей», т. е. с северо-восточными княжествами, откуда вывозился в больших количествах хлеб, и через них с Золотой Ордой и Востоком, поставлявших шёлк, пряности и другие восточные товары. Ещё больше он был связан с Западом, с балтийскими городами Ревелем, Ригой, Висби, Любеком и другими городами немецкого торгового союза — Ганзы. Ежегодно в Новгород приходили с Запада торговые караваны — морским путём, через Финский залив, и «гором», т. е. сухопутным, через Ливонию. Ганзейские купцы, прочно обосновавшиеся в Новгороде и имевшие там свой «двор», были весьма заинтересованы в торговле через новгородский рынок с русскими землями и принимали все меры, чтобы воспрепятствовать приезду в город других иноземных купцов — фламандцев, англичан, итальянцев.

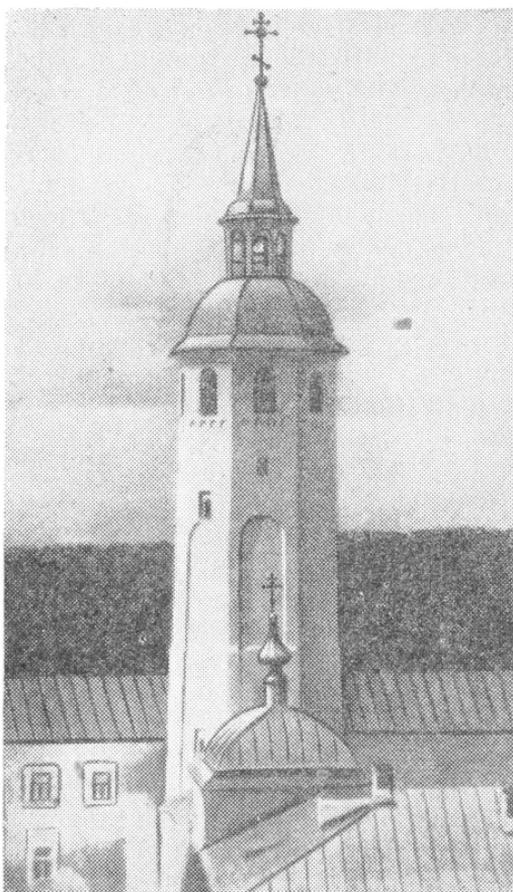
В свою очередь новгородские купцы имели свои постоянные «представительства», дворы в Висби (о. Готланд), Кольвани (Таллин), Юрьеве (Тарту). Обширен, шумен, разнообразен и многолик был новгородский рынок, где сталкивались немецкие, среднеазиатские и персидские, рязанские, московские и тверские купцы.

В былинной сцене состязания богатого гостя (купца) Садко с новгородским купечеством рассказывается, как Садко три дня скупал русские товары, которые вновь и вновь пополнялись в двойном и тройном размере, пока, наконец, не призадумался: на что же он будет покупать заморские товары, когда их привезут?

Не удивительно, что Садко, былинный купец-богатырь, вынужден был признать себя ничем по сравнению с мощным торговым городом Великим Новгородом.

Не я, видно, купец богат новгородский.
Побогаче меня славный Новгород.

Для облегчения своих торговых сделок новгородские купцы объединялись в специальные корпорации, защищавшие и охранявшие интересы своих членов. Но вступить в

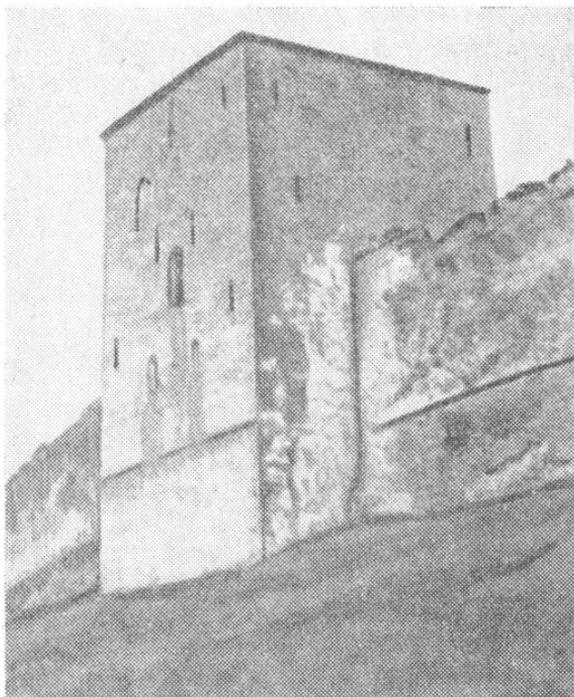
Часовня (Новгород, XV в.).

такое объединение могли только богатые купцы-гости, имевшие возможность внести крупный вступительный взнос. Наиболее известным было объединение купцов, называвшееся Иванское сто; кроме него, были объединения купцов, торговавших со Штетином (Щецин), а также каких-то «заморских купцов», т. е. торговавших «за морем». Свои сделки они вели в тесном сотрудничестве с новгородским боярством. Всем им противостояла масса трудового населения города. Как нигде на Руси, в Новгороде развивалась в средние века городская жизнь во всём её многообразии, с резко выраженным классовым антагонизмом между «большими» и «меньшими» людьми.

Классовая борьба нередко, начиная с XII в., выражалась в форме открытых восстаний «меньших» людей, т. е. ремесленников и мелких торговцев, против «больших» людей.

Летописи буквально пестрят указаниями то на одно, то на другое выступление новгородцев против зажиточной верхушки, «бесправдивых бояр», «ябедников», «посульников». Наиболее крупное восстание произошло в 1418 г. Народ поддержал одного новгородца, Степана, по видимому, закабалённого боярином Даниилом Ивановичем Божиным, и хотел убить боярина. Схваченного Божина сбросили с моста в Волхов, но боярину удалось спастись: один рыбак выловил его. Горя мщением, боярин заманил Степана в свой дом, боярские слуги схватили его и в подземелье начали пытать. Народ, услышав, что схвачен Степан, собрал вече на Ярославовом дворе и решил освободить узника. Новгородцы пришли с оружием, с боевым знаменем на Козьмодемьянскую улицу, где стоял дом Божина, разграбили его, а вместе с ним разгромили много других богатых дворов на Яневой и Чудинцевой улицах, а также и купеческие корабли, стоявшие неподалёку у берега реки.

Степана пришлось выпустить, но восстание не утихло. Народ разграбил монастырь святого Николая с криком: «Здесь житницы боярские!» То же случилось на Людогосей улице, где народ разбил много дворов богачей, говоря: «Это враги наши». Но на Прусской улице, находившейся на Софийской стороне, богатое население к тому времени успело вооружиться и отбросило восставших. Ожесточение возрастало. Восставшие отошли к себе, на Торговую сторону, и стали готовиться к бою. По всему городу били колокола, люди с обеих сторон сбегались к большому мосту, где разгорелась битва. Паника охватила богатое население, начавшее прятать своё имущество — «смутися весь град страхом вельим (т. е. большим) и ужасом» и «от лютыя брани и от усобного губительства начаша животы (т. е. добро) свои носити в церкви», — пишет летопись. С большим трудом, рискуя жизнью, архиепископ Симеон, став посреди моста, остановил битву и тем спас Софийскую сторону от погрома. Так, столкновение закабалённого человека с боярином вызвало восстание широких народных масс, ремесленников, мелких торговцев, грузчиков пристани.

Крепостная башня (Новгород, XV в.).

В трудной и сложной обстановке XIII в. Новгород сумел оградить себя от иноземного разорения: оружием — от шведов и немецкого рыцарства и дипломатией, подкреплённой деньгами, — от татаро-монголов. Однако новгородская верхушка не выдвигала обширных политических задач по объединению Руси вокруг Новгорода. Наоборот, до конца XV в. она упорно отстаивала свою местную самостоятельность, и когда стало ясно, что своих сил бороться с Москвой недостаточно, в конце концов, обратилась за помощью против Москвы к одному из опаснейших врагов Руси — Литовскому великому княжеству.

Новгородское купечество и боярство были заинтересованы в общерусских политических делах лишь постольку, поскольку они опасались за судьбу своих огромных северных колоний. Новгородские бояре и купцы претендовали на исключительное право эксплуатации этих богатейших земель, а также на монополию в балтийской торговле. Но эта политика встречала сопротивление рядового ремеслен-

ного населения Новгорода, заинтересованного в прочных связях с другими городами Руси, а также той части купечества, которая была связана с восточной торговлей по Волге и Каспийскому морю. Попытки отдаться под власть Литвы вызывали решительное противодействие новгородского ремесленно-торгового населения. В завершающей борьбе с Москвой бояре не получили поддержки народа, и московские войска победили в битве на Шелони (1471).

В договорной грамоте с Иваном III Новгород должен был признать: «а нам, мужем новгородцом, казну вашу держати честно и грозно, без обиды. А за короля и за великого князя литовского, что король или великий князь на Литву ни буди, от вас, от великих князей, нам, вашей отчине Великому Новугороду, мужем вольным не отдатися никоторою хитростью, и быти нам от вас, от великих князев, неотступным ни к кому». Однако новгородское боярство не унялось и продолжало «ссылки», т. е. поддерживало связь с литовским великим князем. Внутригородская борьба вновь обострилась. В конце концов, опираясь на своих «приятелей», т. е. на партию московских сторонников, а фактически на новгородское население, Иван III смирил «литовскую» партию новгородской верхушки, и Новгород окончательно вошёл в состав Русского государства.

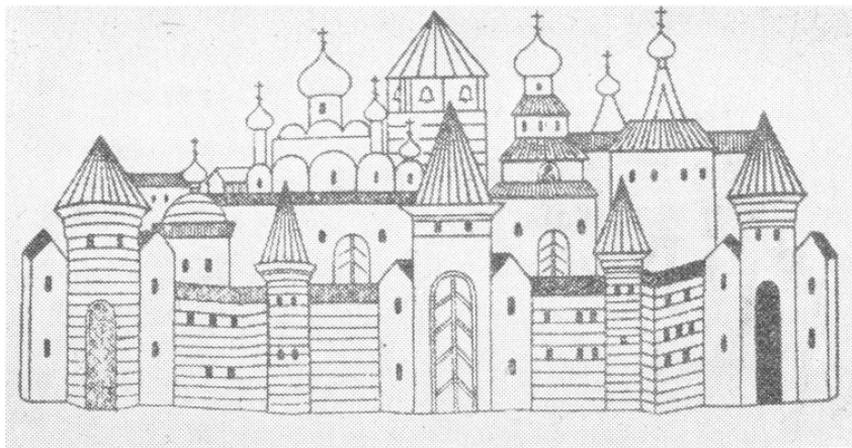
* * *

Тверское княжество выделилось из состава Владимиро-Суздальского княжества в 1246 г., т. е. ещё до того, как образовалось княжество Московское. Его границы соприкасались с Новгородской землёй, Литвой и Смоленским княжеством, а позднее с Московским.

Уже в XII—XIII вв. в Тверской земле было довольно много для того времени жителей. Тверская летопись говорит, например, что во время одной феодальной усобицы в 1149 г. из сравнительно небольшого района между Снятинным, Угличем и Ярославлем было угнано в полон 7 тыс. человек.

Тверь возникла немного позднее Москвы; первые упоминания о ней датируются 1181 г., когда владимирский великий князь Всеволод Большое Гнездо воевал с Новгородом и построил укрепление при слиянии рек Тверцы и Волги.

Планировка современной Твери (ныне г. Калинин) имеет мало общего со старым городом. Если следы древ-

Тверской Кремль в XV в.

ней Москвы в наши дни можно разглядеть в Кремле и во многих других местах города, то от архитектурных памятников её старого и когда-то опасного политического противника не осталось ровно ничего. И это не случайность. Москва как центр складывавшегося государства находила в себе силы не только вести активную внешнюю политику, но и создавать постройки, простоявшие многие века и сохранившиеся до нашего времени как блестящие памятники культуры. Тверь не смогла этого сделать, хотя первоначально, казалось, имела все данные к этому. А в середине XVIII в. пожар уничтожил последние остатки старой деревянной Твери, и после перепланировки города о древней его топографии мы можем сейчас судить только по отдельным, случайно сохранившимся данным. Они позволяют, однако, вполне определённо сказать, что древняя Тверь была одним из крупнейших городов Руси, сохранив это значение до образования единого Русского государства. Достаточно сказать, что по занимаемой территории Тверь XIV—XV вв. не уступала Твери XVIII в. Сам Никитин, сравнивая с Тверью прославленный индусский религиозный центр Парват, писал, что этот город величиной лишь в пол-Твери.

Но, войдя в состав единого Русского государства, Тверь стала постепенно хиреть, превратившись в конце концов

в обыкновенный административный центр местного значения, губернский город, каких в Российской империи были десятки. Как Новгород Великий и Псков, она так и не смогла перерасти в торгово-промышленный город общероссийского масштаба.

Первоначально город возник на левом берегу Волги при впадении в неё р. Тверцы. В XIII в. он был перенесён на правый высокий берег Волги.

Тверская крепость оборонялась с одной стороны Волгой, с другой — речкой Тьмакой, а с третьей — выкопанным рвом с водой. В 1317 г. тверской князь Михаил Ярославич расширил старый Кремль — «заложи большой град Кремник». Тверская крепость, по данным, правда, конца XVII в., имела в длину 300 сажен и в ширину 218. В ней, кроме собора, находились каменные княжеские палаты, двор владыки (епископа), осадные дворы местных бояр, где они жили во время осады города неприятелем. Уже в 1282 г. в Твери был воздвигнут соборный каменный храм во имя Спаса Преображенья, простоявший 300 лет. Внешний облик тверского Кремля сложился к XIV—XV вв. и в дальнейшем не изменялся. Сохранившееся его изображение на одной иконе, написанной в XV в., даёт представление о его внешнем виде — с деревянными стенами, каменными башнями и несколькими, тоже каменными, соборами и церквами.

Под стенами Кремля сложилась основная часть посада — Загородье и Затьмачье, укреплённая в XV в. рвом и острогом. В Загородье находился основной торг города; Затьмачье было, повидимому, наиболее многолюдным. Во время одного пожара на нём сгорело свыше сотни дворов. На нём-то и находились основные ремесленные предприятия города. Там же находился «татарский двор»; до последних времён одно возвышенное место называлось «татарские горы», где приезжавшие в Тверь татарские сборщики дани, баскаки, жили в шатрах, предпочитая, повидимому, привычную им жизнь русским постройкам.

Другие части посада — Заволжская и Затверецкая — были значительно меньше. В целом же эти четыре части — Загородная, Затьмацкая, Заволжская и Затверецкая — в самых общих чертах соответствовали нынешним несравнимо разросшимся районам города. Состояли эти части Твери, как и во всех русских городах, из отдельных слобод — Рыбачьей, Ямской и др.

Микулинский собор.

Песни и былины запечатлели в народной памяти образ «Твери той старой, Твери той богатой». По данным начала XVII в., когда город уже сильно запустел, в нём было не менее 2 тыс. дворов, в которых жило 10—12 тыс. человек. По другим сведениям известно, что в конце XV — начале XVI в. в Твери имелось 160 церквей. Многолюдный посад, на котором жили купцы и ремесленники, позволял до поры до времени тверским князьям противопоставлять свою столицу Москве.

Несмотря на краткость летописных сведений, очевидно, что ремесло и торговля Твери достигали в XIV—XV вв. значительных размеров. Что касается ремёсел, то тверичи хорошо умели возводить крепкие каменные постройки, и поэтому их часто приглашали в другие города, давая ответственные строительные заказы. Бывали случаи, когда такие заказы выполнялись даже из тверского материала (кирпича), который вывозился из Твери и Старицы. Умели тверичи и украшать свои постройки. Храм Спаса славился росписью стен, красивым мраморным полом, колоколами и позолоченными куполами и крестами. Всё это делалось местными каменосечцами, серебряных и золотых дел мастерами. Имена двух таких мастеров, изготовлявших серебряные вызолоченные печати, которые князья прикладывали к своим грамотам, сохранились до наших дней. Один звался Арефьевым, другой — Федотовым.

В литейных мастерских в Затьмачье отливались колокола, пушки и всякие обиходные вещи для населения, причём в некоторых изделиях тверские ремесленники превосходили «немецких мастеров».

На Волге и её небольших притоках местные судостроители строили суда, ходившие потом вниз до Каспийского моря. Развитое ремесленное производство и торговля придавали Твери значение крупного местного центра. Тверские князья со своей стороны поддерживали местных ремесленников, давали им заказы. Блестящим произведением тверских оружейников является сохранившаяся до наших дней рогатина для охоты князя Бориса Александровича с искусной гравировкой на металлической части.

Однако таких построек, как храм Спаса, имелись лишь единицы, а таких мастеров, как Арефьев и Федотов, было немного, и не могли они тягаться по своей численности с московскими.

Помимо Твери, значительные посады, активно принимавшие участие в экономической жизни княжества, имелись в Кашине, Микулине, Опоках, Зубцове, Старице, Вертязине. Через Калязин шли в значительном количестве различные товары. На эти и другие города-крепости — Холм, Ржев, Дорогобуж, Клин, Новый городок — тверские князья опирались в борьбе с Москвой, Новгородом, Литвой.

Несмотря на незначительность своей территории, Тверское княжество занимало важное транзитное положение между Новгородом и «низовыми» русскими землями. После татарского нашествия XIII в., разорившего большинство северо-восточных русских земель, когда, по словам летописи, «бысть ослаба Руси от насилья татарского», создались благоприятные перспективы для экономических связей Твери с Новгородом и западными и юго-западными русскими землями, вошедшими в состав великого княжества Литовского, например Смоленском, Киевом.

Тверские князья, заинтересованные этими связями, поддерживали торговлю; через Тверь шёл основной подвоз хлеба в Новгород.

На политической арене Тверь выступила значительно раньше Москвы.

После смерти великого князя владимирского Александра Невского его брат Ярослав, князь тверской, в 1263 г. стал великим князем. Отлив населения из разорённых земель создавал благоприятную перспективу для тверских князей, попытавшихся в конце XIII в. организовать сопротивление наступлению Литвы на русскую землю, а вместе с тем и татарским нашествиям. Естественно, что, защищаясь от Литвы, Тверское княжество было заинтересовано в том, чтобы привлечь к этому делу силы других княжеств.

Торговые и политические связи с Новгородом Великим, Псковом, Смоленском, сталкивавшимися, как и Тверь, с Литвой, делали Тверское княжество опорным пунктом на западных рубежах русской земли.

В 1285 г. тверской князь Михаил Ярославич отбил нападение Литвы, причём, что важно подчеркнуть, не только своими силами: «воеваша Литва Олешну и прочии волости владыки тверского; и совокупишася на них тверичи, москвичи, волочане, новоторжцы, зубчане, ржевичи — и угониша их на леса, канун Спасову дни, и биша их, а князя их Доманта яша и Литву много изнимаша, и иные избиша, а друзие убежаша, а полон весь отъяша, и возвратишася восвояси». Спустя девять лет тот же князь сумел подготовиться к отпору наступавшим татарским ордам Дуденя, а в 1295—1300 гг. попытался создать военно-оборонительный союз, предложив Новгороду помощь против любой нападающей стороны — Литвы, ордена или татар.

Вот почему первоначально золотоордынские ханы благосклонно смотрели на усиление Москвы и отдавали ей предпочтение.

Однако, несмотря на выгодную политическую обстановку в конце XIII в., Тверь не обладала необходимыми данными для того, чтобы в XIV в. возглавить объединение Руси, и энергия, и личная отвага её князей не могли преодолеть враждебных ей устремлений других русских земель и прежде всего Новгорода Великого. Уже в 1263 г. тверской князь Ярослав Ярославич, приглашённый княжить в Новгороде, попытался добиться у новгородцев привилегий для тверских купцов, что встретило решительное сопротивление новгородского боярства и купечества. Новгородцы отстаивали своё монопольное право торговли с балтийскими городами, решительно заявив Ярославу: «Пойди прочь, не хотим тебя». Выгодность положения Твери была явлением временным. Ограниченные возможности в политической борьбе за первенство принудили тверских князей обращаться к помощи ненавистных на Руси литовских и татарских захватчиков, что, естественно, влекло за собой утрату доверия со стороны народных масс и потерю их поддержки.

Претендуя на единую политическую власть на Руси, тверские князья, как и московские, пытались в XIV в. «соблюдать» свою «отчину». По словам «жития» князя Михаила, княжившего во второй половине XIV в., он собирал людей в города; в его княжение «разбойники и тати и ябедники исчезоша, и корчемники и мытари, и торговля, злая тамги истребишася, и насилowanie, и грабление нигде же обреташася». Это описание во многом напоминает отзывы московского книжника об Иване Калите, с той разницей, что всего этого Калита добился значительно раньше. Монах Фома в «Слове похвальном о благоверном великом князе Борисе Александровиче», правившем в 1425—1461 гг., даже сообщает, что этот князь «царевым венцом увязеся», и титулует его «самодержавным государем». Однако все эти претензии на верховенство не имели под собой оснований.

В то время как Московское княжество притягивало к себе другие северо-восточные русские земли, Тверскому княжеству по существу некого было к себе привлечь. Всё более замыкаясь политически, Тверское княжество не могло удовлетворять интересов даже своей верхушки —

Фрагмент рогатины князя Бориса Александровича Тверского.

феодалов. Некоторые удельные тверские князья предпочитали лучше быть под властью более сильного московского князя, чем под рукой своего великого князя тверского, как, например, поступил видный полководец XV в. князь Даниил Димитриевич Холмский. Не могло удовлетворить оно и интересов купечества, таких людей, как Никитин, давно связанных по роду своих занятий с главными русскими городами и чужими странами, стремящихся к широкой общерусской и заморской деятельности. Таким Тверское княжество и оставалось, слабя и уступая напору

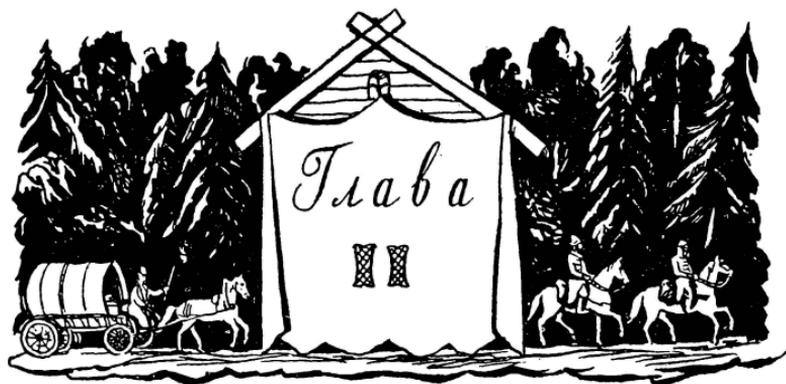
Борьба Москвы с Тверью (миннатура Никоновского свода, XVI в.).

великого княжества Московского, до тех пор, пока, наконец, последний тверской князь Михаил Борисович не бежал в Литву, а его столица в 1485 г. без всякого сопротивления не открыла свои ворота перед московской ратью.

Другие крупные русские города — «младший брат» Новгорода Псков, Рязань, Нижний Новгород играли меньшую роль в развернувшейся в XIV—XV вв. борьбе за объединение Руси. Относительно последних двух сохранилось значительно меньше известий, но, тем не менее, имеющиеся данные позволяют судить об их крупной роли в истории Руси XIV—XV вв. и о стремлении основной части их населения — трудящегося посадского люда, к объединению всех русских земель в единое сильное Русское государство.

К XV в. русские города обладали самобытной материальной культурой и многообразным ремеслом, изделия которого начинали расходиться не только по местным торжкам, но и выходили за пределы отдельных княжеств, даже в заморские страны.

Русское
купецество
торговля
в XV веке

С развитием русских городов, а вместе с тем и ремесла усиливался товарообмен между отдельными центрами; изделия городского ремесла проникали в сельские местности на небольшие рынки-торжки; а также вывозились за границу. Фигура купца становится очень заметной в городской жизни. Австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, приезжавший в Россию в начале XV в. дважды и издавший составленное им описание нашей страны, снабдил свою книгу иллюстрациями, на одной из которых изображен русский купец. На купце мы видим кафтан с характерными для русской одежды того времени застёжками в виде петель из скрученного шнура. Поверх кафтана накинута верхняя тёплая одежда на меху, но без рукавов. На ногах — мягкие сафьяновые сапоги с загнутыми носками, а на голове — шапка-колпак, отороченная мехом. В руках у купца свиток бумаги, куда могли быть внесены записи о товаре, ценах и т. д.

Грамотность среди купцов была нередким явлением, да без неё трудно было бы вести торговые дела. Но знание

Русский купец (из книги Герберштейна, XVI в.).

грамоты не ограничивалось только чисто деловыми отношениями, и в этом пример Афанасия Никитина весьма показателен. Собираясь в своё путешествие, он взял с собой книги (названия которых нам остались неизвестными) и, будучи на чужбине, горько сожалел об их утрате: «со мной нет ничего, никакой книги; а книги мы взяли с собой из Руси, но, когда меня пограбили, то захватили и их».

В то время купцы вели свои торговые дела на собственный страх и риск. Правда, некоторые данные свидетельствуют, как указывалось, что на родине часть их объединялась в товарищества. В Москве появились в XIV в. гости-сурожане и суконники, а в Новгороде Великом издавна существовали купеческие корпорации, связанные общностью торговых интересов и группировавшиеся вокруг церквей. Такие купеческие объединения вокруг церквей,

когда святой, в честь которого построена была церковь, признавался покровителем той или иной группы купцов, представляли собой довольно распространённое явление. В Москве, по словам летописи, таким купеческим центром в XIV—XV вв. была церковь Ивана Златоуста: «того же лета (т. е. 1479 г.) июля месяца, — писал летописец, — заложил церковь Иоанна Златоустого великий князь Иван Васильевич камену, а прежде бывшую деревянную разобрав; бе же та изначала церковь гостей московских строение . . .» В начале XVI в. упоминается в летописи и другая московская церковь, связанная с деятельностью купцов и названная во имя Николая Льяного.

Такие церкви использовались не только в религиозных целях. Они отвечали и хозяйственным нуждам купцов: при них были склады, подвалы для хранения товаров и казны; обычно такие церкви строились для большей безопасности каменными; в них же устраивались и общинные празднества.

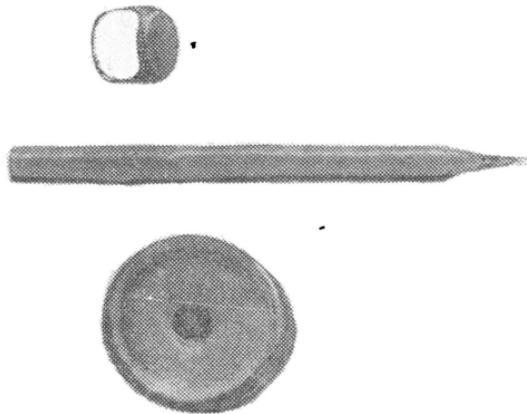
Там, где купцы бывали только наездами, они также иногда возводили свои патрональные храмы. Например, в Торжке, крупном транзитном центре на пути в Новгород, Тверь и Москву, купцы, торговавшие воском, построили храм Спаса Преображенья, который стал служить как бы отделением торгового новгородского учреждения при церкви Ивана на Петрятине Дворище. То же самое было и в Старой Руссе: в 1403 г. «поставиша купцы новгородские, прасолы, в Русе церковь камену».

В Пскове патрональным храмом купцов была церковь Софии; в 1415 г., при её перестройке, «мастер Еремей сверши церковь камену . . . повелением купецких старост Андрея Тимофеевича и всея и всех купцов».

В народной памяти такие купеческие товарищества (братчины) сохранились в новгородских былинах о Василии Буслаеве.

Однако преувеличивать их роль не следует. Гораздо чаще купец предпринимал далёкую поездку вполне самостоятельно. Удастся она — хорошо, не удастся — грозило разорение.

В одном житии XIV в. можно увидеть именно эту черту тогдашнего торгового быта. Некий переяславский купец три раза совершил торговое путешествие на далёкую Печору. В первый раз, возвратившись домой, он сумел расплатиться со всеми долгами, после второго путешествия стал

Печать, бронзовое перо и чернильница (из раскопок Сарай-Берке).

богатым человеком, а из третьего не вернулся, сложив свою голову где-то в печорских лесах. Этот пример, с одной стороны, показывает, каким образом вырастали удачливые предприниматели, а с другой стороны — злополучный конец красноречиво говорит о тех опасностях, которые ждали купца во время странствований. Ему грозила гибель от татар, избивавших русских купцов при первом же осложнении между Ордой, Крымом и русскими землями; смерть караулила его в случае восстаний народов Севера; разоряли купца и феодальные усобицы. В 1378 г. царевич Арапша, отправляясь в разбойничий набег на Русь, убил по дороге русских гостей и овладел их имуществом. В 1382 г. Тохтамыш, собираясь отомстить за поражение татар на поле Куликовом, специально перехватывал русских купцов на Волге, чтобы они не донесли вести на русскую землю о предполагавшемся нападении. Нападению татар подвергся на Волге и Афанасий Никитин.

Подобных случаев можно привести много, но один из них даёт нам особо интересные данные.

В 1489 г. на нижнем течении Днепра 120 русских купцов были ограблены кочующей ордой крымских татар. Этот эпизод помогает нам установить происхождение некоторых русских купцов. Среди имён ограбленных купцов оказались, например, лица, сохранившие свои ремесленные прозвища: Андрюшка бронник, Софоний Левонтиев

сын игольник, Абакум Еремеев сын красильников и другие. Тесно связанные с городским торгом богатееющие ремесленники уже к концу XV в. переставали довольствоваться торговлей в своём ряду на городской площади, становились купцами и начинали переходить к межгородской и даже далёкой заморской торговле.

Немало страдали купцы одного княжества от конкурирующих с ними купцов других княжеств. Особенно много столкновений бывало на Волге и в северных областях, где встречались новгородские ушкуйники и московские купцы.

В 1397—1398 гг. Московское княжество воевало с Новгородом за обладание Северной Двиной. Новгородцам удалось отстоять свою колонию, но столкновения московских и новгородских промышленников продолжались. Отправляясь в путешествие, купец вооружался и в случае нападения готов был силой защищать своё имущество, так как далеко не всегда удавалось возратить с помощью властей ограбленное добро или получить за него возмещение. Московские купцы в таких случаях могли опереться на своего князя. Так, в 1386 г. Новгород, после грозного окрика московского князя: «почто естя ходили грабити и бити моих гостей», уплатил Димитрию Донскому 8 тыс. рублей за ограбление ушкуйниками московских купцов у Костромы. Но такие счастливые случаи происходили не так уж часто. Новгородские ушкуйники, сочетавшие торговые дела с прямым, заранее обдуманым грабежом, по существу занимались таким же пиратством, как и то, которое поощрялось некоторыми западноевропейскими государствами для борьбы с конкурентами по морской торговле.

Бороться с ушкуйниками было нелегко; в 1366 г. они ограбили Нижний Новгород, в 1374 г. брали выкуп с Казани, а к 1375 г. добрались по Волге даже до Астрахани.

Если ушкуйники действовали по частной инициативе определённых купеческих кругов, то феодальный грабёж на больших торговых дорогах уже являлся некоей государственной мерой, направленной на подрыв торговых дел соседнего феодального владения. Ответом на это обычно бывал такой же вооружённый набег. Всё это сильно отражалось на развитии общерусской торговли. Только с укреплением великокняжеской власти можно

было прекратить подобные торгово-разбойничьи походы, обезопасить внутренние пути и, подняв внешнеполитический престиж Руси, бороться за безопасность русских купцов на иноземных торговых путях.

Поэтому русское купечество активно поддерживало московского великого князя. Весьма характерный случай произошёл в 1478 г., когда Иван III собирался идти походом на Новгород. Купцы северо-восточных и южных русских земель считали свои интересы связанными с интересами Москвы; те из них, кто в этот момент находился в Новгороде, поспешили в Псков, дружественно настроенный к Москве, и затем помогали войскам Ивана III различными съестными припасами.

Эта поддержка была взаимной. Иван III поддерживал и специально оговаривал интересы русского купечества при переговорах с крымскими, ливонскими и другими послами.

Купеческие объединения получали от московских великих князей различные привилегии — освобождение от постоя¹, установление подсудности только самому князю, освобождение от судебных пошлин и т. д. То же можно было видеть и в других крупных городах. По договорам с князьями новгородские купцы, например, так же как и в Москве, освобождались от местных повинностей и местного суда.

Однако эта поддержка не всегда оказывалась достаточной, тем более, что торговые дороги долго оставались весьма небезопасными от разбойничавших отрядов крымских татар и других кочевников. Поэтому, отправляясь в дальние путешествия, купцы, чтобы избежать ограбления, объединялись обычно в большие караваны, в составе которых часто находилось несколько тысяч самых различных людей, а также часто отправлялись с дипломатическими посольствами, снабжёнными специальной охраной.

Как увидим ниже, именно так поступил Афанасий Никитин в самом начале своего путешествия.

Нападение на такой караван превращалось в целое сражение, исход которого мог стать плачевным для самих нападающих. По свидетельству С. Герберштейна, купцы, объединившись с одним из посольств, составили караван,

¹ Обязанность содержать проезжих представителей власти или ратных людей.

насчитывавший свыше тысячи лошадей. Во главе каравана ставился обычно наиболее уважаемый и влиятельный купец — «голова», представляющий интересы каравана и отвечающий за поступки своих спутников. Внутри каравана мелкой организационной единицей купцов был «котёл». В состав «котла» входило обычно 5—6 человек, объединившихся по принципу землячества или знакомства. По прибытии к месту назначения такие объединения обычно не распадались, сотоварищи продолжали вместе питаться, вместе снимали помещение для жилья и для товаров — «камору». Бывали случаи так называемого «складничества» — у двух или нескольких человек «товар за один был». В этих случаях складники могли не отправляться в путь, предоставляя одному право на продажу их товаров. Прочной специализации в роде товаров и твёрдо установившейся направленности торгового предприятия у отдельных купцов ещё не было во времена Никитина. Само «Хождение за три моря» убеждает нас, что русское купечество, установившее уже значительные связи со многими странами, как бы изучало и нащупывало возможности для дальнейшего расширения торговли на Востоке. Из «Хождения» видно, например, что до своего путешествия в Индию Никитин успел побывать в Валахии, Грузии, Подолии, а может быть и в Средней Азии, и что он вместе с тем готов был пройти по ещё неизведанному, лишь по наслышке известному пути, ведущему в Индию.

Торговые обороты русских купцов составляли немалую сумму. В грамоте 1475 г. Иван III писал крымскому хану Менгли-Гирею, что в Кафе русские гости были пограблены на «многие тысяч рублёв», и требовал расследования. Из других грамот того же времени видно, что в Крым отдельные купцы привозили товары на сотни рублей, что по тем временам составляло крупную сумму.

Огромные расстояния, многочисленные переправы, трудно проходимые леса, обширные степные пространства, бездорожье делали само путешествие делом весьма нелёгким и длительным. Летом обычно использовались водные пути, зимой ехали на санях. Современник Никитина венецианец Контарини, проезжавший из Персии на родину через Москву во второй половине XV в., писал, что зимой на русских санях, запряжённых одной лошадью, очень легко перевозить большие тяжести, тогда как летом езда затруднительна из-за грязи на дорогах и болотной мошка-

ры. Сани, по его описанию, были крытые. Точно так же и телеги, на которых через южные степи русские путешественники приезжали в Крым, были крытые. Тот же Контарини описывал трудности путешествия от Астрахани до Москвы. Он ехал с большим купеческим караваном, всё время опасаясь нападения, особенно там, где Дон ближе всего подходит к Волге. Через Волгу они переправлялись на самодельных плотках и шли степью, где почти не видно было дороги. На ночь спутники ограждались повозками, устанавливая их четырёхугольником вокруг лагеря и выставляя караульных. Контарини ехал 47 дней, прежде чем выбрался из степей; припасы каравана иссякли, начался голод.

Зимний путь был значительно быстрее летнего, но его усложняли морозы и метели; летописи прямо говорят, что путь в Орду был «нужен и тяжёл зело».

Из записок Контарини, Барбаро и ряда дипломатических и торговых документов видно, что волжский путь, небезопасный от разбойников, тем не менее использовался достаточно широко в XV в. Каждое лето в Астрахань из Руси ходили суда за солью и рыбой, восточные купцы шли на русские рынки вместе с татарскими посольствами в Москву, а русские купцы обычно пристраивались к посланцам великого князя, отправлявшимся в Орду.

Для торгового судоходства по Волге обычным и наиболее распространённым типом судна был «струг» различных размеров. Более крупные имели палубу, посередине каюту («чердак») и назывались поэтому «чердачными». Меньшие имели только лубяную кровлю. Шли они на парусах, вёслах или шестах. Для сообщения с берегом и завозки якоря при стругах имелись лодки — «повозки». Крупные грузы поднимали суда, называвшиеся насадами; на них перевозили соль и рыбу. Разновидностью насадов были дощаники, строившиеся целиком из досок. Встречались и «ушкуи» — быстроходные суда, поднимавшие до 40 человек. Ходили по Волге и восточные суда — так называемые «кербаты». Изредка по Волге поднимались морские суда с Каспийского моря — «бусы». Они поднимали значительно больше людей и груза, имели экипаж со специальными должностями — «носовщика», «кормщика» и т. д. Плавали на бусе под парусом, который назывался «гуляй». Грузоподъёмность торговых судов была самая

различная: от нескольких тонн и до нескольких сот тонн. Вверх по реке суда водились бечевой и двигались очень медленно — вёрст 30 в сутки. Зато по течению двигались значительно быстрее, и путь от Ярославля до Астрахани занимал не более месяца. Судовые караваны из Нижнего Новгорода в Астрахань делали в год два рейса — весной и осенью. Оживлённую картину судоходства можно было видеть на Дону, на притоках Волги, на Оке. Развивалось оно и на северных реках.

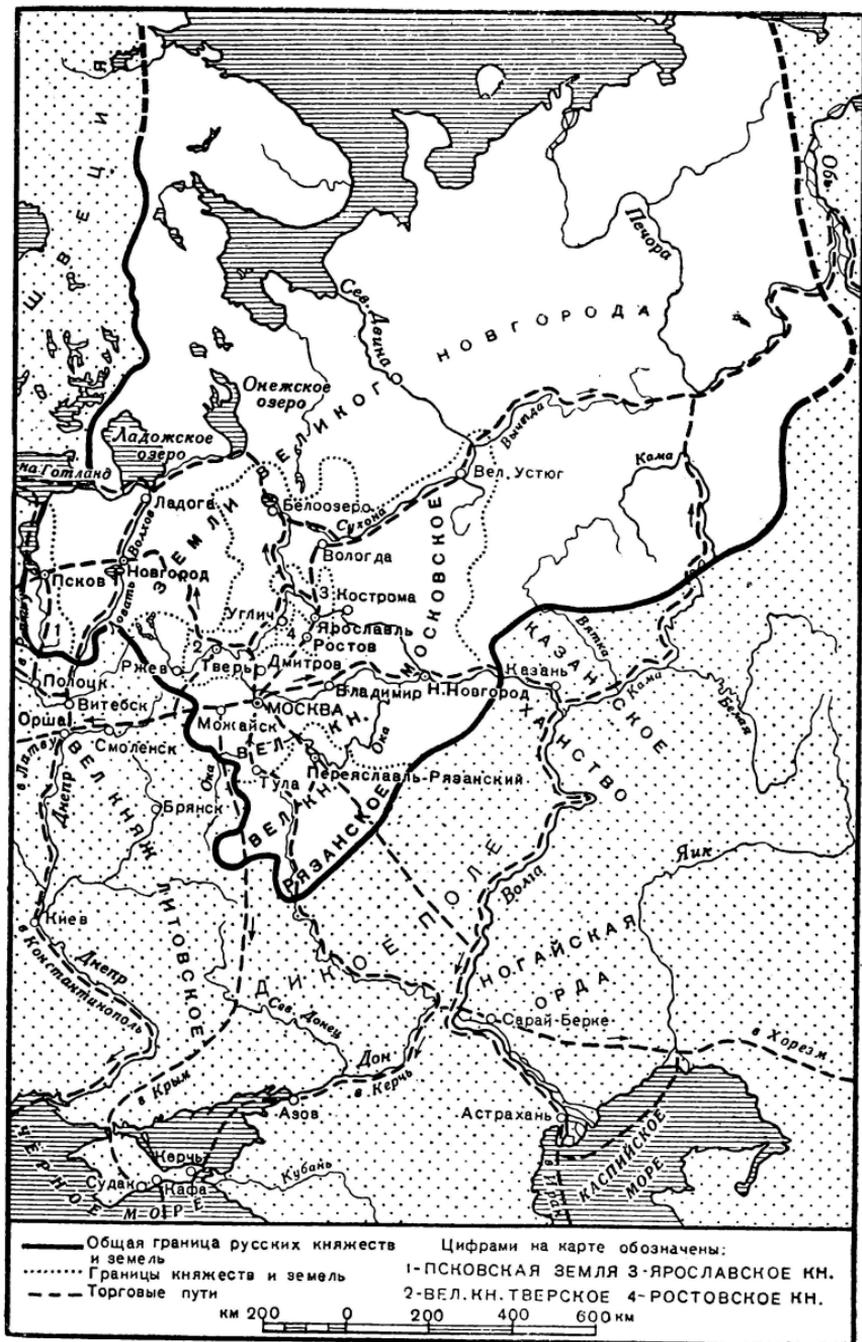
Реки, дополненные несколькими более или менее удобными проезжими дорогами, к XV в. составляли вполне сложившуюся систему торговых путей, соединяющих отдельные русские земли и выводящих в другие государства.

Москва, как центр образующегося единого Русского государства, была расположена наиболее удобно по отношению ко всем этим путям, шли ли они на юг, на восток, на север или запад. Огромное значение имел для северо-восточных русских княжеств Волжско-Окский бассейн, водные пути которого связывали Новгородскую землю с Тверью, Москвой, Владимиром, Рязанью, Нижним Новгородом и выводили на иноземные восточные рынки — в Сарай, на Кавказ и дальше в Среднюю Азию или Персию.

На юг к Азовскому и Чёрному морям и далее на Константинополь, или, как его называли русские, Царьград, путь от Москвы шёл или по Москве-реке и Оке, или сухим путём до Коломны и Рязани. Далее дорога разветвлялась — один сухопутный путь вёл до верховьев р. Воронежа, другой — к Дону. Но в обоих случаях купцы попадали на знаменитый донской путь к морю.

В XIV в. этот путь был хорошо знаком русским купцам. В 1500 г. по нему прошли с московским посольством в Крым 60 гостей, из них 13 москвичей, 5 тверичей, 12 коломничей, можайцы, ярославцы, новгородцы и другие.

На этом пути Переяславль Рязанский служил передаточным пунктом крымско-турецкой торговли, а Москва — конечным пунктом, откуда удобно было распространять товары по другим городам. В этом одна из причин, почему именно в Москве в XIV в. обосновались крупнейшие в то время купцы — гости-сурожане, связанные с Крымом. Весь этот путь от Москвы до Крыма обычно продолжался 2¹/₂ месяца.

Русские княжества и торговые пути в XV в.

Пути из Москвы на запад шли обычно грунтовыми дорогами через Рузу, Звенигород, Верею, Боровск. Эти небольшие городки, сейчас больше известные как места летнего отдыха москвичей, в то время были важными торговыми пунктами. Эти пути подводили к верховьям Днепра и его притокам, к Вязьме, откуда через Киев, захваченный великим княжеством Литовским, вела степная дорога в Крым, очень опасная из-за частых нападений татар.

Этими же дорогами попадали в Тверское княжество и далее в Смоленск, Новгород, Псков. Существовал от Москвы и другой путь в Новгород, в обход тверских таможенных застав, через Волоколамск и Торжок. По этим путям в Новгород везли с «низовых земель» хлеб, а в Москву ткани, оружие, сукна, привозимые из Западной Европы, в том числе знаменитые фландрские сукна (из г. Ипра); на Руси их называли «ипскими». От Волоколамска в тверские владения шёл путь также через Ржев и Zubцов и далее через Смоленск в великое княжество Литовское. Этими путями ходили московские и новгородские купцы, а также иноземные купцы из Новгорода в Москву. Тверское купечество, тесно связанное торговыми отношениями с литовскими владениями, ходило в Смоленск, Витебск, Полоцк, Вильно, Путивль, Рыльск, Киев, используя течение Днепра. Там же бывали и новгородские купцы. От Новгорода и Пскова шли дороги к Балтийскому морю, к Иван-городу, Риге, а также в Литву.

На север от Москвы шла Дмитровская дорога. Дмитров, расположенный в 70 километрах от Москвы, в то время был очень важным пунктом. Он стоял на речке Яхроме, по которой через такие же небольшие речки Сестру и Дубну можно было выбраться на верховье Волги, перегрузить товары с лодок в большие речные суда и плыть к Угличу, Ярославлю и Костроме. Через Дмитров русские промышленники выходили на Мологу и Шексну — северные притоки Волги, далее на Северную Двину и на Печору, и проникали далеко на север, где успешно конкурировали с новгородцами, вывозя оттуда драгоценную пушнину и моржовые клыки. Удобство этого пути объясняло, почему влияние московских великих князей в Северном крае стало заметно уже с конца XIV в. Туда ходили ватаги московских звероловов и птицеловов добывать для княжеской охоты соколов и кречетов и драгоценные меха. Попадая на

Панагиар (церковный сосуд) 1435 г.

север, промышленники не стеснялись в средствах, обманывали местное население, только бы достать как можно больше шелковистых шкурок. Рассказывали, что за железный топор они брали столько собольих шкурок, сколько их можно было, связав вместе, протащить через отверстие в топоре, куда вкладывалось топориче. На московском рынке в начале XVI в. за очень хорошую соболью шкурку брали 20—30 рублей! Топор, конечно, стоил во много раз дешевле. С севера в Москву шла соль, из Белоозера и с Шексны так называемая «красная рыба» — белуга, севрюга, осётр, стерлядь, белорыбица, которая считалась вкуснее волжской.

На восток, точнее на юго-восток, к Каспийскому морю, шли различные пути, но так или иначе связанные с Окой и Волгой. Только один сухопутный путь шёл в Золотую Орду — от Переяславля Рязанского (современная Рязань) через степи.

Нижний Новгород был крупнейшим центром волжского пути. Тверские и новгородские купцы пользовались этим

путём с его верховий от Твери или Углича. Так начинал свой путь Никитин. Московские купцы выходили на него или через Дмитров, или по Клязьме и Оке.

Кроме того, от Нижнего Новгорода купцы могли по Клязьме достигнуть Владимира. От Владимира уже в то время к Москве шла Владимирская дорога, ставшая много позднее печально знаменитой пересылаемыми по ней царизмом в Сибирь на каторгу политическими заключёнными.

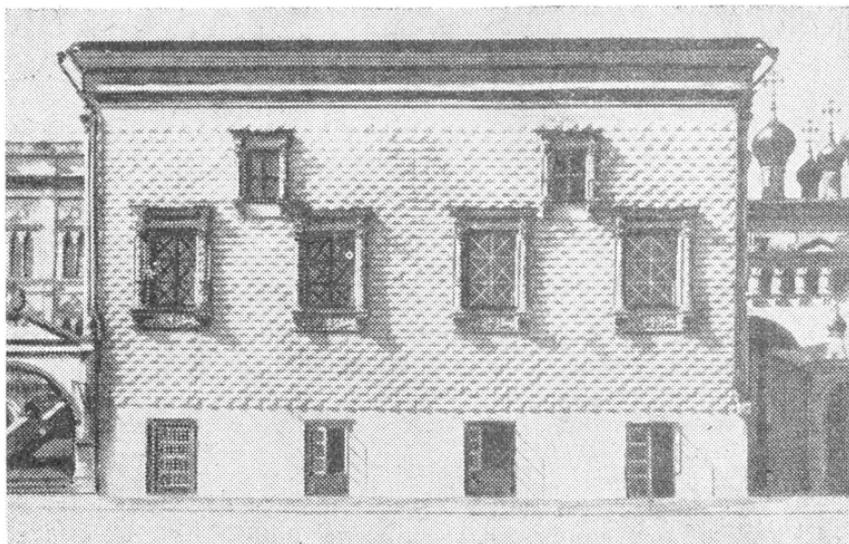
Присоединение Нижнего Новгорода к Московскому великому княжеству давало ему большие преимущества: волжский путь в средней его части попадал под прямой контроль московского наместника (конец XIV в.). Со своей стороны золотоордынские ханы, заинтересованные в связях с Западом, с завоёванными, но более культурными русскими землями, поощряли развитие волжской торговли.

Волжский путь имеет очень старую историю. Ещё во времена Киевской Руси по нему ходили русские, болгарские и арабские суда. В значительной степени развитие Твери и Нижнего Новгорода, выгодно расположенных на слиянии рек, было следствием развития волжской торговли.

Со включением русских земель в орбиту политических отношений с Золотой Ордой волжский путь стал ещё более важным для русской торговли, так как восточная торговля имела в то время для русских земель значительно большее значение, чем западная.

Через волжский путь русские земли были связаны с Азербайджаном, Ираном, Золотой и Ногайской ордами.

Нуждаясь в русских товарах, восточные кочевники понимали необходимость этих связей. Начиная с XV в., после того как столица Золотой Орды была разрушена Тимуром, а затем не могла оправиться ни как торговый, ни как ремесленный центр, эта необходимость стала превращаться в зависимость. В середине XVI в., когда Иван IV штурмовал Казань, ногайский мирза Измаил не оказал ей помощи, объясняя своё поведение заинтересованностью в торговле с Москвой. «Твои де люди, — объяснял он брату Юсуфу, врагу Москвы, — ходят торговати в Бухару, а мои люди ходят к Москве. И только мне завоеваться и мне самому ходити нагу; а которые люди и учнут мерети и тем и саванов не будет».

Грановитая палата (Московский Кремль, XV в.).

Волжским путём добирались русские торговцы до Казани, где в XV в. происходила крупная торговля, до центра Золотой Орды — Сарая, Астрахани и выплывали в Каспийское — Хвалынское, как оно тогда называлось, — море.

Этими-то дорогами, часто находившимися ещё во владении чужих государств, выходили русские купцы на международные рынки. Малейшие изменения в политических отношениях между государствами немедленно отзывались на купеческих караванах; а дорожные невзгоды и случайности на переправах, в степях, на речных перекатах, в глухих лесных местностях ещё больше увеличивали рискованность каждого торгового предприятия.

Наглядной иллюстрацией сказанного является судьба уже упоминавшихся 60 русских купцов, ехавших в 1500 г. в Кафу и Азов: 22 человека из них там умерли, 4 были проданы в рабство, 2 убиты, а остальные ограблены на обратном пути. Московские великие князья вели постоянную переписку с крымскими ханами и золотоордынскими властями о вымогательствах и прямом грабеже, жертвой которых становились русские купцы. В царских наказах московским послам каждый раз указывалось на необхо-

димось следить за тем, чтобы купцы не подвергались «силе и истоме», т. е. насилию и обиде, беспричинно не подвергались дурному обращению.

Многие из торговых путей отмечали направление тех экономических связей, которые впоследствии, в XVII в., объединялись в одну хозяйственную систему, единый все-русский рынок.

* * *

В XIV—XV вв. дипломатические посольства, как правило, выполняли поручения внешнеторгового характера. Посол нередко являлся купцом, а купец часто выполнял обязанности посла. Поэтому, естественно, увеличение внешнеполитической роли Русского государства немедленно сказалось на росте торговых оборотов русских купцов на иноземных, особенно восточных рынках.

Русская внешняя торговля в это время направлялась в основном на юг и на юго-восток. Южное направление выводило купцов в Крым — Кафу и Судак, а также в Азов и далее в Константинополь (Стамбул); юго-восточное направление вело к Казани, Сараю, Астрахани и Дербенту. Отдельные, наиболее предприимчивые купцы проникали и дальше — в Малую Азию, Сирию, в Закавказье, Персию и Среднюю Азию, Египет. В Новгороде, Киеве, Москве, Твери русское купечество в свою очередь приходило в непосредственное соприкосновение с иноземными купцами, в большом количестве приезжавшими за русскими товарами.

Поездки русских купцов за пределы родных земель по Балтийскому морю в XV в. были незначительны.

Главными торговыми центрами в Причерноморье были Сурож (Судак), который к концу XIV в. стали оттеснять на второй план Кафа (ныне Феодосия) и Азов. Развитие Сурожа и Кафы объяснялось тем, что в Крыму существовали итальянские и греческие колонии, тесно связанные с Византией, Средиземным морем и восточными странами. В Суроже и Кафе существовали и русские колонии. Там сталкивались западноевропейские торговцы, направлявшиеся на Ближний и Средний Восток, восточные купцы, перепродававшие свои товары и весьма недоброжелательно смотревшие на всех возможных конкурентов, и русские купцы, в товарах которых были заинтересованы и Запад, и Восток.

Из русских земель на юг шли главным образом изделия русского ремесла — кожи, сёдла, железные изделия, вооружение, а также холсты, меха, мёд и охотничьи птицы — соколы и кречеты. Из мехов привозились соболи — чёрные, наиболее дорогие, и серые, а также горностаи, рыси, чёрные лисы, белки; доставляли их или готовыми изделиями — шубами, или большими партиями шкурок. Беличь шкурки, например, вывозились тысячами. Поступали все эти меха главным образом с севера, но немало шло и из центральных областей — Смоленщины, Коломенщины, с Оки, а также из Казани. Другим наиболее ценным товаром были соколы и кречеты. В это время соколиная охота пользовалась большой популярностью при феодальных дворах как на Западе, так и на Востоке. О соколиной охоте составлялись особые руководства, для неё содержались огромные штаты дрессировщиков и обслуживающего персонала. У русского царя Алексея Михайловича (1645—1676) в соколиной охоте были заняты тысячи людей. Представители многих иноземных феодальных владок, от итальянцев до татар, сплошь и рядом появлялись на Руси только с одной «дипломатической» целью — приобрести редких и дорогих охотничьих птиц. Ещё в конце XIII в. в состав дани русских земель, посылаемой в Золотую Орду, входили эти пернатые хищники. Ловить их отправлялись специальные ватаги кречетников на север, в область Печоры. Птицы различались по окраске и по качествам. Были красные, белые, серые, «птица красная — чеглич-кречетай» и др.

Доставка этого не совсем обычного товара была очень хлопотной и трудной. Птицы трудно переносили перевозку и нередко «с дорожной истомы» погибали. Везли их обычно водным путём, в особых коробках, обитых изнутри овчиной. Для кормёжки в дорогу брали живых голубей и кур. Ухаживали за ними специальные люди, которые «с птицами умели бы ездити».

Из Крыма, основного посреднического центра для русской торговли с Востоком, русские купцы вывозили всевозможные ткани — шёлк, бархат и другие, расхвалившиеся на Руси среди боярства. Подбор тканей был весьма разнообразный — шёлк — червчатый, чёрный, голубой артагаз, цветной кафинский (т. е. из Кафы), брусский (т. е. из г. Бруссы в Малой Азии), чёрный червчатый, такой же голубой из г. Токата в Малой Азии; шёлковые ткани —

тафта червчатая, алая, чёрная, зелёная, багряная, белая и белоголубая; шерсть, атлас, шёлковая тесьма. Кроме дорогих тканей, шли бакалейные и москательные товары — перец, мыло, ладан для богослужений, краски, шафран, гвоздика. Ладан привозился в Крым из Южной Аравии, а пряности — с Малабарского берега (Индия) и Молуккских островов, попадая в Крым через Малую Азию, где пролегал путь на Запад со всего Востока.

О том, что на Руси интересовались пряностями, далеко не в такой, правда, степени, как в Западной Европе, свидетельствуют указания Герберштейна, видевшего на московском гостином дворе перец и шафран; привозился перец и в другие города, например в Новгород. Однако на Руси были и свои пряности для приправы (например, горчица); для сохранения же мясопродуктов и рыбы имелось такое идеальное средство, как замораживание; кроме того, рыбу в огромном количестве засаливали. Поэтому приобретение пряностей, являвшееся в Западной Европе одной из непосредственных задач восточной торговли и колониального грабежа, не занимало такого места на Руси.

Одну из главных статей вывоза из Крыма составляли драгоценные камни, употреблявшиеся для украшения боярской одежды, причём в таком количестве, что эта роскошь поражала приезжих иностранцев. Особенно интересовались им при московском великокняжеском дворе: жемчужные зёрна в некоторых случаях нашивались на княжеские одежды целыми килограммами. Поступал этот жемчуг с Персидского залива и даже с острова Цейлон. В Москве хорошо знали жемчуг из Ормуза и называли его «гурминским».

Иван III имел в Крыму постоянных своих агентов, закупувавших для него драгоценные камни — «лалы да яхонты добрые, да зерна великие жемчужные». Наиболее дорогими считались яхонты червчатые, т. е. кроваво-красные или карминно-розовые рубины, лалы, прозрачные камни красного цвета, бирюза и др. Платились за них огромные деньги.

Кроме этих товаров, в Крыму закупался скот и лошади. Из Турции, Крыма и Персии поступали особенно дорогие верховые лошади — аргмаки, закупувавшиеся для государевых конюшен. Так, в 1516 г. в Кафе был куплен для великого князя Василия III аргмак за 130 рублей, тогда как обычная лошадь в то время стоила несколько рублей.

Сурож, или Судак, Кафа и Азов не были конечными пунктами следования русских купцов. Только часть из них задерживалась в этих городах, остальные же стремились в Константинополь, особенно до его завоевания турками в 1453 г. Об этих поездках русских купцов, духовенства, паломников ко святым местам говорят русские летописи и записки, оставленные некоторыми из них. Особенно много сведений о Царьграде дошло до нас в новгородской литературе. Наибольший интерес представляют записки некоего Стефана Новгородца, пришедшего в Царьград с «другы осемью» товарищами в середине XIV в. Кто он был по роду занятий, духовное лицо или торговый человек, сказать нельзя. Но отличительной чертой его записок является та тщательность, с которой он описывал виденное; в итоге получился своеобразный путеводитель по городу. Автор записок прежде всего останавливается на произведениях искусства, на описаниях улиц; он восхищается гаванью города, любителю строительным материалом — разноцветными мраморами, которыми облицовывались внутренние стены многих зданий, в том числе знаменитый храм Софии.

Падение Константинополя произвело огромное впечатление на Руси и вызвало появление специальной литературы. В обширной повести об этом событии рассказывает, повидимому, очевидец штурма города, благополучно переживший все страшные последствия победы турок.

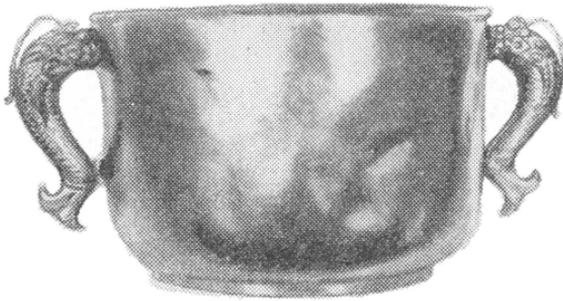
Русские путешественники всегда питали глубокий интерес к Константинополю, одному из крупнейших культурных, торговых и политических центров средневековья. В Царьграде, где находилась значительная русская колония, хорошо знали русских и поддерживали с ними политические и деловые отношения. Известно, что уже в начале XIII в. в Константинополе был целый квартал, населённый русскими купцами. Несколько позднее русские купцы имели тесный контакт с генуэзскими торговцами, обосновавшимися в пригороде города — Галате. Когда в 1376 г. в Царьград прибыл из Москвы митрополит Пимен с церковно-политической миссией, то понадобившиеся ему крупные деньги (20 тыс. руб.) были заняты под проценты в Константинополе у «бесермен», несомненно, заинтересованных в связях с Москвой.

Царьград связывал русских со странами Средиземноморья и с Малой Азией. Не удовлетворяясь перекупкой

шёлковых и других тканей, производимых в Бруссе и Токате, русские из Константинополя, Синопа, Трапезунда ходили по караванным путям дальше на Восток — в Персию, Ирак, в Палестину, Египет. Так, одновременно с Никитиным в 1465—1466 гг. один русский, вероятно, московский путешественник, некий гость «многогрешный Василий», как он именует себя в записках, описал свой путь в Палестину, куда он ходил с религиозными и с торговыми целями. Видимо, это был человек бывалый, немало странствовавший по свету. По обычаю того времени, всё впервые виденное он сопоставляет с виденным прежде. Город Бруссу он сравнивает с Царьградом, встреченные по пути храмы — с храмами Царьграда и Киева. Одна попавшаяся ему на пути река вызвала воспоминание о родине: «величеством» он приравнял её к Оке.

Не менее важный, чем Крымский, торговый путь на Восток пролегал по Волге. Одни русские купцы останавливались в Казани, Сарае, Астрахани, другие — Каспийским морем выбирались к Кавказскому побережью, в Дербент или шли в Среднюю Азию, Персию, Ирак. По свидетельству географа и историка Хамдаллаха Казвини, русские суда в XIV в. пересекали Каспийское море и прибывали в Мазандеран — прикаспийскую область Ирана. Перечисляя страны и города, завоёванные Тимуром, русские летописи называют их в употребительной русской форме. В этом списке отмечены области Средней Азии, Китай, Сирия, Армения, Хорасан, Гилян, Шираз, Испагань, Тбилиси, Тавриз, Багдад, Дамаск и др. По русским летописям и повестям о завоеваниях Тимура можно, следовательно, установить достаточно широкие практические географические познания русских людей.

Золотоордынские города на Волге, существовавшие и до татарского завоевания, в XIII—XIV вв. очень выросли. Старые торговые связи с соседними странами, которые к тому же попали под власть монголов, способствовали этому росту. Во второй половине XV в. Казань привлекала особенно много купцов самых различных национальностей. На ежегодную пёструю, многолюдную и шумную ярмарку съезжались русские купцы, а также, как пишет летопись, «многие иноземцы дальние и торговали с Русью великими дорогими товарами» — бухарцы, армяне, турки, хивинцы, шемахинцы и др. Меха, скот, драгоценности, ткани, кожи, воск, мёд — таков далеко не полный пере-

Чаша (Сарай-Берке, XIV в.).

чень товаров этой ярмарки, производившей на современников своим богатством очень сильное впечатление.

Из слов арабских историков и географов, а также на основании археологических раскопок можно заключить, что и Сарай-Бату, и Сарай-Берке, две последовательно сменившие друг друга столицы Золотой Орды, были крупными торгово-ремесленными центрами. Их благополучие и богатство возникло не только на основе систематического хищнического ограбления русских земель, но и благодаря насильно согнанным ремесленникам из покорённых стран. Их руками возводились прекрасные мечети и пышные ханские дворцы. Они же выработывали значительную часть тех ремесленных изделий, которые продавались на обширных городских базарах. Арабский писатель и путешественник Ибн Батута, видевший Сарай в 1333 г., писал: «Город Сарай один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы поехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать объём его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня...»

На постройку ханских дворцов шёл гранит и мрамор различных оттенков; мозаика покрывала полы и стены богатых жилищ. Шёлк и парча, венецианское и персидское стекло довершали внутреннее убранство, приобретённое в основном за награбленное русское добро. В город по специальным каналам отводилась вода из Волги.

Караванные пути связывали Сарай с Китаем и Индией, Средней Азией и Персией. Генуэзские, венецианские, пер-

сидские, арабские, хорезмийские и другие купцы приезжали в Сарай, чтобы приобрести китайский шёлк и русские меха и полотно. Эта торговля приносила им огромные барыши. Так, в 1438 г. один купец из Шираза отправился в Сарай. Закупив там большую партию товаров почти на 46 тыс. динаров, он привёз их в Герат. На гератском рынке он продал все эти товары и получил следующую прибыль: за шёлковую китайскую ткань-камку 300%, за китайский атлас 433%, за европейское сукно 66% и за русское полотно 300%. Всё это придавало столице Золотой Орды значение международного торгового центра. Ибн Батута писал: «В нём живут разные народы, как-то: монголы — это настоящие жители страны и владыки её... кипчаки, черкесы, русские и византийцы, которые христиане. Каждый народ живёт в своём участке отдельно; там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта и Сирии и других мест живут в особом участке, где стена окружает имущество купцов». Русское население в Золотой Орде было настолько многочисленно, что там была даже открыта особая церковная епархия.

Базары, которыми славился Сарай-Берке, были полны не только предметами роскоши. Большое значение имело там кожевенное производство, изделия которого вывозились даже в далёкий Хорезм, в огромном количестве сбывалась местная глиняная посуда — поливные и неполивные чаши, кувшины различных размеров, светильники и т. д. Всё это производилось трудом покорённого и согнанного в Сарай населения.

Для потребностей самой столицы туда привозили немало зерна, мяса, молочных продуктов, шерсти, металла. Русские купцы привозили красные кожи, бараньи шкуры, деревянную посуду, уздечки, ножи и другие изделия русского ремесла, а вывозили они из Сарая краски, пришедшие из Персии, рис, восточные ткани и другие товары.

Многие местные купцы и торговые компании были тесно связаны с золотоордынскими ханами. Из купеческой среды нередко выходили видные чиновники, назначались послы. В трудную минуту купцы обязаны были ссужать ханов деньгами. Когда египетскому послу понадобились деньги в качестве выкупа за золотоордынскую царевну Тулунбай, выдаваемую замуж за мамлюкского египетского султана, хан Узбек приказал купцам ссудить ему двадцать тысяч динаров чистым золотом. Из Золотой Орды в огром-

ном количестве вывозились в Индию, Иран и в русские земли лошади. Табуны продаваемых лошадей достигали иногда десятков тысяч голов. Если на месте, по словам Ибн Батуты, хороший конь стоит 50—60 дирхемов, то в северной Индии за него платили в десять раз дороже. Несмотря на высокие пошлины и дорожные расходы, торговля лошадьми приносила немалый барыш. Вот почему, отправляясь из Ирана в Индию, Никитин счёл нужным приобрести именно коня, чтобы продать его там не без выгоды. С XV в. в связи с упадком Золотой Орды Сарай-Берке пустеет. Его роль переходит к Астрахани и Казани.

Сарай-Берке не был конечным пунктом следования русских купцов на юго-восток. Благодаря своему положению в устье Волги Астрахань уже в XII—XIV вв. славилась своими торговыми оборотами. Русские купцы — московские, рязанские, тверские — ходили туда за рыбой, рисом, солью, восточными тканями (шёлк из Тавриза). Через Астрахань доставлялись в Азов, к устью Дона, пряности, привозимые через Персию и Азербайджан из Индии. В Астрахань же везли изделия русского ремесла. По словам Контарини, этот город снабжал в то время превосходной солью все русские земли, через него шло сорочинское пшено, т. е. рис, и поддерживались связи русских купцов с Дербентом. Из Астрахани путь шёл в Дербент, Шемаху, Тавриз или в Среднюю Азию.

После разгрома полчищами Тимура Сарая и Астрахани русские купцы стали расширять свои торговые операции в сторону Азербайджана и Персии. Они всё чаще стали появляться в Дербенте, Шемахе и крупнейшем центре караванной торговли Тавризе, в котором, по словам Клавихо, посланца короля Кастильского ко двору Тимура, было 200 тыс. домов — цифра явно преувеличенная, но свидетельствующая, какое впечатление произвёл город на путешественника.

По известиям персидского учёного XIV в., географа и историка Хамдаллаха Казвини, в его время корабли русских прибывали в Мазандеран, область Персии, примыкающую к южному берегу Каспийского моря.

Особенно большим вниманием со стороны русских купцов пользовались Дербент, Баку и Шемаха, главные города государства Ширван (северный Азербайджан). Через него проходил важнейший караванный путь из Европы на Ближний Восток и далее в Индию и Китай.

В XV в., после распада державы Тимура, Ширван стал независимым, богатым государством. Богатство ему давал вывоз шёлка, нефти, ковров. Для нужд развивавшейся торговли улучшались дороги, строились мосты, караван-сарай с амбарами и конюшнями, служившие местами остановок и отдыха для купцов, придорожные водоёмы для водопоя вьючного скота; строились торговые суда на Каспийском море. Один из самых дорогих товаров Востока — первоклассный шёлк — вывозился из Ширвана в огромном количестве. По имеющимся данным в XVI в. его вывозили 20 тыс. тюков ежегодно.

Столица Ширвана Шемаха, по мнению Контарини, мало чем уступала Тавризу. По словам венецианца Барбаро, в его время в городе имелось 4—5 тыс. домов, т. е. примерно 20—25 тыс. жителей.

Богатства Ширвана привлекали наиболее предприимчивых западноевропейских крупных купцов — генуэзцев и венецианцев, захвативших в свои руки посредническую торговлю Ширвана с Западной Европой.

Путь в Ширван был хорошо известен на Руси уже в XI в. В русских народных песнях, былинах часто упоминаются шемахинские или ширванские товары. Поэтому поездки туда русских купцов в XV в. были обычным явлением. Путь от Астрахани до Шемахи они преодолевали за 25—27 дней.

Известно, что в начале XV в. русские купцы бывали уже в Самарканде. Торговые связи Руси с далёкой столицей Тимура не были случайны. Ещё в середине XIV в. русское полотно было известно даже в Северной Индии, куда оно могло попасть через сарайские базары.

Кастильский посол Рюи Гонсалес де Клавихо побывал в начале XV в. в Самарканде и подробно его описал: «Город Самарканд лежит на равнине и окружён земляным валом и глубокими рвами, он немного больше города Севильи (т. е. то, что внутри вала), а вне города построено много домов, присоединяющихся к нему как предместья с разных сторон. Весь город окружён садами и виноградниками, которые тянутся в иных местах на полторы лиги (т. е. 6 километров) и в иных на две, и стоит посреди них . . . Кроме этого, город изобилует разными товарами, которые привозятся в него из других стран; из Руси и Татарии приходят кожи и полотно, из Китая шёлковые ткани, которые в этой стране приготавливаются всего лучше,

особенно атласы, считающиеся лучшими в мире; а самые лучшие те, которые без узоров. Кроме того, привозится мускус, которого нет нигде на свете, кроме Китая; рубины и брильянты, так что большая часть тех, которые есть в этой стране, привозятся оттуда; жемчуг, ревень и много разных пряностей... Из Индии в этот город идут мелкие пряности, т. е. самый лучший сорт: мускатные орехи, гвоздика, мускатный цвет, корица, инбирь, цвет корицы...»

Тимур переселил в Самарканд 150 тыс. человек из покорённых стран, в основном ремесленников, которые изготовляли предметы роскоши и широкого потребления. Западноевропейских купцов, искавших пути в Индию и Китай не только морем, но и через Россию и Ближний Восток, Самарканд привлекал и торговлей, и географической близостью к Индии, о чём в XV и даже в XVII вв. ходили преувеличенные слухи в Европе.

Из всего этого видно, что в период образования единого Русского государства русская торговля с Востоком получила значительное развитие и что русские путешественники и купцы того времени на собственном опыте ознакомились с такими восточными странами, как Турция, Сирия, Палестина, Египет, Кавказ, Персия, Средняя Азия, и что они уже располагали некоторыми сведениями о Китае и Индии.

* * *

После образования Русского государства и свержения татарского ига представители западноевропейских стран всё настойчивее стали добиваться развития торговых сношений с далёкой «Московией».

Однако проехать в русские города было возможно далеко не всем желавшим, так как русские князья пропускали в свои владения торговцев из тех государств, с которыми торговые сношения были закреплены специальными соглашениями.

В тех случаях, когда русские купцы подвергались обидам и притеснениям в других государствах, русские границы немедленно закрывались для иноземцев до тех пор, пока обиженные не получают возмещение за свои убытки. Такие случаи бывали очень часто. Новгород Великий постоянно требовал соблюдения условий взаимной торговли от ливонских властей, Иван III — у крымского хана и турецкого правительства и т. д.

Несмотря на эти неблагоприятные - обстоятельства, иноземные купцы постоянно и в большом количестве прибывали на Русь, хорошо зная о выгодах торговли с ней.

В Москве в XIV—XV вв. уже обосновались колонии греков и итальянцев (в основном венецианцев); бывали по торговым делам в Москве и армяне, и «бесермене», т. е. представители народов, исповедовавших ислам. Армяне в русских землях появлялись издавна, поддерживая транзитную торговлю по Волге между Персией, Закавказьем, Золотой Ордой и русскими землями. Венецианцы и генуэзцы проникали на Русь из своих черноморских колоний, нередко обосновывались в Москве, некоторые из них обретали здесь новую родину. На вечные времена прославили себя своим несравненным мастерством итальянские архитекторы, как, например, Аристотель Фиоравенти, изучившие творения русских зодчих и на основе русских художественных норм возведшие в Московском Кремле прекрасные строения, современные «Хожению за три моря».

Ближе расположенная к восточным центрам, нежели Тверь или Новгород, Москва, естественно, более привлекала иноземных купцов. Поэтому «бесермены» прибывали в Москву в большом количестве; под 1474 г. летопись отмечает: «Пришёл из Орды Никифор Басенок с послом царёвым Ахматовым Большой Орды с Каракучуком, а с ним множество татар пословых, было 600 человек, которых кормили, а гостей (т. е. торговцев) с конями и с иным товаром было 3200 человек, а коней продажных было с ними более 40 000, и много-много товару». Огромные табуны лошадей, отары овец, стада рогатого скота сначала откармливались на приволжских заливных лугах, а затем гнались на Русь. В Москве они останавливались в Замоскворечье или за городом, на углу против Симонова монастыря.

Эти табуны, отары и стада проходили часто через Нижний Новгород; в нём же персидские купцы «тезики» закупали кожи, спрос на которые на Востоке был очень велик.

На московских рынках восточные купцы приобретали меха, сёдла и другие товары. Зимой в Москву съезжалось множество купцов из Германии и Польши, главным образом за пушниной.

Помимо Москвы и Нижнего Новгорода, восточные тор-

говцы появлялись и в других городах Руси. В Рязань с татарскими послами прибывали купцы. Летопись говорит, что в 1397 г. «тохтамышев посол Темир Хозя был на Рязани у великого князя Олега; а с ним много татар, и коней, и гостей (т. е. купцов)». В Рязанской земле существовало предание, что на дороге из Рязани в Тамбов в селе Якимице издавна бывали систематические торги с татарами, на которые иногда приезжали сами рязанские князья и их приближённые.

Литовские купцы бывали в Твери, Кашине, Городке, Зубцове. В Тверь татарские торговцы также пригоняли лошадей. Во время известного восстания в Твери в 1327 г. против татар там погибло несколько таких купцов, а пастухи, пасшие лошадей за городом, спаслись. Из столицы далёкого «Шаврукова царства» Герата в XV в. в Тверь к князю Борису Александровичу прибыло специальное торговое посольство с роскошными тканями. Из летописи известно, что в 1399 г., в момент смерти тверского князя Михаила Александровича, в Твери оказались «гостие мнози от стран...»

В Новгород приезжали не только ганзейские и литовские торговцы, но бывали армянские и турецкие купцы, а также купцы из Кабула; там существовал особый торговый Хопыльский (т. е. Кабульский) ряд, где они торговали. Поскольку же в Кабуле купечество в основном состояло из таджиков, а отчасти из индусов, постольку мы имеем основание считать, что в XIV—XV вв. существовал непосредственный контакт между русским и таджикским купечеством и известная связь между русской и индийской торговлей. В это же примерно время (в начале XV в.) на Волге в устье Мологи существовала ярмарка, на которую съезжались шведы, ливонцы, татары, северные народности, русские купцы; там шла большая торговля мехами, готовым платьем, иглами, ножами, топорами и другими ремесленными изделиями.

В XV в. большое количество ганзейских, «немецких» купцов останавливалось в Пскове.

Так же, как и в Орде, если не чаще, мирные торговые взаимоотношения нарушались вследствие войн. В очень большой степени в этом повинны были ливонские власти, притеснявшие приезжих русских людей. Тогда псковичи в ответ арестовывали иноземцев; так, например, в 1437 г. они посадили в «погреб» 24 немецких гостя.

Тесно с московской, тверской и новгородской торговлей был связан Киев. Через него шла, как указывалось, торговая дорога на Крым, и оттуда в русские земли также поступали товары персидского, индийского, сирийского происхождения.

С. Герберштейн в начале XVI в. отмечал, что в Москве привозные перец, шафран, шёлковые материи продаются дешевле, чем в Германии; это говорит о том, что восточная торговля с Россией была развита значительно больше, чем с Западной Европой.

Иноземные товары широко расходились по русским землям.

Таким образом, русская экономика XV в. отличалась значительным развитием как внутренней, так и внешней торговли. И это обстоятельство в конечном счёте объясняет, почему Афанасий Никитин, представитель наиболее предприимчивой части русского купечества, действительно мог обладать и нужным опыгом, и должной решимостью, чтобы предпринять из Ширванского княжества своё путешествие в далёкую Индию.

Начало путешествия Никитина

Афанасий Никитин совершил своё путешествие в 1466—1472 гг. Из Твери отправился он «на низ, Волгою», к Каспию — «морю Дербеньскому», или «Хвалынскому», после всяческих злоключений добрался до Баку, а затем до иранских городов. Передвигаясь из города в город, проживая где месяц, а где все шесть, Никитин дошёл до «пристанища Гурмызьского», т. е. до порта Ормуза у Персидского залива. Здесь он сел на корабль, пересёк Аравийское море («море Индийское») и прибыл в Индию. Проникнув вглубь страны, он добрался до Бидара, столицы крупнейшего индийского государства, державы Бахманиев. Возвратился Никитин иным путём, пройдя из Ирана не традиционной дорогой в Закавказье, а через Исфахан, Кашан, Султаню, Тавриз в Турцию, к восточноанатолийскому побережью Чёрного моря. Здесь, в древнем приморском городе Трапезунде, Никитин снова сел на корабль, переплыл «море Чёрное, дорию Стембольскую»¹, прибыл в

¹ Дория Стембольская, т. е. море Стамбульское (столица Османской империи Стамбул была расположена на Босфоре, близ Чёрного моря).

Крым, в знаменитую Кафу. «Хождение за три моря» заканчивалось. Город Кафа, известный всем гостям-сурожанам, вероятно, был хорошо знаком и Никитину, во всяком случае он уже не посвятил ему и двух слов. Из Кафы Афанасий Никитин отправился на Русь, но, не дойдя до родной Твери, в 1472 г. умер где-то близ г. Смоленска.

Много необычайного, захватывающе-интересного увидел и пережил наш путешественник в своих скитаниях по Ирану, Индии и Турции. Но начало его путешествия как будто и не предвещало ничего необыкновенного.

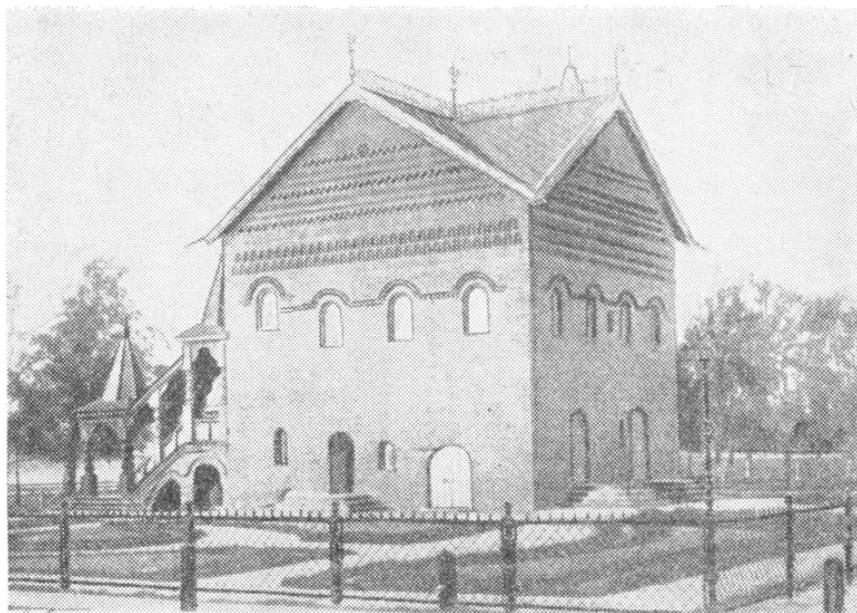
Путь от Твери по Волге до Астрахани и дальше до Дербента был хорошо известен купцам, и поэтому, рассказывая об этом этапе странствия, Никитин предельно немногословен. Непосредственным поводом к отправлению торгового каравана, с которым поехал Никитин, послужил приезд к великому князю московскому Ивану III Хасан-бека, посла ширванского шаха Фаррух-Ясара.

Посольство Хасан-бека прибыло в Москву около 1466 г. и вскоре отправилось назад, увозя ценных охотничьих кречетов, которых ширванский посол, по свидетельству Никитина, увёз на родину в количестве 90 штук. Возможно, что это был подарок московского правительства ширванскому владыке. Незадолго до отъезда Хасан-бека из Москвы в Ширван туда отправилось московское посольство Василия Папина. Этим-то и воспользовались русские купцы. Из записок Никитина известно, что вместе с ним собралось ещё шесть тверичей; кроме того, были и москвичи, и другие купцы. Все они присоединились к обоим посольствам, чтобы под их защитой благополучно провезти свои товары, имея конечной целью ширванские города.

«Пошел я от святого Спаса златоверхого», — писал А. Никитин, отождествляя родной город с названием кафедрального собора — гордостью тверичей. В те времена Тверское княжество и его стольный город порой назывались «домом святого Спаса». В соответствии с установленными тогда порядками купцы получили от тверского князя Михаила Борисовича проезжую грамоту, которая удостоверяла личность купцов и должна была гарантировать им в какой-то степени безопасность в чужих краях.

Выехал Никитин весной или летом 1466 г.

Первая остановка тверского торгового каравана произошла в Калязине, расположенном на Волге при впа-

Княжеский дворец (Углич, XV в.).

дени в неё речки Жабни. Этот городок, возникший ещё до татарского нашествия, особенно вырос в связи с установлением пути от Москвы через Дмитров на верховья Волги. Расположенный на этом пути Калязин скоро перенял торговое значение у ближайшего, ранее довольно крупного торгового пункта — тверского города Кашина.

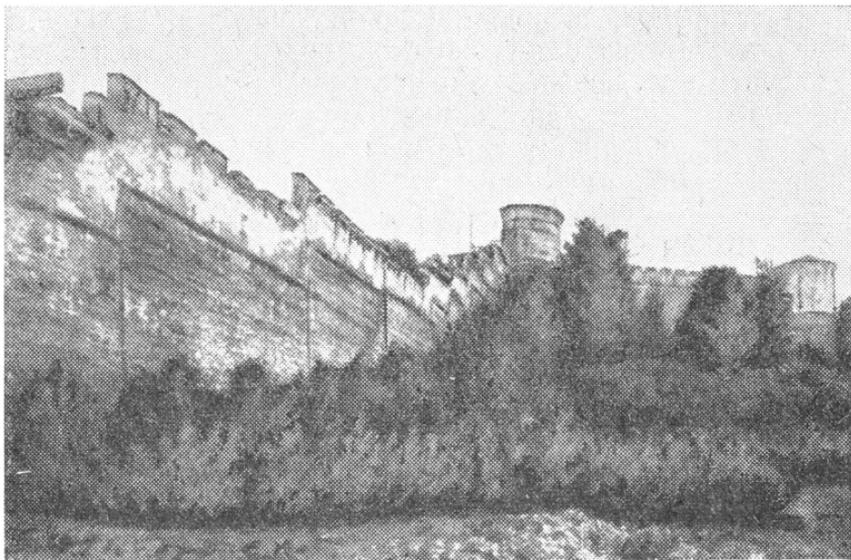
Далее путь по Волге шёл через Углич, Ярославль, Кострому, Плёт до Нижнего Новгорода. В Угличе А. Никитин как будто не останавливался. Этот город, иначе называемый «Угличе поле», несмотря на древнее происхождение (1148 г.), не получил большого значения ни в XIII—XIV вв., будучи центром небольшого удельного княжества, ни потом, войдя в состав Московского княжества.

О Ярославле Никитин ничего не говорит, но о Костроме упоминает. Там он сделал остановку, чтобы получить новую проезжую грамоту уже у московского наместника князя Александра. Кострома в то время была важным городом в Московском княжестве. Она существовала уже в начале XIII в. В первой половине XIV в. при Иване Калите она вошла в состав Московского княжества. Значе-

ние её определялось, с одной стороны, соседством с землями казанских татар, которые постоянно нападали на этот пограничный город-крепость, с другой стороны, — весьма выгодным положением с точки зрения торговли. Помимо Волги, под городом протекала р. Кострома, в то время настолько многоводная, что по ней можно было подниматься вверх (на северо-восток) на 300 километров до г. Солигалича, присоединённого к Москве почти одновременно с Костромой. Московские князья, в тяжёлые времена покидавшие Москву, как правило, собирали рать именно в Костроме. Так поступали Дмитрий Донской при нашествии Тохтамыша (1382) и его сын Василий Дмитриевич в 1409 г. при набеге Едигея. Но, помимо этого, при Дмитрии Донском Кострома была превращена им в опорный пункт на Волге для борьбы с Тверью и Новгородом. В 1416 г. Василий Дмитриевич укрепил город, его обнесли крепкими стенами и выкопали ров. Московские наместники зорко следили за татарскими отрядами, препятствуя им напасть на северные районы княжества.

Следующая остановка Никитина состоялась в небольшом, живописно раскинувшемся на волжском берегу Плесе, построенном в 1409 г. Дальше путь шёл до Нижнего Новгорода. В то время он имел ещё большее значение, чем Кострома, как сильный опорный пункт на восточной границе, а исключительно выгодное географическое положение делало его крупнейшим торговым центром, где встречались купцы из Бухары, Хивы, Армении, Золотой Орды и других стран.

Узнав у московского наместника в Нижнем Новгороде Михаила Киселева, что великокняжеский посол уже проехал, Никитин и его спутники стали дожидаться каравана Хасан-бека. Через две недели посольство действительно прибыло. С посольством находились возвращавшиеся к себе домой иранские купцы и присоединившиеся к ним купцы московские. Объединённый караван двинулся вниз по Волге. Плавание происходило без длительных остановок. Никитин пишет, что проехали они свободно Казань, Орду, т. е. летнюю ставку золотоордынского хана, Услан, Сарай (татарские города) и Берекезань — местность, расположенную в дельте Волги, не доезжая Астрахани. Сарай и Астрахань представляли собой тогда печальное зрелище. Нашествие Тимура подорвало их настолько, что, например, по словам Контарини, вся Астрахань состояла из не-

Кремль (Нижний Новгород, начало XVI в.).

скольких небольших мазанок, окружённых низкой стеной, и только кое-где виднелись следы гораздо больших зданий. Состояние Сарая было ещё более тяжёлым, так как в XV в. его торговое значение отчасти перешло к Астрахани, начинавшей играть посредническую роль в торговле России с прикаспийскими странами.

В устье Волги с Никитиным случилось первое в этом путешествии несчастье. Когда караван вошёл в один из рукавов Волги — Бузан-реку, к путешественникам подъехало трое татар, которые сообщили, будто бы астраханский хан Касим вместе с тремя тысячами татар сторожит их неподалёку. Тогда Хасан-бек пригласил их в качестве проводников, дав каждому по куску полотна и кафтану-однорядке. «Татары же по однорядке взяли, а весть астраханскому царю подали», — с горькой усмешкой пишет Никитин. Для большей безопасности он покинул судно, на котором был его товар, и, взяв самое необходимое, перешёл вместе с товарищами на судно Хасан-бека. Однако эта предосторожность не помогла. Когда караван ночью стал проходить мимо Астрахани, расположенной тогда на правом берегу Волги в 12 км выше современного города, татары их увидели. Ночь, на беду путников, была лунная.

С берега раздались крики: «Качьма — не бегите!» «И царь послал тогда за нами всю свою орду, — пишет Никитин, — и по нашим грехом нас постигли на Бугуне [название отмели], застрелили у нас человека, а мы у них двух застрелили, и судно наше меньшее стало на езу [т. е. наскочило на заграждение для рыбной ловли], и они его взяли часа того да разграбили, а моя рухлядь [поклажа] вся в меньшем судне.

А большим есмя судном дошли до моря, ино стало на усть Волги на мели, а они [т. е. татары] туто нас взяли, да судно есмя взад тянули до езу. И тут судно наше большое взяли и четыре головы взяли русские [повидимому, в плен или как заложников], а нас отпустили голыми головами [т. е. ограбленными] за море, а вверх нас не пропустили вести дела» [т. е. чтобы они не подали весть]. Купцы потеряли всё своё имущество, а Хасан-бек — подарки Ивана III. Пропали и шахские кречеты.

Эта очень просто нарисованная картинка, столь характерная для средневекового торгового быта, показывает, что даже посольская неприкосновенность была в то время понятием весьма относительным.

Ограбленные путешественники достали два судна и продолжали морем путь в Дербент. Повидимому, они плыли на кораблях такого типа, который видел на Каспийском море и описал Контарини. «Они имеют совершенно форму рыбы и носят даже это название, ибо узки в корме, а на боках очень выпуклы. Их сколачивают деревянными гвоздями и смолят весьма крепко; для управления же имеют две мачты и большой шест, служивший им вместо руля. Каспийские мореходцы плавают на авось, без компаса, наблюдая течение звёзд, и вообще держатся берегов, от которых никогда не удаляются на большое расстояние. В дурную погоду они прибегают к парусам, иногда же употребляют и вёсла, которыми, как и рулём, управляют весьма дурно».

На одном судне плыл Хасан-бек с иранскими купцами и Никитин с товарищами, а на другом — 6 москвичей и 6 тверичей.

Однако злоключения путешественников ещё не кончились.

На море налетела на них «фурьстовина», как пишет Никитин, т. е. буря, и выкинула одно судно на берег около крепости Тарки на дагестанском побережье Кас-

пийского моря. Люди, находившиеся на нём, немедленно были захвачены в плен жителями княжества Кайтак. Афанасий Никитин избежал их участи и прибыл, наконец, в Дербент. Это был древний и некогда большой город. Первые сведения о нём относятся к VI в. нашей эры. Тогда, во времена господствовавшей в Иране Сасанидской династии, Дербент входил в состав Ирана и служил крупным опорным пунктом против кочевых народов. Во времена арабского владычества на Кавказе (VIII—IX вв.) Дербент не раз отражал нападения хазар¹. До татарского нашествия Дербент был основным портом на Каспийском море, но в XV в. в результате непрекращавшейся феодальной войны между монгольскими шахами Ирана (и их преемниками) и золотоордынскими ханами торговля с Восточной Европой сократилась, а значение Дербента перешло к другому, несравненно более удобному порту — Баку, тем более, что слабые владетели Дербента не в состоянии были поддерживать укрепления города и порта. Во времена Никитина только одна шестая часть города была населена, а остальные кварталы пустовали.

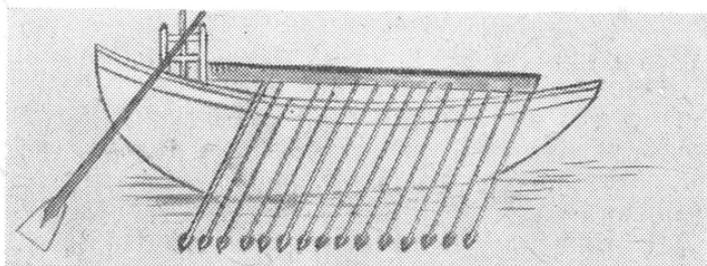
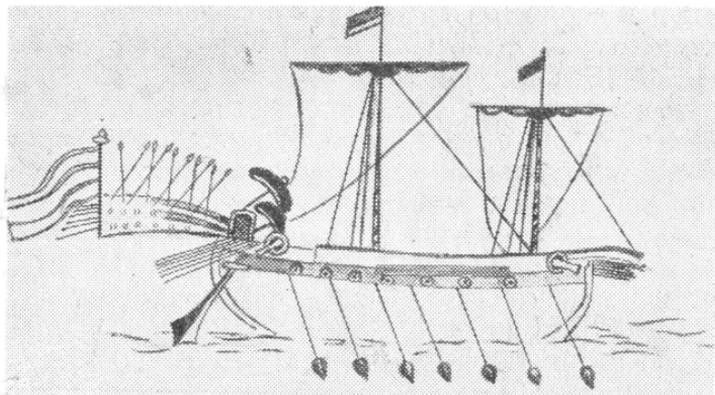
В Дербенте русские путешественники встретились с благополучно туда прибывшим Василием Папиным. Здесь Афанасий Никитин — вероятно от имени всех своих спутников — бил Папину и Хасан-беку челом о том, чтобы они похлопотали перед самим Ширван-шахом о вырубке русских купцов, захваченных на дагестанском побережье. Просьба была удовлетворена. Хасан-бек обратился с соответствующим ходатайством к Фаррух-Ясару, а тот немедленно отправил гонца к своему родственнику князю кайтакскому Халил-беку с просьбой вернуть людей и их товары на том основании, что они посланы были к нему самому, т. е. Фаррух-Ясару. Халил-бек исполнил просьбу и возвратил всех пленников. Воодушевившись удачей, Никитин и его спутники решили ещё раз бить челом Фаррух-Ясару, «чтобы нас пожаловал, чем дойти до Руси». Но в этом они потерпели неудачу: «Он нам не дал ничего, ано [так как] нас много», — писал Никитин, вспоминая об этом эпизоде своего путешествия.

Положение их было не из завидных. Часто купцы отправлялись в дальние страны, забрав свои товары в кре-

¹ По-персидски слово «дербенд» означает «преграда», «дверной затвор».

дит. Так было, видимо, и в данном случае. Вернуться на родину без средств и товаров значило попасть в долговую кабалу или, в лучшем случае, потерять всё оставшееся там имущество. Никитин пишет по этому поводу с паразитической прямоотой: «И мы, заплакав, разошлись кто куда: у кого было что на Руси и тот пошёл на Русь; а кто был должен там, тот пошёл куда глаза глядят; другие же остались в Шемахе, а иные пошли работать в Баку». Баку в то время был, наряду с Шемахой, одной из резиденций Ширван-шаха и крупным торговым и ремесленным центром. Город был опоясан тремя линиями крепостных стен, за которыми ширван-шахи возвели сохранившиеся до наших дней дворец с мечетью, мавзолеей и судилище. Здания эти отличались высокими архитектурными достоинствами. Из Баку вывозились нефть и соль, в значительном количестве через бакинский порт проходили грузы с шёлком. Естественно, что ограбленные русские люди могли надеяться найти себе работу в многолюдном и оживлённом городе. «А я, — пишет Никитин, — пошёл в Дербент, а из Дербента в Баку, где огонь горит неугасимый».

Сам Никитин решил свою судьбу иначе. Несомненно, что он предварительно осведомлялся у азербайджанских, персидских, а может быть и среднеазиатских купцов о возможностях дальнейшего путешествия. В «Хождении за три моря» это обстоятельство подтверждается огорчённым замечанием его автора по поводу того, что в Индии, вопреки заверениям мусульман, всё же не оказалось товаров, в которых бы имелась большая нужда на Руси. Очевидно, знакомые Никитину восточные купцы предупредили его, что единственным действительно ходовым ввозным товаром в индийской торговле являются лошади, за которых можно будет взять высокую цену, а следовательно, и большой барыш. Никитин, сохранивший, судя по всему, кое-какие средства, решил купить жеребца и добраться до Индии. Эта мысль могла укрепиться в нём под влиянием соображений делового порядка. Спаситься от долговой кабалы после возвращения на родину можно было только вернув по принадлежности стоимость товаров, взятых в кредит перед отъездом из Твери. И Никитин, надо полагать, рассчитывал возместить свой долг, добыв выгодной торговлей в Индии необходимые ему средства. Повидимому, в конечном счёте это ему удалось, иначе нельзя себе представить, как он, при всей своей не раз

Индийские суда.

подчёркнутой им самим бережливости, мог прожить пять лет в чужих и далёких краях и сумел возвратиться на Русь.

Однако одними деловыми соображениями нельзя полностью объяснить решение Никитина отправиться в Индию. Тут нужны были и личная любознательность и смелая предприимчивость. Но главное заключалось в тех уже установившихся традициях восточной торговли, которыми обладали русские купцы XV в. Прочная привычка к длительным и опасным путешествиям по горам и пустыням Ближнего Востока, знание ближневосточных языков, которыми пользовались восточные купцы, были необходимым условием торговой деятельности в Закавказье, Средней Азии, Иране. Никитин в этом отношении, видимо, уже прошёл хорошую школу. Таким образом решение Никитина было обусловлено не только личными мотивами, но

и той общей подготовленностью к большим и рискованным торговым предприятиям на Востоке, которой могло тогда похвалиться немало русских купцов.

Нам неизвестно, сколько времени провёл в Баку Афанасий Никитин и что он делал в нём. «Хождение» ограничивается лишь коротким замечанием об основном признаке, присущем Баку, т. е. о его «неугасимых» горючих газах. Баку как город и порт был, очевидно, хорошо знаком русским и не нуждался в описании. Из Баку Никитин прибыл к иранскому берегу Каспийского моря, в область Мазандеран. Здесь, в селении Чебокар (правильнее — Чапокур), он провёл, по его словам, шесть месяцев и, видимо, здесь окончательно подготовился к своему индийскому путешествию. Это было смелое решение. Прежде всего надо было проделать долгий и опасный путь от Каспийского моря до самого Персидского залива.

Во времена Афанасия Никитина на территории нынешнего Ирана существовал ряд самостоятельных ханств. На западе и юге господствовали ханы туркменских кочевых племён. На востоке, в Хорасане, правили потомки Тимура. Мазандеран — область, прилегающая к Каспийскому морю, — находился также под властью собственных ханов. В Ардебиле, на территории Азербайджана, под властью главы мусульманского религиозного ордена Сефевийэ существовало княжество, которое впоследствии послужило основой для огромной державы династии Сефевидов, распространившей свою власть на Иран, Закавказье и соседние с ними области Ближнего и Среднего Востока.

Между всеми этими ханствами шли непрерывные войны. Народ изнемогал под жестокой властью феодальной знати кочевых племён. Гибли культурные ценности, разрушались производительные силы и, за исключением немногих городов, повсюду хирели ремесло и торговля.

Афанасий Никитин пересёк весь Иран с севера на юг, дав в своих воспоминаниях один лишь перечень населённых пунктов и городов, которые он проходил. Видно, что Никитин не придавал большого значения иранскому отрезку своего путешествия. После отъезда из Баку в центре внимания стояла Индия, и это обстоятельство отразилось на всей форме «Хождения»: до описания Индии оно состоит из сухого перечисления названий городов

и расстояний в днях пути. Затем идёт подробное описание Индии и переживаний автора, а в заключение — снова немногосложный отчёт о пройденной дороге.

Путь через Иран отнял у Никитина почти полгода. Никитин прошёл Рей, Кашан, Иезд, Лар и, наконец, прибыл в Ормуз к Персидскому заливу. Это было, как он указывает, за четыре недели до пасхи, т. е. в начале марта 1469 г. Ормуз, в котором Афанасий Никитин провёл месяц; расположен на бесплодном острове близ побережья и был крупнейшим торговым перевалочным пунктом для товаров, шедших в Индию и из неё. Здесь собирались купцы из Закавказья, Средней и Малой Азии, Золотой Орды, Египта, Индии, а порой даже Китая. Товары, направляемые в Индию из азиатских и африканских стран, везли из Ормуза на судах, которые, по свидетельству Никола ди Конти, были пятипарусными и вместительнее итальянских; они были снабжены перегородками, так что в случае пробоины вода не могла распространяться сразу по всему судну.

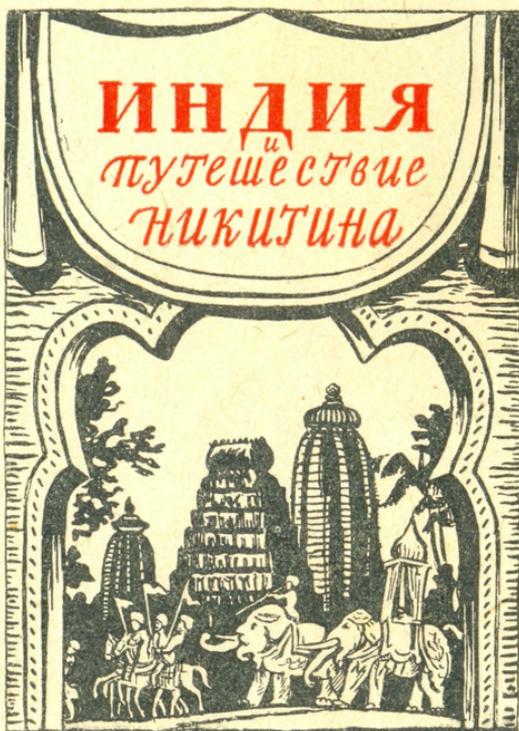
Основным грузом, который перевозился на таких судах, были лошади, чрезвычайно высоко ценимые в Индии. Ежегодно их отправляли через Ормуз тысячами. Садясь на судно, чтобы плыть в Индию, Никитин также взял с собой коня.

Морской путь был в то время столь же опасным, как и сухопутный, в частности из-за пиратов, чьи суда бороздили воды Аравийского моря. На этот раз счастье улыбнулось Афанасию Никитину, и судно после шести недель плавания благополучно приплыло в Чаул, индийский портовый город, расположенный к югу от современного Бомбея. Здесь А. Никитин вместе со своим конём высадился на индийский берег. Перед нашим путешественником лежала индийская земля, к которой он стремился на протяжении двух долгих и трудных лет.

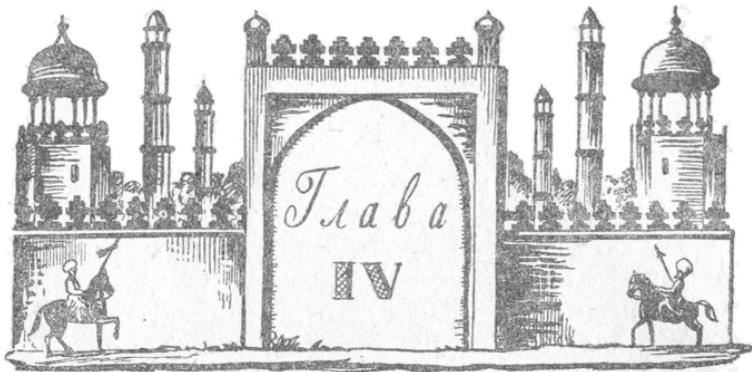
Индия, на землю которой после долгого пути, полного лишений и опасностей, высадился Афанасий Никитин, была страной древней и высокой культуры.

ИНДИЯ
и
путешествие
НИКИТИНА

1920 50

Древняя Индия

За четыре с половиной тысячи лет до того, когда наш мужественный соотечественник Афанасий Никитин прибыл в Индию, в то время, когда на берегах Нила, Евфрата и Тигра возникали древнейшие рабовладельческие деспотии, закладывались первые пирамиды, создавались крупные оросительные сооружения — каналы и дамбы, в долине р. Инда и его притоков развивалась культура столь же высокая, что и в Египте и Месопотамии. Археологическими раскопками в долине Инда обнаружены города с двухэтажными кирпичными жилыми и общественными зданиями, с хорошей планировкой улиц и даже с канализацией. В этих городах процветали разнообразные ремёсла — от производства нехитрых глиняных игрушек до дорогих, искусно сделанных глазированных и украшенных рисунками сосудов и ювелирных украшений. Ремесленные изделия вывозились за пределы Индии. Ряд предметов индийского происхождения был найден при раскопках древнейших месопотамских городов. Как народам Египта и Шумера, так и этим древним предкам современ-

ных индийцев уже была известна письменность, к сожалению, ещё не расшифрованная учёными.

Основными центрами этой культуры были Мохенджодаро в южной части долины р. Инда и Хараппа на севере Пенджаба, т. е. пятиречья, образованного восточными притоками Инда. Следы этой культуры идут на юго-восток и к долине р. Ганга.

Существует предположение, что культура долины Инда была создана дравидами, ныне живущими на юге Индии. Однако окончательный ответ на этот вопрос дадут дальнейшие успехи индийской археологии и, конечно, расшифровка надписей, найденных в Мохенджодаро.

Но кто бы ни был народ-создатель индийской цивилизации, он принадлежал к коренному населению Индии и некоторые стороны его культуры были унаследованы последующими поколениями народов, являвшихся творцами индийской истории, и донесены до современности.

* * *

Источники по истории Индии¹ дали возможность учёным проследить историю индийского народа от становления рабовладельческого общества до его разложения в первые века нашей эры. Все эти документы говорят, что в результате разложения первобытно-общинного строя, имевшего место приблизительно в начале первого тысячелетия до нашей эры, вдоль берегов великих рек северной Индии и их притоков возник ряд мелких рабовладельческих государств. Приблизительно в VI в. до н. э. среди них начало расти и крепнуть государство Магадха, со столицей в Паталипутре (ныне Патна). В IV в. Магадха уже стала крупной державой, подчинившей себе все другие государства бассейна р. Ганга.

¹ В их числе нужно упомянуть древнейшие памятники индийской религиозной литературы, именуемые «ведами», в которых собраны гимны и молитвенные обращения к богам, олицетворявшим явления природы, эпические произведения «Махабхарата» и «Рамаяна», своды древних религиозных законов («Законы Ману»). «Пураны», где изложены мифологические представления индийцев об истории мира и собраны предания о существовавших некогда царствах и их правителях, а также другие индийские литературные памятники на индо-европейских языках (санскрит, пали), известия иностранцев, слышавших об Индии или посещавших её, и, наконец, археологические памятники.

Иной была судьба северо-западной Индии. В VI в. земли по Инду были завоёваны персидским царём Дарием I и стали сатрапией империи Ахеменидов. Народы, населявшие эту сатрапию, платили дань правителям Ирана. Однако в IV в., когда в северо-западную Индию вторгся Александр Македонский, в ней уже не было и следов персидской власти. Но здесь не было и крупного государства, которое могло бы противостоять армии Александра. Хотя Александру удалось одержать победу над правителем одного из индийских государств, но яростное сопротивление индийцев жестокому захватчику ослабило войска Александра и вселило в них страх за свою судьбу. Дойдя до р. Биаса и узнав, что дальше на восток раскинулась могучая держава Магадха, располагавшая войском в 80 тыс. всадников, 8 тыс. колесниц, 200 тыс. пехоты, и, что казалось особенно страшным, 6 тыс. боевых слонов, войско Александра возмутилось и заставило его покинуть Индию.

Уходя из Индии, Александр оставил на завоёванной им территории свои гарнизоны. Однако вскоре они были уничтожены восставшим народом.

Согласно одному из преданий, в столице Магадхи вскоре после ухода Александра Македонского из Индии произошёл переворот. Молодой Чандрагупта из рода Маурьев захватил трон в Паталипутре и положил начало новой индийской династии, распространившей свою власть на большую часть полуострова.

При Маурьях Магадха стала крупнейшей державой, когда-либо существовавшей в Индии вплоть до XIV в. н. э. В правление Ашоки (273—232) она простиралась от нынешнего Афганистана на севере до р. Кавери на юге. При Маурьях расширились связи Индии со странами, лежащими за её пределами, особенно с западными. В Паталипутре не раз бывали послы от правителей Малой Азии и Египта. В свою очередь Маурьи направляли своих посланцев в Бирму, на Цейлон, в западную Азию и возможно в ещё более отдалённые страны — Грецию и Египет. Стали более активными торговые связи Индии с соседями. Дорога, построенная от Паталипутры почти до границы с Афганистаном, служила не только военным целям, но и торговым.

При Маурьях в Индии достиг наибольшего развития и рабовладельческий строй.

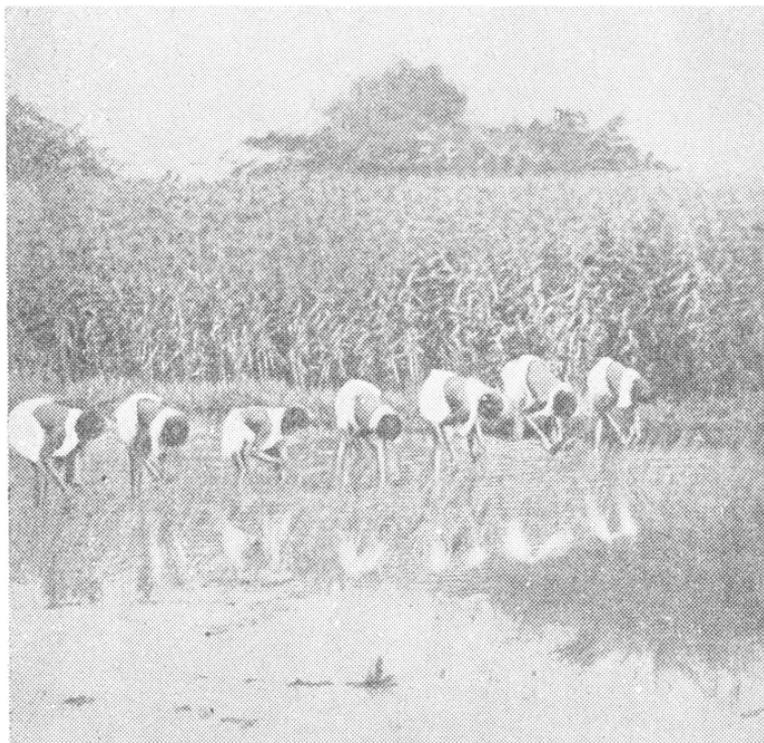
Особенностью индийского рабовладельческого строя было то, что рабский труд даже в пору своего расцвета не овладел всем общественным производством. Основная масса продуктов, потребляемых индийским обществом, создавалась не рабами, а свободными общинами. Эксплуатация рабов, если исключить тех, кто были заняты в горнорудном деле, особенно на добыче золота, серебра и драгоценных камней, и в производстве таких изделий, которые были рассчитаны специально на рынок, не имела тех жестоких форм, какие нам известны по истории Рима.

Свободное население в рабовладельческих государствах Индии делилось на четыре сословия, именуемые в древней индийской литературе варнами. Высшими из них были варны кшатриев и брахманов. К варне кшатриев принадлежали те роды, для которых наследственным занятием стало военное искусство. Из кшатриев формировалось постоянное войско. Как правило, из наиболее сильных кшатрийских родов назначались военные наместники областей и округов. Царь был высшим представителем этого военного сословия.

Наиболее аристократические роды кшатрийской правящей знати являлись и крупнейшими рабовладельцами.

Варна брахманов была жреческим сословием. Подавляющее большинство членов этой варны составляли брахманы, выполнявшие жреческие обязанности в сельских общинах. Эти деревенские жрецы были самой низшей прослойкой варны брахманов. Огромные привилегии имели те немногочисленные брахманы, которые служили жрецами при самом царе и высшей кшатрийской знати или же занимали важнейшие посты в государственном аппарате — гражданском и военном. Используя своё положение и милости государей, аристократическая верхушка брахманского сословия превратилась в крупнейшую землевладельческую и рабовладельческую знать.

Третьим сословием была варна вайшьев. Основную массу вайшьев составляли свободные земледельцы — владельцы земли, входившие в состав сельской общины, а также купечество и ремесленники, жившие в городах. Поскольку городов было мало, то вайшьи-земледельцы составляли основную массу свободного населения индийских государств. Эти земледельцы-вайшьи жили родовыми, а в наиболее развитых в экономическом отношении районах — соседскими общинами, состоявшими из

На рисовом поле.

нескольких больших семейств. Каждая такая семья имела общее хозяйство и совместно пользовалась плодами своего труда.

Не только в родовых, но и в соседских общинах собственность на землю, как на основное средство производства, принадлежала всему коллективу общинников. Община наделяла участками земли своих членов и перераспределяла обрабатываемую землю, когда находила это нужным. Никто в общине не мог продать или подарить ни пяди земли постороннему человеку без согласия общины. Равно находились в коллективной собственности общинников и все сооружения (пруды, колодцы, амбары, загоны для скота и т. д.), которые они строили совместным трудом для нужд общины. В каждой общине в зависимости от её величины было большее или меньшее количество рабов, которые работали на общину и находились в коллектив-

ной собственности общинников. Труд рабов отнюдь не отменял труда свободных общинников. Общинники сами обрабатывали землю, и труд земледельца считался почётным занятием свободного вайшья. Рабы же помогали общинникам, выполняли за них необходимые, но считавшиеся зазорными для свободного человека виды труда, к примеру: уборку падали и мусора, обработку кож, мытьё грязного платья и т. д.

Общинный раб имел свою семью, собственную хижину и личные вещи, необходимые в быту, не в пример классическому рабу древнего Рима.

Во главе общины был староста. Рядом с ним стоял совет старейшин, совместно с которым староста решал общинные дела, судил членов общины и по воле общинного совета наказывал провинившихся. В случае нужды староста был военным вождём общины. Староста же выступал представителем общины в её сношениях с другими общинами и с государственными властями. Каждая община была своеобразной маленькой республикой, экономически мало связанной с миром, лежавшим за её границами.

Как все свободные члены государства, общинники несли государственные повинности, из которых основной было отчисление в пользу государства определённой доли урожая, участие трудом в строительстве сооружений общегосударственного назначения, защита государства от внешнего врага, а в случае необходимости и участие в подавлении возмущения рабов. Часть зерна, поступившего от общинников в распоряжение государя, хранилась в государственных амбарах, как фонд на случай голода. Но основная масса продукта шла в распоряжение государственного аппарата, и, конечно, большая его часть присваивалась верхушкой этого аппарата: царём и его сановниками, принадлежавшими к высшей рабовладельческой знати.

Низшим сословием были шудры. Люди этого сословия хотя лично свободные, тем не менее составляли неполноправную часть населения. Основная масса шудров не имела собственной земли, и это определяло их принижённое положение в обществе. Отсутствие собственной земли вынуждало шудров обрабатывать чужую землю, принадлежавшую общине или частным землевладельцам,

служить наёмниками, быть слугами или заниматься ремёслами.

Помимо сословного, существовало деление индийского общества ещё и иного характера.

Дело в том, что с возникновением разделения труда в индийском обществе одновременно возникла и особая форма этого разделения труда. Надо заметить, что эта форма разделения труда перешла по наследству из рабовладельческого в феодальное общество. Когда в XVI в. португальские колониальные захватчики, отняв у индийского народа ряд территорий (Гоа, Диу, Даман и др.) и утвердившись в Индии, познакомились с этой своеобразной формой разделения труда, они назвали её кастой. Сами же индийцы чаще всего называют её словом джати, по-русски означаящим «род», «племя». Кастовая форма разделения труда — это такая форма, когда люди, начав заниматься какой-либо профессией, не только делают её своим исключительным и неизменным занятием, не только передают это занятие по наследству из поколения в поколение, но и организуются как особая изолированная группа путём запрета браков вне собственной касты.

* * *

Деление индийского общества на свободных и рабов, на высшие и низшие варны (сословия) нуждалось в объяснении и в моральном оправдании. Эту задачу выполнили брахманы. Во имя интересов господствующего класса они создали религиозное учение, имеющее своей целью примирить эксплуатируемые массы со своим положением и таким образом укрепить возникший общественный строй.

В основу этого религиозного учения брахманы положили существовавшую у людей веру, порождённую полным неведением как самих себя, так и окружающей природы в то, что и человек, и животные, и все предметы имеют душу. В древней индийской поэме «Махабхарата» человеческая душа изображалась в виде маленького человека, умещающегося на ладони. Люди были убеждены, что когда человек умирает, то его душа покидает тело. О том, что делается с душой после её выхода из тела, были самые различные представления. Между ними было и такое распространённое представление, что душа, покинув тело умершего, идёт на суд к Яме, богу загробного мира, и тот в воздаяние за грехи или добрые дела чело-

века отправляет её на соответствующий срок или мучиться в тёмной бездне, или наслаждаться на небесах. По истечении положенного срока душа возвращается на землю и снова воплощается в другой земной оболочке. Брахманы, воспользовавшись этим поверьем, внушали людям, что та новая оболочка, в которой воплощается душа, соответствует степени греха, которым она была обременена в прошлых воплощениях. По их учению выходило так, что если кто и виноват в том, что человек вынужден влачить существование раба, или быть хотя и свободным, но эксплуатируемым шудрой или вайшьем, то это он же сам, ибо только добродетельной жизнью человек может обеспечить своей душе воплощение в более совершенной оболочке. Брахманы учили, что важнейшей обязанностью человека является покорное выполнение долга, соответствующего его положению в обществе. Протест же человека против социальной несправедливости является бунтом против божественного закона и влечёт возмездие не только при жизни, но и после смерти. Высшей же добродетелью человека является покорность своей судьбе, почитание брахманов, как наиболее чистых существ на земле, и выполнение религиозных обрядов при посредстве и с помощью брахманов. Брахманы говорили, что за свою добродетельную жизнь шудра будет награждён тем, что его душа потом воплотится в человеке более высокой варны, даже в брахманской, и святой жизнью в брахманской оболочке освободит себя от связи с землёй и навсегда останется на небесах.

Это созданное брахманами религиозное учение было названо европейцами брахманизмом.

Приблизительно в VI—V вв. в Индии возникло новое религиозное учение, именуемое буддизмом, по прозвищу его легендарного основателя Будды. Проповедники буддизма, как и брахманы, положили в основу своего учения ту же веру в переселение душ. Буддизм учил, что цепь новых и новых воплощений является результатом закона возмездия за совершённые деяния и для прекращения её необходима добродетельная жизнь. Чтобы быть добродетельным, говорил буддизм, человек не должен отвечать насилием на насилие, не питать привязанности к земным радостям и подавлять все свои желания. Символом рождений, смерти и новых рождений стало у буддистов «колесо бытия». Этот символ имеется на колоннах, по-

ставленных царём Ашокой в разных концах его империи. На этих колоннах были также высечены императорские указы, требовавшие от подданных следовать учению буддистов¹. Буддизм старался примирить людей с действительностью.

Буддизм был оппозиционен брахманизму. В отличие от него он был равнодушен к сословной принадлежности людей. Он говорил, что его моральные догматы одинаково обязательны для всех — как для шудры, так и для брахмана. Будь человек хоть трижды брахман, он всё же хуже шудры, следующего правилам жизни, предписываемым буддистской религией. Буддизм подрывал авторитет брахманов и тем, что не считал обязательным выполнение религиозных обрядов и соблюдение сложной системы запретов, в противоположность брахманизму, который считал их непременным условием «спасения» человека.

Буддизм создал монашеский орден для людей, давших обет отрешиться от всех земных дел и посвятить себя исключительно нравственному самоусовершенствованию, и допускал в него всех, кроме рабов.

Буддистское учение нашло особенно широкий отклик в городах, где социальные противоречия давали о себе знать достаточно сильно и где несоответствие сословного и экономического положения проявлялось наиболее наглядно. Буддизм привлекал к себе беднейшие и эксплуатируемые слои тем, что отрицательно относился к сословному неравноправию и, в частности, объявил, что высшим критерием положения человека в обществе является не его сословная принадлежность, а нравственные качества.

Буддизм располагал в свою пользу также состоятельную часть горожан из низших варн. Эта общественная прослойка, обладавшая значительными материальными средствами, не хотела занимать сословно принижённое положение и находила в буддизме религиозное оправдание своему протесту против сословных привилегий более высоких варн брахманов и кшатриев.

Следует отметить, что учение буддизма в гораздо большей степени, чем брахманизм, соответствовало политическим задачам крупных рабовладельческих государств, стремившихся объединить под единой и деспотической

¹ «Колесо бытия» ныне изображено на национальном флаге Индии.

властью царя самые различные племена и народы, живущие по своим обычаям и законам. Буддизм не только давал единый для всех религиозный закон, но и создал в лице монашеского ордена организацию, которой не имел брахманизм и которую можно было поставить на службу государству. Буддизм привлекал к себе повелителей империй и тем, что, отрицая наследственные привилегии, связанные с принадлежностью к высшим варнам, превращал всех подданных в рабов царя-деспота, в отличие от брахманизма, ограничивавшего волю царя в отношении брахманского и кшатрийского сословий. При всём этом буддизм удовлетворял господствующий класс тем, что учил людей быть равнодушным ко злу и не бороться с ним путём применения насильственных методов. Цари и класс рабовладельцев в целом поддерживали буддийский монашеский орден. Для буддистских монахов строились монастыри. Буддистским монастырям дарили земли, жертвовали в их пользу налоги с общинников. Монастыри на подаренных землях создавали рабовладельческие хозяйства, богатели и превращались в крупную экономическую силу.

Однако держава Маурьев была только военно-административным объединением, не имевшим своей экономической базы. Каждое племя, каждый народ, более того — каждая община жила своей собственной экономической жизнью. Поэтому величие и мощь державы были весьма непрочными. Восстания покорённых народов, классовая борьба — всё это подорвало силы Магадхи. Преемники Ашоки оказались не в состоянии сохранить под своей властью завоёванные земли. Отпал Декан, и здесь образовалась самостоятельная рабовладельческая держава Андхра. Отпала и раздробилась на множество небольших государств вся северо-западная Индия.

Распад державы Маурья привёл к тому, что в северную Индию начали вторгаться захватчики из Ирана и Средней Азии: бактрийцы, парфяне. В первом веке нашей эры часть северной Индии вплоть до Бенареса была завоёвана кушанами и вошла в состав их огромной державы. Приходившие вместе с завоевателями разнообразные племена и народности оседали в Индии, смешивались с коренным населением и воспринимали его культуру.

Период кушанской власти был периодом нового расцвета экономической жизни Индии. Свидетельством этому

являются археологические памятники кушанского периода в виде остатков архитектурных сооружений, прекрасной скульптуры, кладов монет, подтверждающих сведения об оживлённых торговых связях Индии с другими странами, особенно с Римской империей.

* * *

В III в. держава Кушанов распалась. Северная Индия снова, как и до кушанов, оказалась раздроблённой на несколько мелких государств. Но вот в начале IV в. древняя Магадха благодаря удачным завоеваниям её правителей из рода Гуптов снова превращается в крупную державу, в границы которой вошла вся долина рек Джамны и Ганга. Правитель Магадхи Самудрагупта, пользуясь тем, что одновременно с кушанской распалась и держава Андхров в Декане и в нём были, как и на севере, лишь мелкие государства, совершил туда удачный поход. Один из литературных памятников говорит, что он прощёл со своим войском почти до р. Кавери. Однако овладеть территорией Декана, как это было при Маурьях, Магадха оказалась уже неспособной.

Период IV—V вв. был одним из самых блестящих в истории культуры индийского рабовладельческого общества. В этот период строились каменные храмы, украшенные замечательной скульптурой. Создавалась прекрасная стенная живопись в пещерных храмах Аджанты. Небывалого расцвета достигли литература и наука. В этот период творил величайший драматург и поэт Индии Калидаса. Тогда же жил крупнейший математик древнего мира Арьябхата, давший наиболее точное для своего времени определение числу π (3, 1416), а также учивший, что Земля является шаром, вращающимся вокруг своей оси, и что фазы Луны образуются тенью, падающей на неё от Земли.

Индии, и возможно тому же Арьябхате, мир обязан изобретением десятичной системы написания цифр.

Больших успехов достиг индийский народ в таких отраслях техники, как металлургия. До нас сохранилась от IV в. колонна из нержавеющей железа в Дели. Она имеет высоту более $6\frac{1}{2}$ м и диаметр около 30 см. Способ изготовления этой колонны до сих пор остаётся загадкой. Индийцы строили многовёсельные суда с парусным вооружением, на которых плавали по Аравийскому морю, Бен-

гальскому заливу и Индийскому океану. На этих судах они доходили до Индонезии и Китая.

Замечательного совершенства достигло ремесло. Индийские ткачи производили столь тонкие ткани, что целое женское покрывало (сари) проходило через маленькое обручальное колечко. Большой славой пользовалось индийское холодное оружие, ювелирные изделия, вещицы из слоновой кости, изделия из драгоценного сандалового дерева и многие другие произведения индийских ремесленников. Индийские земледельцы выращивали разнообразнейшие зерновые, масличные и волокнистые культуры, овощи, фрукты, пряности. За последними в Индию приезжали купцы со всех концов тогдашнего культурного мира. Всё это свидетельствует о высоком уровне производительных сил, который сделал невыгодным дальнейшее применение рабской рабочей силы. Литературные памятники первых веков нашей эры говорят о том, что рабовладельцы в своих поместьях начинают отказываться от применения рабского труда. Вместо этого они отдают землю под обработку земледельцам, лично свободным, но не имеющим собственной земли. Обычно это были земледельцы-шудры. В то же время они наделяют небольшими участками земли своих бывших рабов и превращают их в крепостных. Эти юридически свободные земледельцы и крепостные из числа прежних рабов отдавали владельцу земли долю урожая, но были собственниками своего мелкого хозяйства. Так рабство стало уступать место более прогрессивной форме эксплуатации.

Кризис рабовладельческого строя и неудачи Гуптов в борьбе с покорёнными народами, которых они грабили путём сбора с них дани, привели к ослаблению Магадхи. Этим воспользовались вторгшиеся в середине V в. в северо-западную Индию гунны — эфталиты, или «белые гунны». В самом начале VI в. они нанесли поражение Гуптам. На короткий срок вся северная Индия стала данницей гуннского вождя. Держава Гуптов — последняя деспотия древнего мира — перестала существовать. Начался новый период в истории Индии — период феодальный.

* * *

Власть гуннов в северной Индии продолжалась около двух десятилетий и была свергнута индийцами в начале второй трети VI в. Гуннские и другие полукочевые пле-

мена, пришедшие с ними в Индию, осели на землю и быстро ассимилировались более высоко развитым индийским народом. Крайняя скудость источников, относящихся к периоду раннего средневековья, лишает нас возможности нарисовать историю становления индийского феодального общества во всей его конкретности. Дошедшие до нас документы рассказывают о том, что в VI в. на территории Индии существовало множество небольших княжеств. Их князья, как верховные собственники земли и государи, раздавали землю храмам, жрецам и своим сановникам в держание на различных условиях, нередко близких полному праву феодальной собственности. В дарственных грамотах князья писали, что они передают одариваемому ими лицу или храму право требовать от крестьян выполнения в свою пользу всех повинностей, которые те были обязаны до этого нести в пользу князя как главы государства и верховного собственника земли. Из всех этих повинностей основным был оброк в виде доли урожая, который крестьяне снимали со своих полей. Предоставляя право на оброк, князья жаловали также административным и судебным правом. Прежние свободные общинники попадали таким образом в личную зависимость от человека, получившего над ними от князя указанные права. Войны, которые шли между князьями за расширение своих земель и получение большего количества подданных, были бедствием для общинников и усиливали их феодальное закабаление. Княжеские войска, проходя через сёла, вытапывали посевы, отбирали у крестьян хлеб и фураж, забирали с собой общинников в качестве обозной прислуги. Индийский писатель VII в. Бана, описывая в повести о жизни современного ему князя Харши выступление этого князя в поход, рассказывает, как ограбленные войском крестьяне в отчаянии, позабыв всякий страх, проклинали и поносили Харшу.

Враг опустошал целые районы, хватал крестьян, увозил их в плен и продавал в рабство. Чтобы избежать этой участи, крестьяне разбегались. Когда враг уходил, одни возвращались на своё родное пепелище, другие находили приют в чужом месте, но ценой феодальной зависимости от владельцев земли. Нередко общинники, ища защиты у сильного феодала, «добровольно» шли под его покровительство, соглашаясь быть его крестьянами и платить ему оброк.

Положение общинников, попавших в зависимость от феодалов, стало сходным с положением безземельных шудров, обрабатывавших чужую землю.

Китайский путешественник по Индии Сюань Цзан (первая половина VII в.) отметил это словами о том, что в Индии *все* земледельцы являются шудрами, а к сословию вайшьев принадлежат только купцы и ростовщики. Эксплуатация, которой стали подвергаться общинные земледельцы со стороны своих феодалов, нередко вызывала отпор с их стороны. Однако их сопротивление было разрозненным, как были разъединены между собой и общины, которыми они жили. Иногда крестьяне добивались отмены особенно тяжёлых поборов, но чаще терпели поражение.

В руки феодалов в форме оброка поступала значительная часть продукта, создаваемого трудом зависимого крестьянства. Чтобы увеличить свой доход, феодалы строили оросительные сооружения, и тогда одна и та же земля, вместо одного, давала два-три урожая в год.

Увеличение производительности крестьянского труда способствовало тому, что всё большая часть населения получала возможность, вместо того чтобы совмещать занятие земледелием с домашней промышленностью, заниматься только ремеслом. Люди, сведущие в ремесле, уходили в города, где имелись потребители продуктов их труда. Основным местом, где ремесленники могли иметь сбыт для своих изделий, были административные центры княжеств, в которых находились княжеский двор с сановой и несановой челядью и стояло постоянное княжеское войско, или где была ставка любого феодала. Другим местом, где сосредоточивался ремесленный люд, были старинные портовые города, куда приезжали за товарами купцы из дальних стран. Основным потребителем товаров были феодалы, которые не удовлетворялись грубыми изделиями домашней крестьянской промышленности, поступавшими к ним в форме феодальной ренты, и предъявляли спрос на более тонкие изделия. Городские ремесленники вырабатывали поэтому главным образом предметы феодальной роскоши: дорогое чеканное оружие, убранство для коней и слонов, паланкины, ювелирные изделия, художественно отделанные сосуды, тончайшие шёлковые и хлопчатобумажные ткани, шерстяные ковры и тому подобные изделия. Среди ремесленников росла специализация

ция: одни ткали, другие красили и набивали готовую ткань; одни делали из кожи мужскую, другие женскую обувь, а третьи расшивали её художественным рисунком и т. п. Специализация повышала качество изделий и увеличивала производительность труда.

Рост производительности труда ремесленного люда, жившего в городах, позволил не только удовлетворять спрос местных феодалов, но и создавать излишек для вывоза. На этой основе стало расти купечество. Купцы Бенареса, славившегося шёлковыми и парчовыми тканями, возили их в другие города Индии: Праягу, Матхуру и Канаудж, в Удджайн и Анандапура, в порты Тамралипти в Бенгальском заливе и Барукачча на Аравийском море. То же самое можно сказать о других продуктах ремесленного труда. В Декане наиболее крупными торгово-ремесленными пунктами были города Канчи, Танджор, Мадур и др. Чем больше росло разделение труда, тем более множилось количество каст — формы, в которую в Индии отливало это общественное разделение труда.

Купцы и феодалы извлекали из торговли большие выгоды. В их руках накапливались богатства. Феодалы тратили его на содержание войска, чиновников и двора, на строительство крепостей и храмов. Значительная масса феодального дохода, превращённая в золото и драгоценные изделия, хранилась в виде сокровищ в храмах. Князья держали при своих дворах поэтов, которые прославляли их деяния и сочиняли пьесы, разыгрываемые на придворных сценах. При дворах жили учёные — брахманы, писавшие юридические трактаты и философские сочинения, медицинские и математические труды, увеличивая славу своих покровителей, до которой они были столь падкими.

В Индии существовали высшие школы, где многие сотни студентов изучали философию, религиозные установления и прочие отрасли средневековых знаний. Князья из тщеславия жертвовали на содержание этих высших школ налоги с сотен сёл. Крупнейшие средневековые университеты были в Наланде (Бихар), при старинном буддистском монастыре, в Валабхе (с. Катхьявар), в Канчи (южная Индия).

К XI—XII вв. по уровню феодальной культуры Индия не уступала Китаю.

О политической истории Индии периода раннего средневековья, к сожалению, нам известно лишь по произведениям феодальных писателей, которых интересовали только военные подвиги их покровителей. Жизнь народа, подлинного творца истории, почти не отражена в их произведениях. Лишь иногда в короткой эпитафической надписи, или том или ином предании, промелькнёт смутное упоминание о событии, говорящем о наличии повседневной классовой борьбы угнетённых масс.

Чаще всего рассказывается о вынужденном уходе крестьян с земли одного феодала на землю другого и реже о других более активных формах антифеодальной борьбы. Косвенным свидетельством развивавшейся антифеодальной борьбы горожан является широкое сектантское движение XI—XV вв., в ряде мест принимавшее общенародный характер.

Из эпитафических документов, из литературных произведений придворных поэтов, из записанных рассказов людей, лично побывавших в Индии или слышавших о ней от тех, кто посетил её, нам известно, что через сто лет после распада державы Гуптов на севере Индии возникла новая держава, охватившая всю долину рек Ганга и Джамны. Её создал удачливый завоеватель Харша. Столицей его империи, охватывавшей всю долину Ганга, стал г. Канаудж. Держава Харши, подобно многим другим империям раннего средневековья, была весьма непрочным объединением и распалась, как только умер Харша (644). Более устойчивой оказалась держава, созданная Пулакешином, правителем Махараштры, южной Индии, успешно сопротивлявшимся походам Харши. Династии, правившие в Махараштре, менялись. Однако держава просуществовала целых шесть столетий и, по свидетельству арабов, в IX—X вв. была четвёртым великим государством мира после Китайской империи, Византии и Арабского халифата. Кроме этой державы, в Декане были другие крупные государства — сначала государство Паллаво со столицей в Канчи (Кондживерам), затем сменившее его государство Чолов со столицей в Мадуре. На крайнем юге было государство Пандьев, находившееся в вассальной зависимости сначала от Паллаво, потом от Чолов.

Под эгидой правителей этих государств было множество мелких князьков, плативших дань своим сюзеренам, но чаще бунтовавших против них, не забывая при

этом о феодальной склоке -- на горе своим и чужим подданным.

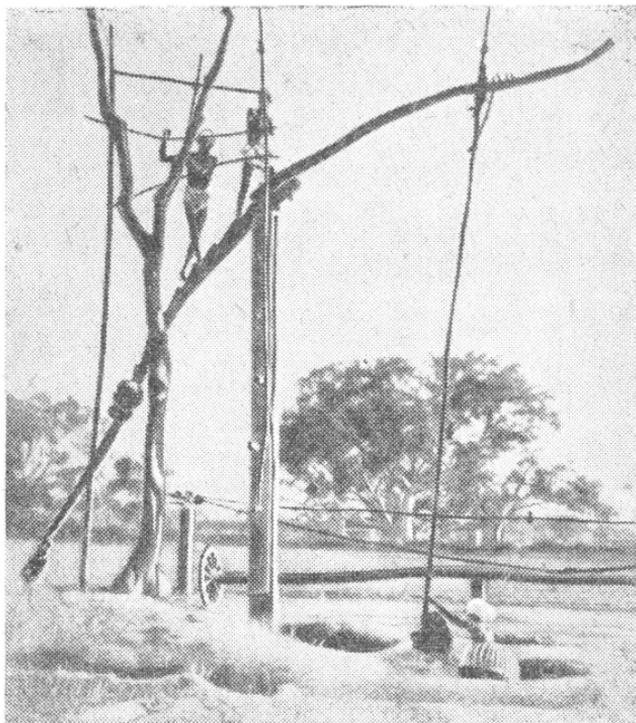
На севере Индии после смерти Харши была такая же картина феодальной раздробленности, как и в Декане, хотя и здесь тот или иной завоеватель создавал более или менее обширное государство, объединяя под своей властью мелкие княжества. Но это объединение ограничивалось признанием сюзеренитета завоевателя, периодическим посещением его столицы и уплатой ему дани. Крупнейшей и наиболее устойчивой державой было государство Палов в Бенгалии, просуществовавшее несколько столетий. Причиной этому была известная географическая изолированность Бенгалии от западной Индии и более быстрое экономическое развитие этой части страны по сравнению с двуречьем Джамны и Ганга.

В долине Ганга и Джамны одновременно с государством Палов возникла держава Пратихаров, включавшая и нынешние Банделькханд и Раджпутану. Положение Пратихаров было менее выгодное, чем Палов. Им приходилось не только всё время бороться со своими непокорными вассалами, но и отбиваться от набегов с запада из Пенджаба, с юга из Махараштры и из центральной Индии.

На территории нынешнего западного Пакистана, в южной его части, в 712 г. появилось войско халифа. Арабы завоевали область Синд, и здесь образовалось два княжества (эмирата) — одно в Мансуре, другое в Мультане, — во главе которых стояли мусульманские династии.

В 1001 г. в северо-западную Индию вторгся правитель Газнийского государства Махмуд. Пользуясь слабостью государства Пратихаров, раздираемого феодальной усобицей, Махмуд ворвался в область между Джамной и Гангом, а затем совершил поход в Гуджарат вплоть до полуострова Катхиавар, на западном берегу которого в Сомнате разрушил и ограбил богатейший индийский храм.

Последствия грабительских походов Махмуда были ужасны. Десятки тысяч индийцев уводилось в Газну на невольничий рынок, разрушались города и сёла, уничтожались ценнейшие памятники индийской культуры. Политическим последствием походов Махмуда было уничтожение государства Пратихаров и присоединение к владениям Газни территории Пенджаба. Северо-западная

Оросительный колодец.

Индия смогла свободно вздохнуть только после смерти этого жесточайшего феодального грабителя.

Благодаря трудолюбию народа раны, нанесённые Махмудом, были скоро залечены. На руинах старых городов возникли новые. Однако в политическом отношении северная Индия оставалась попрежнему раздробленной на ряд враждовавших княжеств, сильнейшими из которых в конце XII в. были княжество Аджмир, правитель которого Притхви Раджа одновременно владел городом Дели, княжество Канаудж и княжество, возглавлявшееся родом Чандела в Банделькханде.

* * *

В период между VI—XII вв. окончательно сложилась характерная для Индии кастовая структура её общества.

Выше уже говорилось, что по мере роста разделения труда всё многочисленнее становились и касты.

К. Маркс, говоря о кастовом разделении труда, писал: «Касты и цехи возникают под влиянием того же естественного закона, какой регулирует, например, распадение животных и растений на виды и разновидности, с той лишь разницей, что на известной ступени развития наследственность каст и исключительность цехов декретируется в качестве общественного закона»¹.

В Индии это деление на касты было закреплено официальным религиозным учением феодального общества, получившим в европейской науке название «индуизм».

Происхождение этой религиозной системы связано с историей возникновения и развития индийского феодального общества.

Буддизм — официальная религия централизованных рабовладельческих деспотий древней Индии с распадом последних на множество мелких княжеств лишился покровительства, которое оказывали ему из политических соображений повелители этих деспотий. Упадок городов, последовавший за перемещением всей экономической жизни и деревню на заре индийского средневековья, лишил буддизм к тому же и социальной базы, которую он имел в городском населении Индии.

Сюань Цзан, обошедший за долгие годы пребывания в Индии всю страну вдоль и поперёк, везде видел упадок буддизма.

Буддистские монастыри опустели, города Капилавасту, Гайя и многие другие, бывшие в течение ряда веков местами паломничества буддистов, обезлюдели.

Индийская деревня в противоположность городу почти не была задета буддизмом. Каждая община держалась своих старых верований. Общинники приносили жертвы своему сельскому божеству, чтобы обеспечить его благоволение к общине; каждая семья почитала своего божка и души предков, и все без исключения прибегали к помощи заклинаний и амулетов, борясь с кознями всяческих злых духов. Во всём этом общинники пользовались услугами своего сельского жреца — брахмана.

Не будет преувеличением сказать, что в Индии было столько же религий, сколько в ней имелось сельских общин, и такое же множество богов. Сложение крупных феодальных государств породило необходимость в созда-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1950, стр. 347.

нии официальной религии, которая помогала бы объединению разнородных племён и народностей в единое политическое целое. Такой официальной религией стала религия самого правителя государства. Божество, которому поклонялся сам князь, объявлялось главным божеством. Имя этого божества стало включаться в княжеский титул. Из сонма богов князя выбирали высших богов древнего брахманизма Шиву или Вишну, творцов мира и его хранителей. В их честь строились величественные храмы. В храмах ставились изображения этих богов и сотни брахманов прислуживали им, как живым земным повелителям. Их «кормили» и «поили», совершая обряд жертвы, их статуи умащали благовонными маслами, а храмовые рабыни-танцовщицы и музыканты увеселяли богов. Так возникло два толка официальной религии: шиваизм и вишнуизм.

Брахманы — служители этих официальных религий — учили, что все прочие божества, которых чтили в каждой общине, в каждом племени, у каждого народа, являются или потомками, или жёнами Шивы или Вишну, или воплощениями их творческих сил (шакти), будь то обоже-ствлённые герои Рама или Кришна, или богиня-мать Кали или Дурга, или фетиш в виде камня, который общинники ставили у границы своего села. Брахманы говорили, что великие божества Вишну и Шива имеют свыше 300 млн. образов, а этого было вполне достаточно, чтобы причислить все божества всех местных религий к тому или другому официальному религиозному толку. Так же как древний брахманизм использовал народные анимистические представления для укрепления деления общества на сословия-варны в рабовладельческих государствах Индии, так и официальное брахманское учение вишнуизма и шиваизма использовало эти же верования для того, чтобы закрепить и упрочить в феодальном обществе кастовое деление. Брахманы внедряли в сознание людей идею, что чем ниже в социальном отношении стоят люди, объединённые в той или иной касте, тем греховнее их души, и всякий человек, по своему положению в обществе стоящий выше, должен бояться общения с подобными людьми. В противном случае, говорили брахманы, он осквернит себя и обречёт свою душу на мучения в царстве бога Ямы и на последующие воплощения её в более низкой телесной оболочке. Результатом этой проповеди

было то, что касты изолировались друг от друга системой запретов. Браки внутри касты и отказ от еды совместно с членами более «низкой» касты стали общественным законом. Нарушение этих основных правил грозило человеку исключением из касты, а это означало, что он теряет право на свою семью, на семейное имущество, на помощь и защиту своей касты. На страже этого религиозного закона стояла светская власть князя. Возникла характерная для индийского кастового строя иерархия каст по их «чистоте», в конечном счёте отражавшая социальное деление феодального общества. Вверху этой кастовой иерархии, как наиболее «чистая», была каста брахманов. Ниже её — каста светской военно-феодальной знати кшатриев и раджпутов. Ещё ниже разместились касты торгово-ростовщической прослойки средневекового общества (банья, шетти и т. д.). Ниже их помещалось в соответствующей иерархии бесконечное количество каст, занятых в земледелии и в ремесле. И наконец, на самом дне находились касты «неприкасаемых», основную массу которых составляли рабы и крепостные. Среди последних были касты, члены которых, по убеждению высших каст, могли осквернить человека своей тенью или взглядом, сделать нечистой еду представителя высокой касты. Это поверие переносилось и на тех, кто ест говядину, поскольку корова является священным животным у всех последователей индуизма.

Чрезвычайно тонкий наблюдатель, каким был Афанасий Никитин, так описал и многообразие религий Индии, и освящённые религией кастовые обычаи: «Всех же вер в Индии 84 [обычная цифра для определения количества вер в Индии, встречающаяся в литературных и исторических произведениях индийских мусульман] и все веруют в бута [идола]. Вера с верой не пьёт, не ест, не женится; некоторые едят баранину, кур, рыбу и яйца, но воловины не ест никакая вера». Индийцы ...едят... два раза в день, а ночью не едят; ни вина, ни сыты не пьют. С бусурманами не пьют и не едят. А еда у них плохая, и друг с другом не пьют и не едят, даже с женой. Едят рис да кичири с маслом, да травы разные, а варят их с маслом и молоком. А едят все правою рукою, левою же ни за что не возьмутся; ножа не держат, а ложки не знают. В дороге у каждого по горнцу и варят себе кашу. А от бусурман скрываются, чтобы не посмотрел ни в горнec, ни в еду. Если же бусурманин посмотрел на е-

Священный бык Нанди (Танжор, южная Индия. $1/100$ натуральной величины).

индеец уже не ест. А когда едят, то некоторые покрываются платом, чтобы никто не видел».

Чем выше в кастовой иерархии стояла каста, тем большим объёмом общественных прав она пользовалась. Вполне понятно, что касты господствовавшего класса феодалов — брахманская и кшатрийские (раджпутские) — были на самом вершине кастовой иерархии.

Феодално эксплуатируемые массы индийского народа оказались раздробленными на бесконечное число изолированных групп. Это ослабляло их и тем самым облегчало для господствовавшего класса возможность с большей лёгкостью эксплуатировать зависимое от них трудящееся население.

Индийцы были не только отделены друг от друга кастовыми перегородками. Подавляющую массу населения средневековой Индии составляли общинники, разъединённые самим характером производства. Земледельцы жили своими общинными мирками и были весьма слабо связаны со всем тем, что лежало за границами общины.

Причину изолированности индийских общин раскрыл Маркс. Характеризуя индийскую общину, он писал:

«Село в географическом отношении представляет собой пространство, содержащее несколько сот или тысяч акров возделанной и пустующей земли; в политическом отношении оно похоже на городскую корпорацию. В селе имеется ряд высших и низших должностных лиц. Potal¹, или староста, имеет общий надзор за делами села, улаживает споры обывателей, заведует полицией и исполняет обязанность сборщика налогов внутри села, — обязанность, для исполнения которой он является наиболее подходящим в силу личного влияния и обстоятельного знакомства с положением и делами жителей. Kurnum² следит за состоянием земледелия и регистрирует всё, к нему относящееся. Tallier³ и totie⁴: обязанность первого состоит в собирании сведений о преступлениях и проступках и в сопровождении и защите лиц, проезжающих от одного села до другого; круг же обязанностей второго, повидимому, более ограничен пределами села и состоит, между прочим, в охране урожая и в содействии его точному определению. Пограничник охраняет границы села или даёт свидетельские показания относительно их в случае спора. Лицо, имеющее надзор над водохранилищами и водостоками, распределяет воду для нужд земледелия. Особый брамин ведаёт в селе делами культа. Далее идут школьный учитель, которого можно видеть в селе обучающим детей чтению и письму на песке, календарный брамин, или астролог, и т. д.

Эти высшие и низшие должностные лица образуют администрацию села, но в некоторых частях страны штат их меньше, так как некоторые из описанных выше обязанностей и функций соединяются в одном и том же лице, в других же частях, напротив, штат их шире, чем указано было выше.

«Под этой примитивной формой общинного правления население жило с незапамятных времен. Границы сел редко изменялись, и хотя самые села иногда переживали тяжелые времена и подвергались опустошению благодаря войне, голоду и болезням, то же имя, те же границы, те же интересы и даже те же семьи продолжали существо-

¹ Potal, или Patel; произносится — *патель*.

² Kurnum, или Kurnam; произносится — *карнам*.

³ Tallier, или Taliar; произносится — *талиар*.

⁴ Totie, или Toty; произносится — *тоти*.

вать из века в век. Жители этих сел нисколько не беспокоились по поводу крушения и деления королевств, поскольку их село оставалось целым и невредимым; они мало интересовались тем, под власть какой державы попало их село и какому государю оно подчинено, ибо основы их внутреннего хозяйства оставались неизменными». Potalil продолжал оставаться главой общины и действовал как мировой судья и сборщик податей»¹.

Но, завершая эту характеристику индийской сельской общины, Маркс указывал: «Однако, как ни естественно для нас сокрушаться при виде дезорганизации и разложения этих десятков тысяч трудолюбивых, патриархальных и мирных социальных групп, как ни прискорбно нам видеть их брошенными в пучину горя, а их отдельных членов потерявшими одновременно как свои древние формы цивилизации, так и свои исконные источники существования, — мы все же не должны забывать, что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими пределами, делая из него покорное орудие суеверия, подчиняя его традиционным правилам, лишая его всякого величия, всякой энергии к историческому действию. Мы не должны забывать эгоизма варваров, которые, сконцентрировавшись на ничтожном клочке земли, спокойно наблюдали, как разрушались большие империи, как совершались несказанные жестокости, как вырезывалось массаи население больших городов, — спокойно наблюдали все это, не уделяя этому большего внимания, чем явлениям природы, и сами становились беспомощной добычей любого насильника, удостоивавшего их своим вниманием»².

И, предостерегая от идеализации этого внешне столь мирного и патриархального общинного быта, Маркс ещё раз подчёркивал, что эти изолированные мирки «были осквернены кастовыми различиями и рабством, что они подчиняли человека внешним обстоятельствам, вместо того чтобы возвысить его до роли владыки этих обстоятельств, что они превратили саморазвивающееся

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 349—350.

² Там же, стр. 351.

социальное состояние в неизменный, predeterminedный природой рок...»¹

Сохранившись как пережиток первобытно-общинного строя, деревенская община, угнетаемая феодалами, разъедалась в то же время внутренними противоречиями. В ней давно уже появились богатые и бедные общинники. Последние всё более и более попадали в экономическую зависимость от первых. В ней были и пришлые люди, лично свободные, но не входившие в состав её, а являвшиеся бесправными держателями мелких земельных участков. Они были обязаны отдавать землевладельцу (в лице общины в целом или отдельных её богатых членов) значительную часть, а иногда и всё, что давала им земля сверх ничтожного прожиточного минимума. Наконец, отдельные зажиточные общинники имели рабов. За свой труд рабы получали объедки со стола господина, кусок ткани, чтобы повязать бёдра, жалкую хижину, чтобы укрыться от непогоды.

Характерной особенностью индийской деревенской общины было то, что в ней сохранилась в качестве незыблемой основы домашняя связь между земледельческим и промышленным трудом, как это неоднократно указывал Карл Маркс. В каждой общине был плотник, который делал повозки и сельскохозяйственные орудия; кузнец (часто он же и медник) ковал серпы и ножи, делал мотыги и медную посуду, железные сошники; гончар мастерил горшки, глиняные игрушки, фигурки семейных божков и другие изделия из глины; ткач выработывал ткани из пряжи заказчика, красильщик набивал эти ткани красками; кожевник тачал обувь и делал прочие изделия из кожи. Община имела своих цирюльников и прачек — обязательно мужчин; несколько соседних деревень содержали ремесленника — ювелира, делавшего нехитрые украшения для женщин. Кроме того, в каждом селе были лица, выполнявшие самую различную работу в общине: сторожили поля, пасли сельское стадо, служили посыльными при старосте и под его начальством выполняли полицейские функции, чистили сельский пруд, помогали общинникам на полевых работах. Чем больше и богаче была община, тем больше было лиц, обслуживавших её нужды.

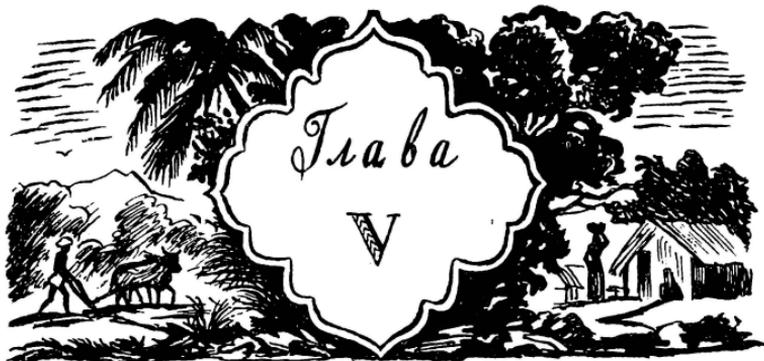
Часть их, в первую очередь те, которые выполняли

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 351.

функции ремесленников, были полноправными членами общины и как вознаграждение за свой труд получали от общины небольшие участки земли, уплату налога за которые община брала на себя. Дополнительно к этому община соответственно числу своих членов выделяла ремесленникам при снятии урожая определённое количество снопов. Часть же не были членами общины, а являлись фактически её наследственными слугами, получая за свой труд от общины одно лишь содержание в виде определённого количества снопов. Некоторым из них, занятия которых считались оскверняющими, даже запрещалось жить в селе, и они ставили свои хижины вне селения.

Таким образом, к описываемому нами времени в индийской общине не было уже единства. В ней были угнетатели и угнетённые, и патриархальные формы общинного быта этого скрыть не могли. В ней не было единства и потому, что все её члены, в зависимости от положения в общине и от своих занятий, принадлежали к соответствующим кастам.

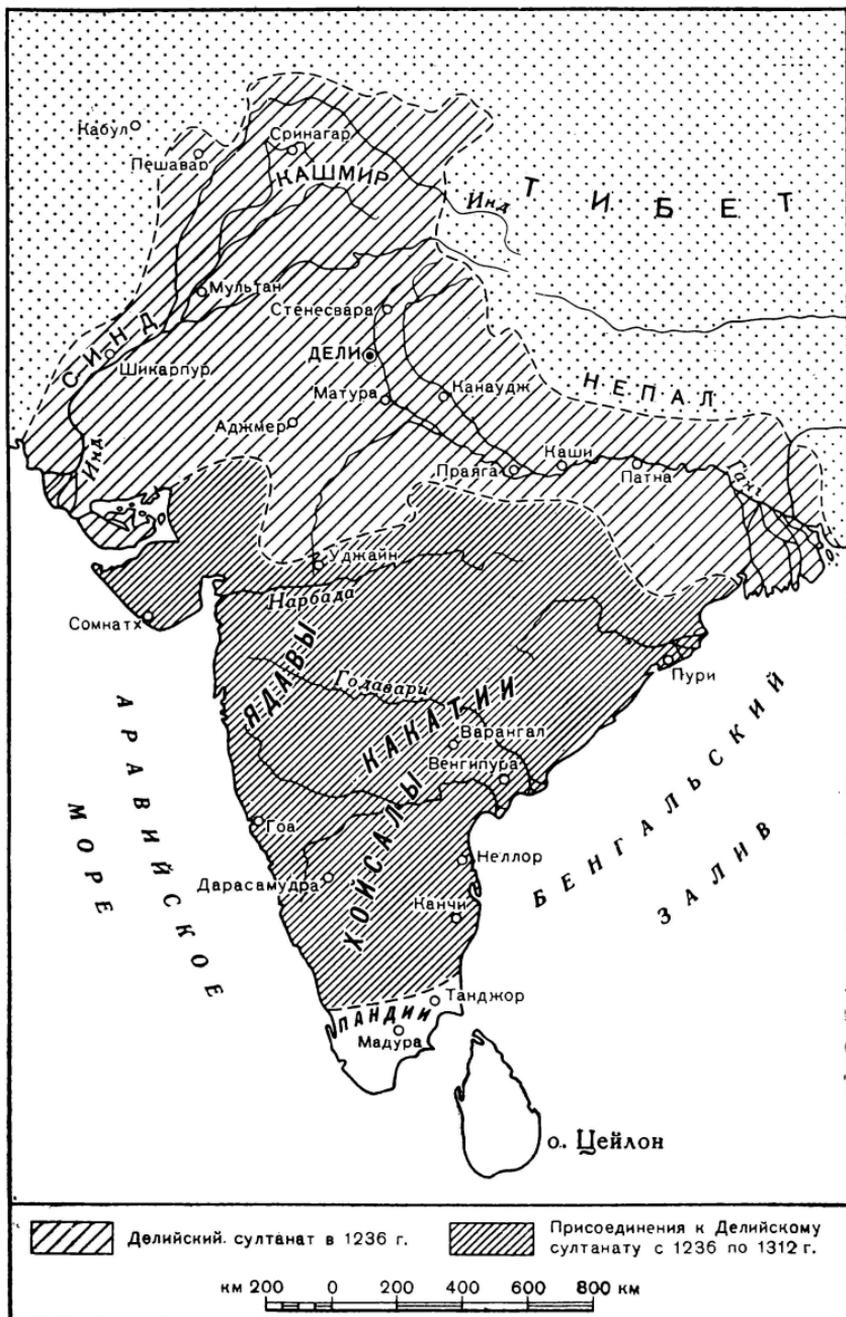

Северная Индия
при
Делийских султанах

Политическая и общественная раздробленность Индии предопределила то, что когда в конце XII в. в страну вторглись завоеватели из соседнего Газнийского государства, она оказалась бессильной дать отпор, как и сто семьдесят пять лет назад, когда на её территории появился Махмуд Газнийский. Маркс писал о причинах лёгкости её завоевания англичанами: «Страна, где обособлены друг от друга не только магометане и индусы, но и племя от племени и каста от касты, общество, имеющее своей основой нечто вроде равновесия, проистекающего из всеобщего взаимного отталкивания и веками установившейся обособленности друг от друга всех его членов, разве такая страна и такое общество не были обречены на то, чтобы стать добычей завоевателя?»¹ Эти слова в ещё большей степени применимы к обществу конца XII в.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX. стр. 362.

Делийский султанат в XIII—XIV вв.

В 1175 г. правитель Газнийского государства Мухамед Гури́, таджик по происхождению, начал по примеру султана Махмуда свои походы на Индию и менее чем за четверть века овладел всей северной частью этой огромной страны, т. е. долинами рек Инда и Ганга. Султан Мухаммед Гури, как верховный собственник земли, обложил каждый участок возделанного поля феодальным оброком. Земледельцы-общинники были обязаны платить этот оброк государству в виде земельного налога. Мухаммед Гури роздал значительную часть завоёванной земли своим военачальникам с тем, чтобы они, взимая в свою пользу земельный налог, могли нести военную службу, нанимая и содержа войско в количестве, соответствующем их месту в феодальной иерархии или военному званию. Нерозданные земли были оставлены в руках наместника султана Мухаммеда в его индийских владениях Кутбуддина Айбека.

В 1206 г. Мухаммед был убит при возвращении в свою столицу из Индии, куда он приходил для подавления восстания горцев у границы Кашмира.

Военачальники, получившие от Мухаммеда Гури обширные владения в Индии, отказались признать нового султана Газни и создали своё государство, известное в истории Индии под именем Делийского султаната от его столицы г. Дели.

Первым государем Делийского султаната стал прежний индийский наместник Мухаммеда Гури — Кутбуддин Айбек. Это был тюрк, выходец из Средней Азии. Один из средневековых историков делийских султанов писал, что в ранней юности Кутбуддин Айбек был обращён в рабство и привезён в хорасанский город Нишапур, где его купил правитель города. Кутбуддин воспитывался вместе с сыновьями своего хозяина. Он обучился грамоте и военному искусству. Когда он возмужал, его продали султану Мухаммеду Гури. Кутбуддин стал гулямом будущего завоевателя Индии и был включён в состав личной гвардии газнийского султана, часто игравшей видную роль в политической жизни феодального общества. Нередко восточные феодалы формировали свою личную гвардию из юношей-рабов. Эти юноши, воспитанные в строго религиозном мусульманском духе, получали военное образование при дворе феодала, после чего включались в ряды его личной гвардии. Юноши именовались гулямами, т. е. ра-

бами, но, в отличие от обыкновенных рабов, пользовались в силу занимаемой должности значительно более высоким общественным положением.

Султан обратил внимание на молодого гуляма и стал давать ему ответственные поручения. Кутбуддин начал быстро продвигаться по службе и стал, наконец, начальником кавалерии — самой важной части тогдашних армий. Когда же Мухаммед Гури завоевал западные области северной Индии, он назначил Кутбуддина Айбека на пост наместника завоёванных территорий. Этот пост стал для него ступенью к султанскому престолу.

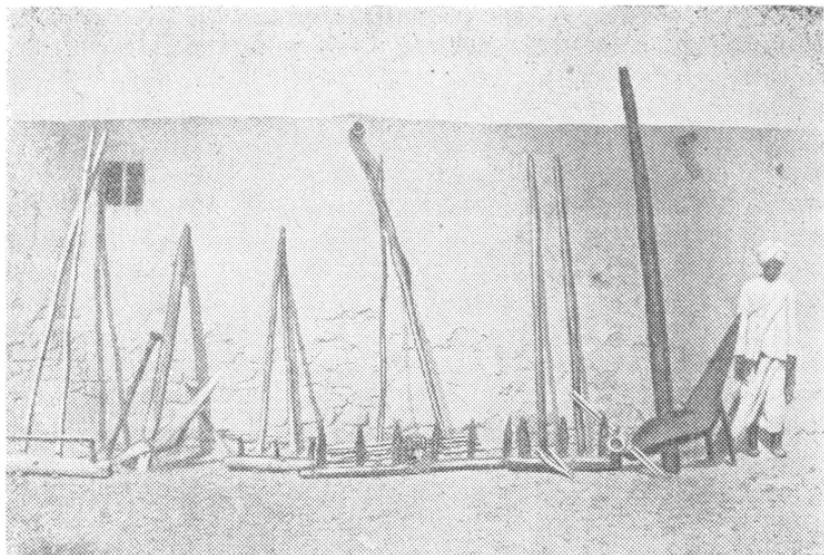
В 1210 г. Айбек, подчинивший своей власти огромную территорию почти всей северной Индии, умер. Он разбился насмерть, упав с лошади во время конной игры в мяч (игра чауган), столь популярной в Средней Азии и перенесённой оттуда в Индию.

После его смерти в государстве началась феодальная смута. Наместники областей и крупные владельцы военных бенефициев стали фактически самостоятельными правителями. Этим воспользовались индийские феодалы, покорившиеся было в своё время Мухаммеду Гури. Прежние князья, индусы по религии, снова превратились в независимых правителей.

Эти события заставили делийских феодалов покончить с разгоравшейся междоусобной распрей. В 1211 г. они объединились и посадили на султанский престол Шамсуддина Илтутмыша. Илтутмыш, как и Айбек, был тюркским гулямом Мухаммеда Гури. За двадцать пять лет своего правления он укрепил делийскую державу, свирепо расправляясь с восставшими крестьянами и с феодальными мятежниками. Но после его смерти феодалы вновь подняли голову. Султанат распался на ряд княжеств, между которыми возобновилась борьба за преобладание.

Султанский престол превратился в игрушку в руках таджикских и тюркских ханов и эмиров. Но грабёж и насилие, которые они чинили над крестьянами, вызвали в конечном счёте новую волну крестьянских восстаний, особенно грозно поднявшуюся в областях, непосредственно прилегавших к Дели. Не раз вспыхивали восстания и в самой столице.

Война между крестьянами и феодалами была особенно кровавой и ожесточённой, тем более, что обострялась религиозными различиями. Тюркские и таджикские

Сельскохозяйственные орудия индийской деревни.

феодалы были мусульманами, как и их войска, состоявшие главным образом из иноземных наёмников; поднимавшееся же крестьянство исповедовало индуизм. Выступая в карательные походы против крестьян, феодалы-мусульмане всячески возбуждали религиозный фанатизм своих воинов, представляя им войну за восстановление феодальных привилегий войной за веру и обещая им тем больше наслаждений в загробной жизни, чем больше «идолопоклонников» падёт от их руки.

Общинники, плохо вооружённые, не имевшие опытных начальников, не способные объединить свои усилия с борьбой других крестьянских общин; терпели поражения и гибли под саблями чужеземных фанатиков. Многие общинники покидали свои родные земли и бежали в леса, в горы или переселялись в южную Индию. Поля пустели и зарастали джунглями. Но по мере того как затягивалась борьба, сокращалось и поступление доходов в казну феодальных правителей. Многие из них начали понимать, что дальнейшее продолжение междоусобной распри ослабит их в военном и политическом отношении и лишит их всего, что они завоевали в Индии. Подобная перспектива стала особенно реальной, когда территория Ирана и Сред-

ней Азии была захвачена монголами и начались их опустошительные набеги на Индию. К середине XIII в. монголы стали полными хозяевами территории к западу от реки Инда и в части Пенджаба. Они превратили в пустыню всю эту область, уничтожив города и сёла и вырезав их население. Отряды монголов, состоявшие порой из десятков тысяч воинов, врываются в области, лежащие к востоку от Инда. Над народами Индостана нависла угроза разделить страшную участь всех попавших под монгольское иго, а феодалам грозила утрата их владений. Чтобы избежать этого, североиндийские феодалы решили объединить свои силы вокруг отличившегося в войнах и особенно в подавлении крестьянских восстаний Гийясуддина Балбана, главного везира, высшего сановника безвольного делийского султана. Опираясь на поддержку феодалов, в 1260 г. Гийясуддин Балбан сверг султана с престола и возложил на себя его тадж (корону).

Гийясуддин, подобно многим тогдашним феодалам, начал свою карьеру как гулям. Он происходил, как говорят хроники, из знатного тюркского рода и в юности был продан в рабство родными братьями из зависти к его красоте и талантам.

Переходя от одного хозяина к другому, он попал в конце концов в Индию, был определён в гулямы Шамсуддина Илтутмышы, быстро выдвинулся и, став военачальником, получил в качестве военного бенефиция область неподалеку от Дели.

Став султаном, Гийясуддин Балбан успешно боролся с своеволием феодалов, исповедовавших ислам, и раздавил сопротивление мятежных феодалов-индусов. Установление относительного спокойствия в стране до некоторой степени облегчило участь крестьян. Те, кто в годы феодальной усобицы бежали из своих родных сёл, возвращались обратно. Зброшенные земли стали снова обрабатываться. Вместе с этим росли и доходы султанской казны. Все эти средства Гийясуддин Балбан использовал для усиления военной мощи султаната. Он увеличил численность армии, выстроил в западных областях крепости. Всё это делалось как для подавления сопротивления крестьян, так и для борьбы с монголами. Султан отказался от новых завоеваний; на требование военачальников возобновить захват и ограбление южноиндийских земель он, как гласит историческая хроника, ответил такими сло-

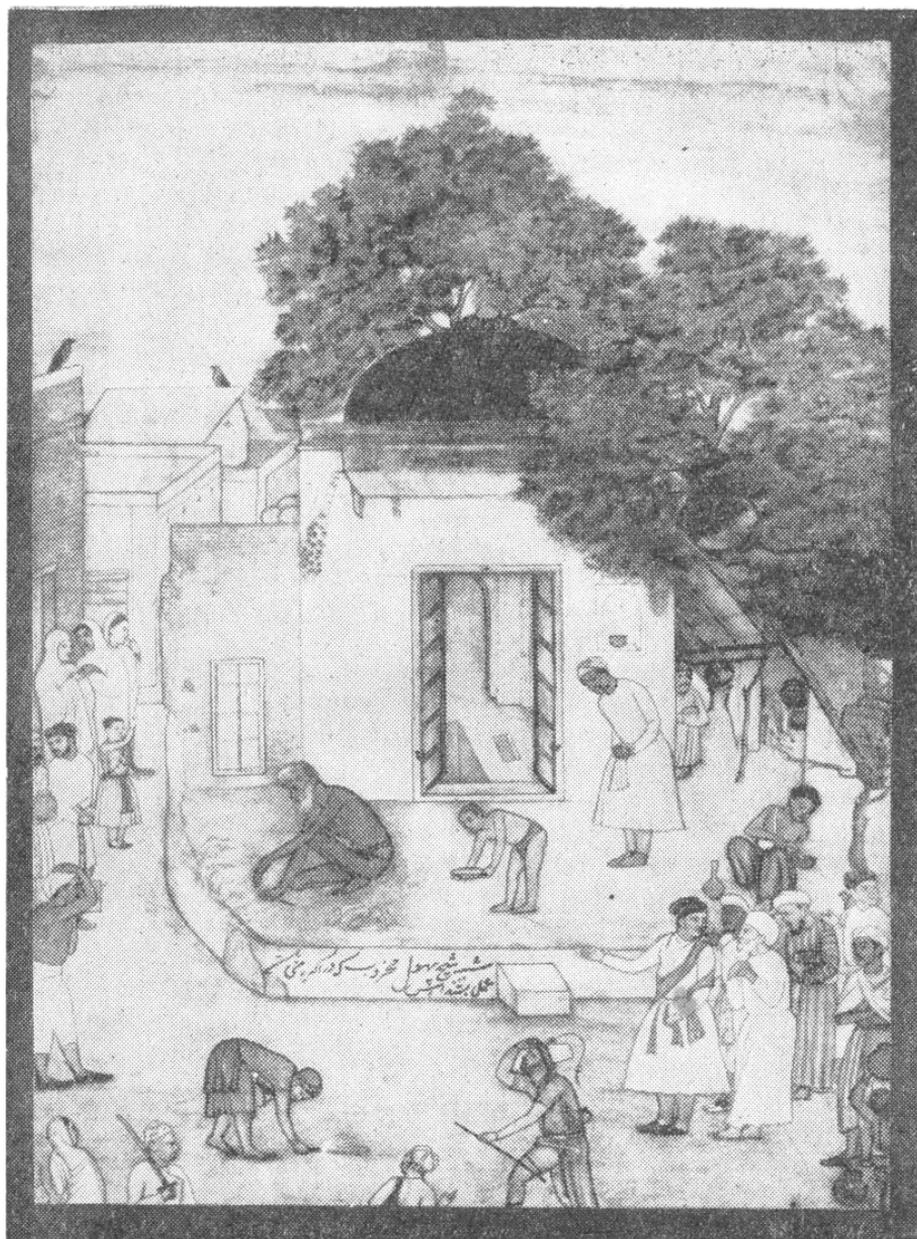
вами: «Вы забыли об ордах Чингис-хана и о том зле, которое они несут... моим пограничным областям. Монголы утвердились в Газни, Термезе и в Мавераннахре¹. Хулагу, внук Чингис-хана, со своими огромными ордами подчинил Иран и занял Багдад. Презренные недоброжелатели прослышали о богатствах и благосостоянии Индостана и стремятся захватить его и разграбить. В пределах моих владений они взяли и разорили город Лахор. Не проходит года, чтобы они не приходили и не грабили наши сёла. Они только и ждут моей отлучки в дальний поход, чтобы захватить мои города и предать Двуречье² разграблению. Они даже думают завладеть Дели и расхищать его богатства. Я посвятил все доходы моего государства на снаряжение армии, и я держу её наготове, чтобы дать им отпор. Я никогда не покину своего государства и не отдалюсь от него. В царствование моих покровителей и предшественников не было монгольской угрозы. Поэтому они могли водить свои армии, куда хотели, завоевывать индусские царства, увозить к себе золото и драгоценности и отсутствовать из Дели по году и по два. Если бы с меня была снята забота быть защитником и хранителем мусульман, я бы не оставался и дня в столице. Я повёл бы свои войска за военной добычей, за драгоценностями, за слонами и лошадьми. Я бы не позволил индусским раи и рана³ жить в спокойствии где-то вдали от меня. С помощью своей армии я бы выбил дух сопротивления у врагов ислама».

Гийясуддин нанёс ряд поражений монголам, пытавшимся прорваться в Индостан, и заставил их прекратить набеги. Средневековый индийский историк писал о Гийясуддине Балбане: «Страх перед его именем и мощью удерживал монголов от нападений на границы Индостана». Гийясуддин сильной рукой предотвратил усобицу между мусульманской и индусской знатью и отвёл угрозу нашествия монголов, в этом заключалась его большая заслуга перед народами Индии.

¹ Мавераннахр — термин арабского происхождения, дословно — «по ту сторону реки»; в средние века — название области между Аму-Дарьёй и Сыр-Дарьёй, т. е. территории, примерно соответствующей современным Узбекистану и Таджикистану.

² Двуречье — область, расположенная между Гангом и его крупнейшим притоком р. Джамной, центральная, густо населённая часть северной Индии.

³ Раи, рана — титулы индийских князей.

Уличная сцена (индийская миниатюра XVII в.).

Султан Гийясуддин Балбан скончался в 1286 г. Между феодальными кликами немедленно возобновилась борьба.

Узнав об этом, монголы снова вторглись в Индостан, но оказалось, что они опоздали. Накануне их вторжения делийский престол захватил один из крупнейших столичных феодалов и испытанный вождь в борьбе с монголами Джелалуддин Хильджи. Сделав некоторые уступки своим противникам, он сумел объединить вокруг себя обе враждующие феодальные клики — тюркских и таджикских военачальников, владевших бенефициями. Поэтому когда в 1292 г. 150-тысячная армия монголов появилась в пределах Индостана, она натолкнулась на решительное сопротивление — её авангард был уничтожен войсками делийского султана. Не ожидавшие такого отпора монголы остановили своё продвижение. Это дало Джелалуддину возможность подкупом переманить на свою сторону часть монгольских военачальников вместе с их войском, и командующему монгольской армией ничего не оставалось, как повернуть обратно. Монгольские войска, перешедшие на сторону Джелалуддина, были включены в делийскую армию, а их начальники получили земли в столичном округе. Все они перешли в ислам и стали называться «новыми мусульманами».

Джелалуддин правил всего шесть лет. В 1295 г. его племянник Алауддин Хильджи произвёл очередной дворцовый переворот, убил своего дядю и занял затем султанский престол в Дели.

При Алауддине султанат достиг своих максимальных размеров, наибольшей военной мощи и вместе с тем такой степени централизации власти, какой в султанате не наблюдалось ни до этого времени, ни после.

Чтобы понять мероприятия Алауддина, мы вкратце ознакомимся с экономической основой и политической структурой его государства.

Характерной чертой феодального строя в Делийском султанате, как и в большинстве стран Востока, было то, что в нём основное средство производства — земля — юридически являлась собственностью феодального государства, т. е. собственностью класса феодалов в целом, а не каждого его члена в отдельности.

Своё право собственности на землю государство реализовало тем, что обязывало крестьян платить ему уста-

новленный налоговым ведомством земельный налог со всех обрабатываемых земель. В этом отношении завоевание Индии не внесло принципиальных изменений в порядки, существовавшие ранее. Зато существенные перемены произошли в характере феодального держания земли.

В индийских феодальных княжествах до их завоевания газнийскими феодалами верховная собственность на землю принадлежала правившему феодальному роду. Глава государства, махараджа (в переводе «великий князь»), часть территории делил между своими сородичами, главами больших семейств, из которых состоял княжеский род. Другую часть территории, обычно большую, князь сохранял в своём распоряжении. Сородичи князя не несли никаких обязанностей, связанных с землёй, которую они получили при разделе. Их единственной обязанностью было помогать князю как главе рода защищать территорию княжества, верховными собственниками которой они являлись совместно с ним. Вся феодальная рента, которую они собирали с крестьян, принадлежала только им, и эти крестьяне были их личными подданными. Они распоряжались землёй и крестьянами, обрабатывавшими землю, как феодальные сеньоры. Они передавали доход с отдельных сёл на содержание членов своей семьи. Дарили сёла храмам и фаворитам. Раздавали земли в феодальное держание своим военачальникам, которые служили у них обычно вместе со всем своим родом. То же самое делал князь на территории, которую он оставлял за собой.

Завоеватели уничтожили княжества, но сохранили земли за теми феодалами, которые подчинились им, однако уже на иных условиях. Новая власть обязала их платить государству земельный налог, соответствующий размеру пахотных земель, оставленных в их феодальном держании, освободив их при этом от обязательной военной службы на государя. Поскольку государству было всё равно, с кого требовать уплату земельного налога, оно сохранило за этой категорией феодальных держателей земли, именуемых заминдарами, право распоряжаться землёй по их усмотрению. Они могли передавать её по наследству, жертвовать, закладывать по своему усмотрению или даже продавать. Эти заминдары в Делийском

Исполнительский конь (XIII в., Конарак).

султанате составляли прослойку мелких и средних феодальных держателей земли. К этой категории мелких и средних держателей земли с правом передачи её по наследству принадлежали так называемые инамдары, или в переводе «обладатели дара». Это были представители мусульманского духовенства. Они не несли никаких государственных повинностей за земли, которые были подарены им, в отличие от заминдаров, плативших земельный налог из ренты, собираемой ими со своих крестьян.

Прослойкой крупных феодальных держателей земли была служилая военная знать. В Делийском султанате это была исключительно мусульманская часть феодального класса. Размеры феодальных держаний военнотрудовой мусульманской знати соответствовали их служебному положению и количеству наёмного войска, с которым они должны были являться на государственную службу. Самыми крупными феодальными держателями земли были начальники над десятью тысячами всадников, затем следовали начальники над пятью тысячами, тысячью и т. д. Они носили соответственно титулы ханов,

эмиров, маликов и составляли верхушку феодального класса, возглавляемую султаном.

Феодалы получали свой ранг от султана как главы класса феодалов, а возведение в определённый ранг означало получение земельного держания, связанного с несением военной службы. Получить такое держание значило в свою очередь получить право на определённую сумму налога.

При установлении этой суммы центральное правительство исходило из количества кавалерии, которую феодал (десятитысячник, тысячник и т. д.) обязан был нанимать и приводить к своему сеньору — султану для несения военной службы.

Подобная форма держания называлась в Индии икта́, а иногда джаги́р, а держатели — иктада́рами, или, соответственно, джагирда́рами.

Итак, индийские иктадары не получали установленную для каждого из них часть земельного налога из султанской казны. Вместо этого им отводились земли с крестьянами, и обладавший политической, а порой и судебной властью над этими крестьянами иктадар сам собирал с них налог или отдавал сбор его на откуп ростовщикам.

При такой форме держаний их владельцы не могли закреплять за собой даруемых им земель, а в зависимости от изменений в своём ранге должны были переходить с одного места на другое. Это вмешательство государства в условия феодального грабежа и неустойчивость положения иктадаров создавали серьёзные предпосылки для феодальных мятежей в целях захвата центральной государственной власти и перераспределения держаний в интересах победившей группировки.

До середины XIV в. само право на икта было личным правом и не переходило на детей иктадара. Более того, в принципе иктадар не имел права оставлять детям в наследство даже своё движимое имущество. Это имущество отходило в государственную казну, и от милости султана зависело, будет ли оно возвращено детям умершего или нет.

Наконец, часть земель была отдана мусульманским мечетям, школам, караван-сараям, где останавливались на отдых караваны купцов и путники, и другим общественным учреждениям. Такого рода земля называлась

ваку́ф. Подать с крестьян, живущих на вакуфных землях, шла на содержание этих учреждений.

Завоеватели сохранили в неприкосновенности довольно значительную часть земель, которыми владели индусские храмы.

Земли, не розданные в частное владение феодалам, назывались хасс. Земельный налог с крестьян, живущих на этих землях, поступал в казну султана и собирался с крестьян правительственными сборщиками податей. Чем больше была площадь земель хасс, тем больше были доходы государя, а пропорционально этому росла и его мощь.

Таковы были формы феодального землевладения в Делийском султанате.

На этих землях жили и трудились индийские крестьяне-общинники. Крестьяне владели землёй только до тех пор, пока обрабатывали её и несли наложенное на них тягло в форме натуральной подати продуктами сельского хозяйства и домашней промышленности. Если кто-либо из крестьян прекращал засеивать землю, то его принуждали к этому силой или отдавали землю другому, согласному обрабатывать её. Феодалы не теряли ничего, даже если тот или иной крестьянин покидал село, так как за уплату налога отвечала община в целом.

Общинники отдавали в виде земельного налога половину валового урожая. Поскольку при государственной собственности на землю собственностью феодального класса стала и вода, используемая для орошения полей, то крестьяне должны были платить и за воду. Кроме того, они были обязаны бесплатно нести трудовую повинность для государства или для отдельного феодала в зависимости от того, на чьей земле они сидели. Обычно это была гужевая повинность; крестьян посылали также на ремонт или прокладку дорог, на стройку оросительных сооружений, но чаще всего труд крестьян использовался при возведении храмов, дворцов, мавзолеев. К довершению всего, крестьяне несли непосильное бремя множества других феодальных поборов. Всё это часто доводило крестьян до полного разорения. Одни из них уходили в города и здесь, живя случайными заработками, пополняли собой ряды деклассированной городской черни, другие нанимались в войска или в услужение к феодалам. Покинувшие своё родное село члены ремесленных каст перебивались

своим ремеслом или же поступали в «карханэ» (мастерские, существовавшие при дворе крупных феодалов и обслуживавшие в первую очередь их нужды). Большинство же разорившихся общинников переходило на положение бесправных держателей земли у своих деревенских богачей или получали землю на тех же кабальных условиях у местных феодалов.

Города Делийского султаната прежде всего являлись военной и административной ставкой феодала. Как промышленные центры они не получили серьёзного значения ввиду крайней слабости разделения труда между городом и деревней. При натуральном характере производства в сельских общинах, при той неразрывной связи земледелия с домашней промышленностью (которую отмечал Маркс в качестве основной особенности индийских сельских общин), не деревня нуждалась в городе, а, наоборот город являлся потребителем продуктов сельского труда.

Город почти целиком существовал тем, что обслуживал нужды проживавших в нём феодалов, их челяди и войска. Чем богаче и расточительнее были феодалы, тем больше скапливалось в городе ремесленников и купцов. В этих городах ремесленники занимались постройкой и отделкой пышных зданий, воздвигаемых султаном, его ханами, эмирами, раджами¹. Памятники строительного искусства индийских ремесленников до сих пор поражают своими высокими художественными достоинствами и великолепием. В этих городах жили ткачи, вырабатывавшие тончайшие ткани и тяжёлую золотую и серебряную парчу, жили красильщики, набойщики, ювелиры, гранильщики драгоценных камней, оружейники, кожевники, портные, шившие роскошные шёлковые и парчовые одежды, и прочие ремесленники, в услугах которых нуждались феодалы. Эти ремесленники работали почти исключительно на феодального заказчика, получая от него же необходимый сырой материал. Ввиду политического и экономического господства феодала в городе ремесленники по сути отличались от тягловых крестьян лишь тем, что занимались переработкой сырья на феодала, а не обработкой земли.

¹ Раджа, махараджа — феодальные титулы, которые носили представители владетельной знати, исповедовавшей индуизм.

Индийский город, таким образом, воспроизводил те же формы феодальных отношений, какие существовали и в деревне. Это сильно задерживало экономическое расслоение городского населения и препятствовало зарождению элементов более прогрессивного экономического строя.

Ремесленное население индийского города располагалось в нём, группируясь по кастам в соответствующих кварталах.

В одном сирийском произведении начала XIV в. дано такое описание Даулатабада, строившегося тогда в качестве второй столицы Делийского султаната: «Султан разделил его на тарафы¹, каждая из которых предназначена для заселения людьми одной и той же профессии. Таким образом, был выделен участок для поселения воинов, служащих, казиев и учёных людей, шейхов и факиров, купцов, ремесленников. В каждом из этих городских участков было всё, что необходимо для жизни: мечети, минареты, бани, мельницы, печи, ремесленники самых разнообразных профессий, включая кузнецов, красильщиков, посыльных, с тем, чтобы жителям не нужно было куда-то ходить, чтобы покупать или продавать или по каким-нибудь другим надобностям». Каждый такой участок являлся как бы отдельным городом, совершенно независимым от соседних участков.

Судя по этому описанию, в каждом из городских участков были воспроизведены характерные черты обычной индийской деревни, экономически независимой от её окружения.

Наличие в городах феодального двора с его многочисленной челядью и наёмным войском создавало благоприятные условия для городского торга, причём особым спросом пользовались продукты питания и предметы роскоши.

На рынок этого города-ставки приводили также в большом числе лошадей. Лучших из них покупали феодалы, прочих разбирали воины. В Индии, при отсутствии больших степных пространств, почти не существовало коневодства. Поэтому, в связи с военными потребностями феодалов, торговля привозными лошадьми получила боль-

¹ Т а р а ф, по-арабски, — сторона. Здесь сторона означает определённую часть города.

шой размах. Худшие породы шли из областей, прилегающих к р. Инду, лучшие привозились из Туркестана, Аравии, Ирана и даже из причерноморских степей. Барышники, привозившие лошадей из этих стран, наживали большие деньги, продавая даже худших из них в 10—15 раз дороже, чем они стоили у себя на родине.

С того времени как монголы перерезали сухопутные связи Индии с западной Азией, коней везли почти исключительно морским путём через Персидский залив и Аравийское море в западные портовые города Индии, а отсюда вглубь страны. Именно этот путь проделал и Афанасий Никитин, когда он поехал в Индию, везя туда своего коня. Феодалы нередко заключали с заморскими купцами контракты на поставку лошадей. Писатель XIV в. иранец Абдулла, более известный под именем Вассáфа, писал, что «во времена фарсского правителя Атабáк Абу Бáкра из Фáрса (область в Иране) ежегодно в Малабáр, Камбáй и другие порты Индии вывозилось 10 тыс. лошадей на общую сумму 2 000 000 золотых динаров».

На городском же рынке после каждого удачного военного похода шла торговля рабами, драгоценными тканями и золотом, награбленным на войне, разнообразными пряностями, поступавшими в руки феодалов от зависимых крестьян. Но торговля шла не только этими товарами. По мере развития городского ремесла и ремесленного искусства некоторые города специализировались на производстве тех или иных вещей, создавали свои местные стили в выделке предметов роскоши. Потребность в сырье (особенно в металле, шёлке-сырце, хлопке, слоновой кости) вызвала рост внутреннего обмена и внешней торговли. Феодалы лично сами, а чаще через посредника-купца вели торг предметами роскоши, выработанными в карханэ зависимыми ремесленниками. Поэтому на базарах торговали тонкими тканями, парчовыми одеждами, коврами, дорогим оружием, ювелирными украшениями, драгоценными камнями, расшитыми паланкинами, зонтами, благовониями и тому подобными товарами.

Особенно оживлённый торг шёл в портовых городах, куда съезжались купцы из заморских стран — из Китая, Индонезии, Индокитая, Африки, Аравии, Византии, Ирана. Через арабских и иранских купцов, бывших в это время монополистами — посредниками в торговле между Индией и Европой, в последнюю шли индийские това-

ры, среди которых главное место занимала растительная краска индиго и пряности. Пряности были особенно важны. Сезонный забой скота и соление впрок мяса в вотчинном хозяйстве западноевропейских феодалов вызывали большую потребность в специях, без которых мясо через несколько месяцев становилось совершенно несъедобным.

Перечисленные товары были основными на городских рынках Индии. Но попутно, правда в ограниченных размерах, шла торговля и другого рода. Главным её потребителем были войска. Воины нуждались не только в продуктах, но и в обуви, оружии, платье, сёдлах и в вещах простого домашнего обихода. Благодаря тому, что эти войска были наёмными, деньги в индийском городе очень рано развили свои функции меры стоимости, средства обращения и платежа. Достаточно указать, что при определении размера земельного держания его доходность выражалась в деньгах, а не в сумме натуральных податей, уплачиваемых крестьянами.

В условиях натурального хозяйства, преобладавшего в Индии, деньги были прямым и непосредственным выражением богатств, и это порождало стремление к накоплению сокровищ. «Эта наивная форма накопления сокровищ, — пишет Маркс, — увековечивается у таких народов, где традиционному, рассчитанному на собственное потребление способу производства соответствует прочно установившийся круг потребностей. Это мы видим, например, у азиатов, особенно у индусов»¹. Индийские феодалы, светские и духовные, движимые этой страстью, покупали золото и серебро и складывали в своих подвалах. Один средневековый автор писал: «Что касается Индии, я исчислил, что Индия за последние три тысячи лет не вывозила золота в другие страны. Наоборот, золото, попав туда, больше не возвращалось. Купцы всех стран постоянно везли туда золото, взамен которого вывозили пряности и благовония. По мере того как продукты, хотя бы и частично, стали превращаться в товар, обмениваемый на деньги, в Индии зарождались условия для развития торгово-ростовщического капитала. Мелкое самостоятельное производство крестьян и ремесленников было богатой питательной средой для индийских торговцев-ростовщиков, учитывая то, что некоторые налоги, особенно

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1950, стр. 137.

с пригородных крестьян и городских ремесленников и торговцев, феодалы требовали в денежной форме.

Непременной фигурой на индийском базаре стал торговец деньгами, меняла. Он определял качество самых разнообразных монет, начиная от всякого рода индийских — па́года, а́нна, та́нка — и кончая арабскими динарами, китайскими таэлями с Дальнего Востока, итальянскими дукатами с Запада. Он же менял их с накидкой определённого процента в свою пользу. К нему как к обладателю денежного капитала мелкие производители обращались за помощью, когда приходил срок платежей, и тот ссужал им нужные деньги за ростовщические проценты. Ростовщик через денежные ссуды понемногу начал овладевать мелкими производителями, превращать их в своих долговых рабов. Кроме феодального грабежа, стала расти ещё и ростовщическая эксплуатация. Торговая каста банья постепенно стала кастой торговцев и ростовщиков одновременно. Из города банья начали проникать и в деревню. Но ростовщик присасывался, как пиявка, не только к мелким производителям, к ремесленникам и крестьянам, но и к феодалам. Вместе с купцом он «обслуживал» феодалов, ссужая им деньги, в которых они часто нуждались, хотя бы для подношений традиционных подарков султану или покупке арабских скакунов.

В этой благоприятной обстановке торговцы-ростовщики накапливали большие денежные капиталы, но их жизнь, как и прочего городского люда, зависела от феодала. Чтобы не возбуждать в феодале соблазна ограбить его, банья — ростовщик и торговец — скрывал свои богатства, жил чрезвычайно скромно, одевался в невзрачную одежду. Несколько позднее, после падения монгольского ига в Средней Азии и Иране, индийские торговцы-ростовщики стали переносить свою деятельность в эти края, где они пытались компенсировать своё шаткое положение, получая ещё бо́льшую прибыль. В XVII в. они обосновались даже в нашей Астрахани, а при случае добирались и до Москвы. В этих городах они могли пользоваться более спокойными условиями существования благодаря стремлению царского правительства установить торговые связи с Индией.

* * *

Главой государства и законодателем был султан. В принципе неограниченный распорядитель жизни и смерти

любого подданного, он был связан волей класса феодалов, а практически — той феодальной клики, которая посадила его на престол и в интересах которой он должен был действовать, чтобы не потерять головы.

Его столицей был г. Дели. В описании Дели XIV в. мы читаем: «Дели состоит из нескольких объединившихся городов, и каждый из них носит своё имя. Один из них — Дели, который дал своё имя всем остальным. Он широкий и длинный и занимает обширное пространство. ...Дома построены из камня и кирпича, крыши деревянные. Полы в них выстланы белым камнем, подобным мрамору. Нет ни одного дома, в котором было бы более двух этажей. Некоторые имеют лишь один этаж. Только в султанском дворце полы из мрамора, но это описание относится к старым делийским зданиям, новые делаются иначе... Дели заключает в себе двадцать один город. По трём сторонам города тянутся сады, прямой линией, длиной 12 тыс. шагов. По западной стороне садов нет, так как она граничит с горой. В Дели имеется тысяча учебных заведений. В городе около семидесяти госпиталей. Их называют дар-уш-шифа́, или домами лечения. В столице 2 тыс. храмов и обитателей. Имеются большие монастыри, большие площади и множество бань. Вода, которой пользуются люди, извлекается из колодцев, редко превышающих 3 м. глубины. Колодцы имеют колёса для поднятия воды. Люди пьют также дождевую воду, которую собирают в построенных для этой цели водоёмах. Ширина этих водоёмов равна полёту стрелы или даже больше. Главная мечеть славится своим минаретом, который, говорят, по высоте не имеет себе равного в мире. Дворцы делийского султана заняты исключительно им самим, его жёнами, наложницами, евнухами, рабами и рабынями и мамлюками (гвардия из рабов). В них не разрешается жить ни одному хану и эмиру. Они приходят туда только на приёмы к султану два раза в день, утром и вечером, после чего все без исключения расходятся по домам». Мы дополним это описанием, которое сделал знаменитый средневековый путешественник Ибн Батута, который был в Индии в 1333—1334 гг.: «Стены Дели не имеют себе равных. Они пяти метров толщины. В них имеются помещения для ночной стражи и привратников. В них имеются также амбары для запасов провианта, склады оружия и другие помещения, в которых стоят баллисты и «раады» (осад-

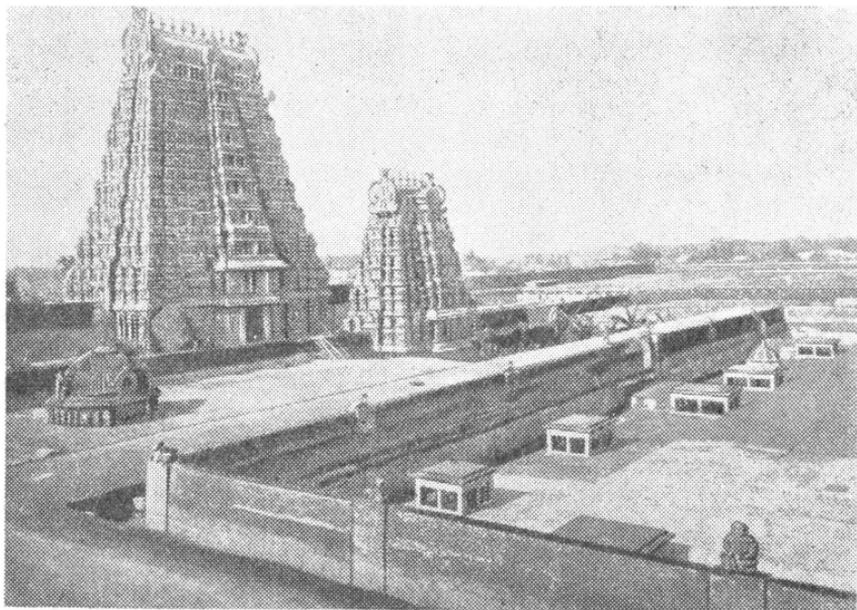
ные машины). Зерно, хранящееся в этих помещениях, совершенно не портится. Я видел рис из одного такого амбара. Рис потемнел, но на вкус был хорош. Я видел просо, взятое оттуда же. Весь этот провиант был засыпан туда ещё султаном Балбаном девяносто лет тому назад.

Внутри стены пеший и конный может пройти от одного конца города до другого. В стене имеются окна, обращённые к городу. Нижняя часть стен построена из камня, верхняя — из кирпича. Имеется много близко стоящих друг к другу бастаионов. У Дели двадцать восемь ворот, из них обращённые в сторону Бадауна являются главными».

Во дворце султана, как мы уже видели, помещался султанский гарем; в нём иногда находилось до нескольких сотен жён и наложниц. Главная жена именовалась малика́-и-джахан. Жёны и, евнухи часто играли видную роль в политике. Гарем являлся центром дворцовых интриг.

При молодых султанах нередко забирала в свои руки власть царица-мать и часто действовала весьма бесцеремонно. Шах-Туркан, мать султана Рукнуддина, за семь месяцев его короткого царствования (с мая по ноябрь 1236 г.), успела умертвить нескольких жён делийских вельмож, оскорблявших её, когда она была простой наложницей султана Илтутмышы; она приказала также ослепить и зарезать сына Илтутмышы и собиралась проделать такую же операцию и над его дочерью Разийей. На беду царицы-матери и султана Рукнуддина Разийя опередила их обоих. Она прикончила и Шах-Туркан, и своего скудоумного брата, села на престол сама (единственный случай, когда султаном была женщина) и продержалась на нём целых четыре года.

Султан содержал огромный двор. Самыми важными придворными чинами были вакил-и-дар, своего рода министр двора, который ведал всем дворцовым штатом, и амир хаджиб — церемониймейстер. При дворе было великое множество самых различных должностей: врачи, библиотекари, хранители регалий, султанского оружия, личного кошелька султана, его письменного прибора, надсмотрщики над кухней и винным погребом, начальники уже упомянутых карханэ — мастерских по выделке ковров, одежды, тканей и других предметов, — псари, соколь-

Башни храма в Мадуре (южная Индия, XVII в.).

ниче. Наконец, двор был полон всякого рода челядью и дворцовой охраной из личной стражи султана — гулямов.

Вся официальная жизнь во дворце была подчинена строгому этикету, особенно суровому при султанине Гийясуддине Балбане. Историк XIV в. Зийяуддин Барни писал о нём: «Ни один делийский государь, правивший до него, не был окружён такой пышностью... Невозможно превзойти то величие, с которым он правил все двадцать один год. Один из его приближённых в беседе уверял меня, что он никогда не видел его не одетым во все полагающиеся одежды. За все сорок лет, когда Балбан был ханом, а потом султаном, он ни разу не разговаривал с человеком низкого происхождения или профессии, никогда не допускал какой-либо фамильярности, будь то с друзьями или с чужими людьми, чтобы не унизить царского достоинства. Он никогда не шутил и не позволял другим делать это в его присутствии; он никогда не смеялся и не разрешал никому смеяться в его дворце».

Правой рукой султана был его везир, носивший часто почётный титул *ходжа́-и-джахан*. Он ведал всем аппара-

том управления, и в первую очередь финансовым департаментом, являвшимся основным в системе управления. От везира исходили все назначения и пожалования. В его подчинении находились все должностные лица огромного административного аппарата. Для осведомления о том, что делается в разных концах государства, у везира были всюду разбросаны осведомители-бариды и целая армия тайных соглядатаев.

Военным помощником султана был наиб-ул-мульк. Являясь начальником армии, наиб-ул-мульк часто при слабом султани становился фактическим главой государства.

Делийское государство было разделено приблизительно на 15 областей. Область делилась в свою очередь на округа, а округа на волости (парганы), в которые объединялись несколько сёл.

Во главе областей и округов стояли начальники исключительно из мусульман-иктадаров. Повидимому, часто различие между икта и округом и даже областью совершенно стиралось, поскольку их начальники именовались «мукта» — словом, производным от термина «икта».

Начальники областей, особенно пограничных, располагали огромной властью и по сути дела были самостоятельными правителями. У них был свой двор, свой бюрократический аппарат с теми же, что и в столице, департаментами, среди которых, так же как и в столице, основным был финансовый, находившийся в ведении чиновника, присылаемого самим везиром. Начальник финансового департамента назывался диваном.

В распоряжении начальника области было войско. Он же назначал лиц на провинциальные должности. В области было своё казначейство, во главе которого стояло лицо, назначенное начальником области и, следовательно, зависимое от него.

Начальники областей и округов обязаны были сдавать в центральную казну всё, что оставалось, за вычетом личного жалованья и расходов по управлению и содержанию войск, что не всегда выполнялось.

В низовом бюрократическом аппарате, а тем более в налоговом, служили почти исключительно люди из коренного населения, как более сведущие в местных обычаях, к тому же и более культурные, чем рядовые воен-

ные авантюристы, пришедшие в Индию с армией Мухамеда Гури и позднее.

Что касается сельского управления, то завоеватели оставили его таким, каким оно сложилось за многие сотни лет до них.

Во главе села стоял староста, чаще всего именуемый пателем. Он отвечал за мир и порядок в селе. Он же непосредственно отвечал за уплату податей. Его помощником был сельский счётчик — патвारी. Последний вёл списки сельских земельных владений с указанием размеров пустошей, угодий, пахотных орошаемых и неорошаемых земель, садов, огородов. Он вёл списки индивидуальных владений и делал вместе со старостой раскладку податей по дворам. Все споры в селе, если они не были внутрикастовыми, решались советом, обычно из пяти человек, именуемым панчаййтом. Крупную роль в нём играл местный брахман, толкователь религиозного закона. Кастовые дела решались кастовыми панчаййтами.

Судебная организация в Делийском султанате была проста. Гражданские дела, если обе стороны (истец и ответчик) были мусульмане, решал мусульманский судья (кази) на основе юридических и религиозных норм ислама. Между собой индусы решали дела судом панчаййтов.

Дела, в которых тяжущимися сторонами были мусульмане и индусы, решались мусульманским казием, но уже не на основе религиозных законов, а «по справедливости», т. е. чаще всего в пользу лица, давшего большую взятку.

Мы уже сказали выше, что среди всех органов управления самым важным был финансовый департамент, или, как его называл Маркс, департамент внутреннего грабежа. Основной его функцией был сбор государственной земельной ренты-налога, дававшего основную массу доходов государства как феодального собственника земли.

Завоевав Индию, среднеазиатские феодалы роздали некоторую часть земель в наследственную собственность участникам этого завоевания, рядовым воинам-мусульманам, обязав их платить в пользу государства традиционную десятину. Но подавляющая масса земли была объявлена исключительной собственностью государства и роздана в частное владение феодалов в форме икта, инамов

Индийское божество.

или вакуфов или оставлена на тех или иных условиях в руках прежних феодалов. Все эти земли были зачислены в класс земель, обложенных государственным земельным налогом независимо от того, кто обрабатывал её — индус или мусульманин. Размер земельного налога с суходоль-

ных земель равнялся в среднем половине урожая. С орошаемых земель налог доходил до трёх четвертей урожая. Учитывая, что орошаемые земли в Индии дают два и даже три урожая в год, можно представить, какой огромный доход извлекали феодалы из своего права собственности. Грабёж крестьян не ограничивался одним земельным налогом. Налогом было обложено домашнее крестьянское ремесло. В городах феодалы извлекали доходы от обложения городских ремесленников и торговцев.

Земельный налог взимался в натуральной форме, но некоторые дополнительные поборы уже были переведены в денежную форму. Эти денежные платежи, как бы они ни были малы, усугубляли тяжесть тягла, лежавшего на крестьянах, и создавали благоприятные условия закабаления крестьян ростовщическим капиталом.

Одним из наиболее тягостных денежных поборов был налог джизия. Его должно было платить всё трудоспособное мужское население, не исповедующее ислам — религию феодалов-завоевателей. От него освобождались только нищие да служители религиозных культов.

Обычно государство и отдельные феодалы отдавали сбор налогов откупщикам, получая от них сразу денежный эквивалент натуральной ренты-налога. В этих случаях положение крестьян становилось ещё более тяжёлым, так как откупщик совсем не был заинтересован в судьбе крестьян.

Стремясь в максимально короткий срок вернуть то, что было заплачено феодалу, и извлечь прибыль, откупщик часто доводил крестьян до полного разорения.

Другим источником дохода государевой казны была монополия на недра, разработка которых также сдавалась на откуп владельцам денежного капитала.

Крупные доходы султанская казна, как и отдельные феодалы, извлекала из торговли путём взимания пошлин.

Нам неизвестна общая сумма доходов государственной казны, но по свидетельству средневековых хроник делийские султаны получали только от двух областей — Дели и Доаба, расположенных в самом центре Делийского султаната, 141 млн. танка. На современные цены это равнялось бы стоимости более миллиона тонн риса.

Наконец, часть доходов составляла дань индийских раджей.

Делийские феодалы внутренний грабёж дополняли грабежом внешним. Организацией этого внешнего грабежа ведал военный департамент. Глава военного департамента назывался арз-и-мумалик. Он нанимал воинов, обеспечивал армию снаряжением, проверял, чтобы числившиеся в списках кавалеристы действительно имели коней, за содержание которых они получали дополнительную плату. Для контроля этим лошадям ставили клейма. Армия султана доходила до миллиона человек, включая в это число и обоз. Основным ядром армии была лёгкая кавалерия. Алауддин Хильджи, по сведениям его средневековых историков, мог располагать 347 тыс. всадников. Важной частью армии были боевые слоны. Закованные в броню, с боевыми башенками на спинах, с мечом, прикреплённым к хоботу, боевые слоны были своего рода танками средневековья. Султан Гийясуддин Балбан приравнивал одного слона пятистам кавалеристам. Трудно сказать, имел ли он на то реальное основание, но так или иначе в начале XIV в. в войсках делийских султанов числилось не менее 3 тыс. слонов.

Самой многочисленной, но и наименее эффективной была пехота, которая вербовалась почти целиком из коренного населения.

Вся армия была наёмной. Наилучше оплачиваемой частью была кавалерия. В подавляющей массе это были искатели приключений из Средней Азии — турки, таджики, афганцы, а потом и монголы, чуждые коренному населению по языку и религии, а потому и более надёжные.

Во время походов наёмная армия пополнялась иррегулярными, не получающими жалованья отрядами, присоединявшимися к ней ради военного грабежа.

В походе на территории султаната армия получала продовольствие и фураж из государственных складов, что мешало ей грабить по дороге окрестных крестьян. На вражеской территории армия жила исключительно за счёт грабежа населения. Походы давали воинам дополнительный «приработок». Взятое с бою становилось военной добычей, из которой $\frac{1}{5}$ часть шла султану, остальное делилось между воинами. Понятно, львиная доля добычи забиралась военачальниками.

Так, Алауддин Хильджи в бытность свою наместником области Доаб, к востоку от Дели, в результате налёта на

южноиндийские княжества захватил в качестве военной добычи 17 250 фунтов золота и 28 250 фунтов серебра, 200 фунтов жемчуга, 58 фунтов драгоценных камней, 1000 кусков тончайших шёлковых тканей, много слонов и несколько тысяч лошадей.

* * *

Военно-феодалная структура политической власти завоевателей и концентрация земельной собственности в руках центрального правительства придавали огромную силу феодальному классу в целом. Тем самым Делийскому султанату удалось не только организовать отпор монголам, но дало феодалам возможность угнетать сильнейшим образом свой собственный народ. Экспроприировав остатки свободной общинной земельной собственности в пользу государства, завоеватели, не устанавливая юридически крепостного права, превратили всех земледельцев в тягловых крестьян.

Крестьяне пытались оказать сопротивление этому закабалению. Каждый раз, когда ослабевала центральная власть, они поднимали восстания, однако они были не способны объединить свои силы на борьбу с феодалами. Одной из причин этого была социальная неоднородность тогдашних деревенских общин. На борьбу поднимались те, кому было что терять, т. е. свободные, полноправные общинники. Бесправные слои индийской деревни, её низшие касты, в значительной своей части переходили в ислам, надеясь этим поднять своё правовое положение, и таким образом на первых порах связывали свою судьбу с судьбой завоевателей.

Восставшие общинники не смогли выдвинуть вождей из своей среды и часто шли за своими феодалами, преследовавшими, разумеется, не освободительные, а узко сословные и сепаратистские цели. Поэтому крестьяне-общинники редко добивались даже временного успеха.

Но как ни была сильна на первый взгляд государственная организация делийских феодалов, ей было присуще качество, которое в своём развитии должно было в конечном счёте разрушить её. Каждый наместник области или округа, каждый иктадар желал стать полноправным господином своего временного владения, хотел закрепить за собой, превратить в наследственную собственность. А обладание войском и крупными средствами давало фео-

дали возможность начать открытую борьбу за достижение своих целей.

Экономическое состояние Индии было таково, что центральное правительство, султанская власть, не могло найти в индийском обществе союзника в борьбе против феодального сепаратизма. Султан мог держать феодалов в подчинении, только опираясь на собственную вооружённую силу. Но чтобы обладать армией, которая превосходила бы любую феодальную коалицию, нужны были огромные средства. Добыть их можно было различными способами. Это можно было сделать путём военного грабежа; либо путём увеличения земель класса хасс, т. е. земель, с которых рента-налог поступала непосредственно в султанскую казну; либо путём повышения нормы ренты-налога с наличных земель хасс; либо, наконец, путём обработки новых земель и расширения орошаемого земельного.

Алауддин Хильджи, став султаном, повёл решительную политику укрепления центральной власти, избрав наиболее простой способ. Его первый грабительский поход в Декан дал ему огромную военную добычу. Награбленные сокровища помогли ему захватить престол, они же обеспечили возможность нанять достаточное количество войска, чтобы повести наступление на своих феодалов. Опираясь на эту военную силу, он жестоко расправлялся с малейшим проявлением непокорности. Всюду у него имелись соглядатаи, доносившие ему о каждом шаге, о каждом слове иктадаров и наместников. Малейшая неосторожность с их стороны влекла за собой утрату икта, наместничества и даже смерть. Он конфисковал в казну все крупные инамы и вакуфы и этим увеличил земли хасс. Он заставил индусов-феодалов сдавать в казну всю ренту-налог без остатка. Он запретил сборщикам налогов брать с крестьян в свою пользу какие-либо дополнительные налоги сверх установленных центральным правительством и следил, чтобы собранный налог до последней копейки сдавался в казну, а не утаивался, как это было раньше. Особенно строг этот контроль был по отношению к феодальным владельцам и к сборщикам налога — индусам. Когда последние не сдавали причитающихся сумм, их бросали в тюрьмы, били палками. Зияуддин Барни говорит, что Алауддин довёл индусов — сборщиков налогов — до полного разорения.

С ещё большей жестокостью султан грабил крестьян, подчинённых непосредственно государственному налоговому аппарату. Земледельцу за вычетом налогов оставался лишь самый необходимый минимум, едва достаточный для нового посева и полуголодного существования.

Алауддин создал крупную армию. Как мы уже говорили, у него было 345 тыс. одной кавалерии. Содержание такой армии обходилось очень дорого. По сведениям Зияуддина Барни, каждому всаднику платилось в год 234 танка. В результате базары переполнились деньгами, а товары вздорожали. На своё жалованье воины получали всё меньше и меньше необходимых им продуктов. Это грозило военными бунтами и другими опасными последствиями. Алауддин, чтобы не опустошать казны повышением жалованья, провёл небывалое в Индии мероприятие. Он ввёл в Дели низкие рыночные цены, которые никто не мог повышать под страхом жестокого наказания. Султан приказал, чтобы рента-налог с крестьян взималась только натурой и из собранного зерна делались государственные запасы. Для этого были построены повсюду государственные амбары, и, когда на рынке становилось меньше продуктов и начиналась тайная спекуляция, Алауддин открывал свои запасы и сбивал цены. Зияуддин Барни писал: «Когда был недостаток дождей или когда по тем или другим причинам караваны не приходили в Дели и зерна становилось на базаре мало, открывались правительственные амбары и зерно продавалось по установленной цене... Благодаря такой мере зерна было всегда достаточно и его цена не повышалась выше установленной».

Эти мероприятия позволили Алауддину без ущерба для казны содержать армию, которой боялись не только его феодалы, но и монголы. Тот же Зияуддин Барни говорит:

«Все страхи перед монголами полностью исчезли в Дели. Повсюду чувствовалась безопасность и районы областей, которые подвергались нападению монголов, теперь мирно занимались своим трудом».

Устранение опасности со стороны монголов дало Алауддину возможность бросить часть своих войск на завоевание южной Индии. Между 1308—1310 гг. Алауддин завоевал Деканский полуостров до р. Кавери и захватил

огромную добычу, разграбив несметные сокровища, издавна накопленные раджами и индусскими храмами.

Но как ни был свиреп Алауддин Хильджи, ему не удалось выбить из своих феодалов дух сепаратизма. Завоевание же южной Индии привело там к целому ряду народных освободительных восстаний. Когда же Алауддин умер (1316), на значительной территории Декана восстановилась власть индусских раджей. В северной Индии придавленные Алаудином феодалы вновь подняли головы. В течение четырёх лет шла борьба за делийский престол и богатства, награбленные Алаудином, пока власть не захватил Гийясуддин Туглак, престарелый воин, неоднократный победитель монголов, получивший за свои подвиги титул «борца за веру» — «гази». При его преемнике Мухаммеде Туглаке границы Делийского султаната ещё раз дошли до р. Кавери. Однако удержать завоёванные территории не удалось.

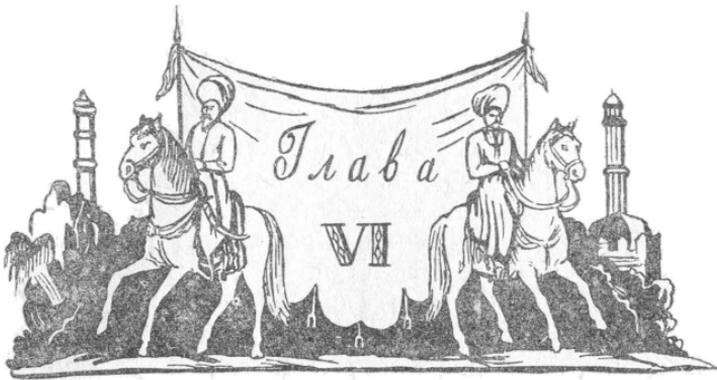
В течение двадцатипятилетнего правления Мухаммеда Туглака восстания феодалов следовали одно за другим. Мухаммед Туглак жестоко расправлялся с бунтовщиками. По преданию, у входа в его дворец ежедневно выставлялись трупы казнённых мятежников. Но всё было безрезультатным. Восстания феодалов не утихали. Содержание армии опустошало казну. Чтобы поправить финансы, Мухаммед Туглак ввёл свободную чеканку медных денег как законное средство платежа наравне с серебром и золотом. Это привело к тому, что, как рассказывают средневековые хроники, каждый дом превратился в монетный двор. В деньги была перелита вся медная посуда, и в царской казне накапливались горы медных монет. На них стало невозможным купить даже кусок хлеба, так они обесценились. Взбешённый своей неудачей, султан отменил приказ и свалил все медные деньги у делийских стен, как ненужный хлам.

Эта затея ещё больше подорвала казну. Чтобы пополнить её, султан так повысил земельные подати, что крестьяне стали бросать землю и разбегаться по лесам или вместе с феодалами драться против султанских войск. Посевы резко сократились. Султан прибегнул к сдаче пустующих земель откупщикам, согласившимся засеять эти земли, выдавая для этого крупные денежные авансы из казны. Желающих получать эти авансы оказалось очень много. Никто из получивших, однако, и не думал расходи-

вать их по назначению. Мухаммед не справился с феодалами. От его огромной державы стали откалываться одна область за другой.

Грабительский налёт на Индию полчищ Тимура, опустошивших в 1398 г. северную Индию от Пенджаба до Бихара, окончательно подорвал силы делийских султанов. Под властью султанов оставалась лишь небольшая область вокруг столицы. Делийский султанат распался на ряд самостоятельных княжеств. Одно из таких княжеств, расположенное в Декане и находившееся под властью династии Бахмáниев, вскоре превратилось в крупное государство, распространившее свою власть на большую часть Декана к северу от р. Кавери. Описание этого государства дано Афанасием Никитиным, проведшим в нём свыше двух лет. В это же время на крайнем юге Индии существовало другое крупное государство. По имени его столицы оно называлось Виджáянагáр.

Образование государства Бахманиев

Средневековый индийский историк Фириштá рассказывает о происхождении основателя династии Бахманиев Алауддина Хасáна, что он был афганец, выходец из Дели. Там он был слугой у одного брахмана-астролога по имени Гангу. Однажды Хасан, обрабатывая поле Гангу, нашёл клад и, вместо того чтобы утаить его, передал клад владельцу поля. Хозяин был так поражён честностью своего слуги, что рассказал о нём Мухаммеду Туглаку, наследнику престола. Мухаммед Туглак, став султаном, вспомнил о Хасане и направил его в Декан, в Даулатабад. Здесь Хасан получил икта и попал в круг деканских феодалов.

Когда началось восстание деканских феодалов, Хасан, уже имевший титул Зафар-хана, также принял в нём участие, заручившись военной помощью раджи княжества Телингáны. Раджа дал Зафар-хану 15 тыс. пехоты и 5 тыс. кавалерии. Это настолько усилило Зафар-хана, что, когда феодалы Декана решили отделиться от Делийского султаната и создать собственное государство, Зафар-хан

добился избрания его шахом (государем) под титулом Алауддина Хасана (1347) и якобы в благодарность своему прежнему хозяину, брахману Гангу, через которого он попал в милость при дворе, Зафар-хан дал своей династии имя Бахмани (искаженное «Брахмани»).

Столицей государства Алауддин Хасан избрал г. Гулбаргу. Впоследствии, в начале 30-х годов XV в., столицей стал г. Бидар, на территории нынешнего княжества Хайдерабад, в центральной части Деканского плато.

При Алауддине Бахмани и его ближайших преемниках была создана система управления государством, которая просуществовала вплоть до его распада в конце XV в.

Верховная власть в государстве, как и в Делийском султанате, принадлежала государю с титулом шаха. Отметим здесь, что Никитин по привычке именовал государя Бахманийского царства султаном.

Правой рукой шаха, его заместителем был вакил-и-салтанат. Свою власть вакил-и-султанат делил с главным военачальником шахской армии. Ниже их стояли другие сановники, управители различных государственных департаментов, не менее многочисленных, чем при делийском дворе.

Однако, так же как и в Делийском султанате, неограниченная в теории воля шаха на деле была связана классом феодалов и в первую очередь мощными феодальными родами. В конечном счёте судьба шахов зависела от этих феодалов. Они сажали шахов на престол, они же и убивали шахов, когда те становились им ненужными. Из тринадцати шахов, правивших между 1347—1482 гг., окончил жизнь насильственным путём шесть и было ослеплено два шаха. Остальные умерли от чрезмерного употребления вина и других излишеств.

Афанасий Никитин, ознакомившись с общественной средой бахманийских феодалов, убедившись в полном её моральном разложении, дал ей необычайно выразительную характеристику.

«Люди все чёрные и все злодеи... повсюду знахарство, воровство, ложь и зелье, которым морят господарей».

Алауддин Хасан, став шахом, разделил государство на четыре области (тариф), во главе которых были поставлены наместники — тарифдары. Объём власти тариф-

Танцующий Шива (бронза, XIV—XV вв.).

даров был столь велик, что по сути они являлись самостоятельными правителями. Каждый тарафдар имел свой двор — уменьшенную копию шахского двора, свою армию, свой штат чиновников и начальников округов.

Шах не вмешивался в управление тарафом. Тарафдары сами назначали командиров войск и гражданских чиновников. В крепостях, расположенных на территории тарафа, они держали свои гарнизоны под командой собственных комендантов крепостей. Тарафдары через свой налоговый аппарат собирали подати с крестьян в собственную казну.

В конечном счёте тарафдары и были вершителями судеб Бахманийского государства.

Защитой против них была армия шаха, самая важная часть которой — кавалерия — состояла из наёмников — таджиков, тюрков и афганцев. Пехота, как и в Делийском

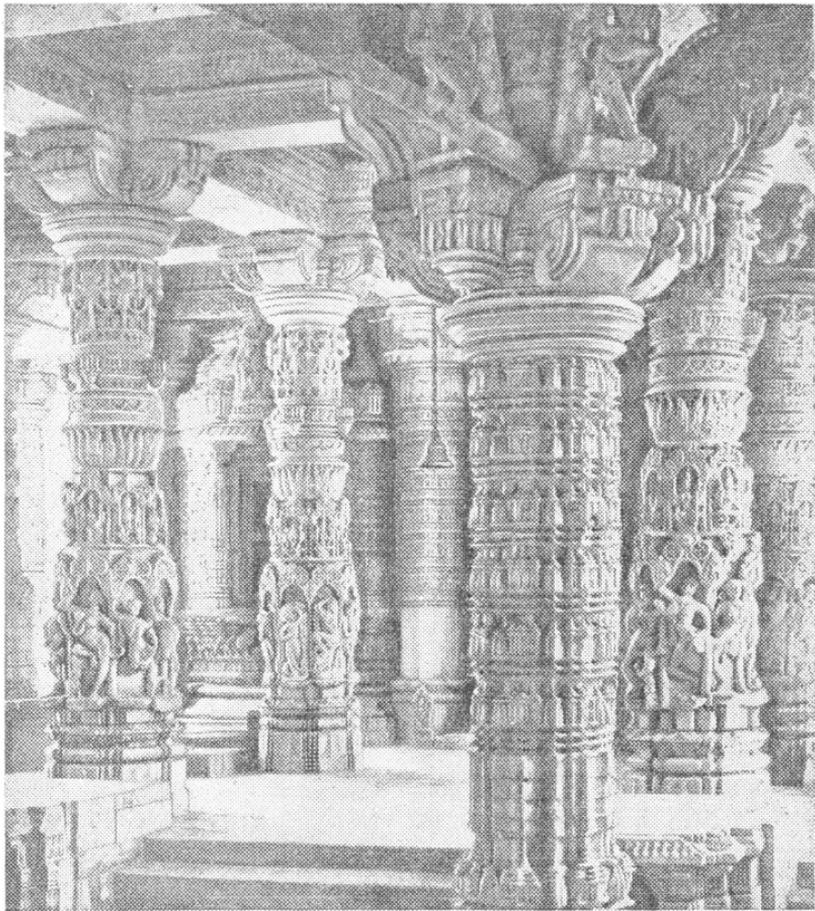
султанате, вербовалась из местного населения, индусов по религии. Кроме кавалерии, шахи имели боевых слонов. Огнестрельным оружием армия не располагала. Афанасий Никитин, заметивший все особенности вооружённых сил бахманийского шаха, следующими словами описал пехоту:

«Слуги же княжие и боярские — фата на бедрах обогнута, щит да меч в руках, а другие с копьями, или с ножами, или с саблями, или с луками и стрелами. И все голые, босые и сильные». Только кавалерия носила доспехи. В бытность Афанасия Никитина личное войско шаха числялось в 300 тыс. человек.

Бахманийские шахи, как и делийские султаны, будучи верховными собственниками земли, раздавали земли в икта, жаловали инамами, жертвовали земли мусульманским храмам.

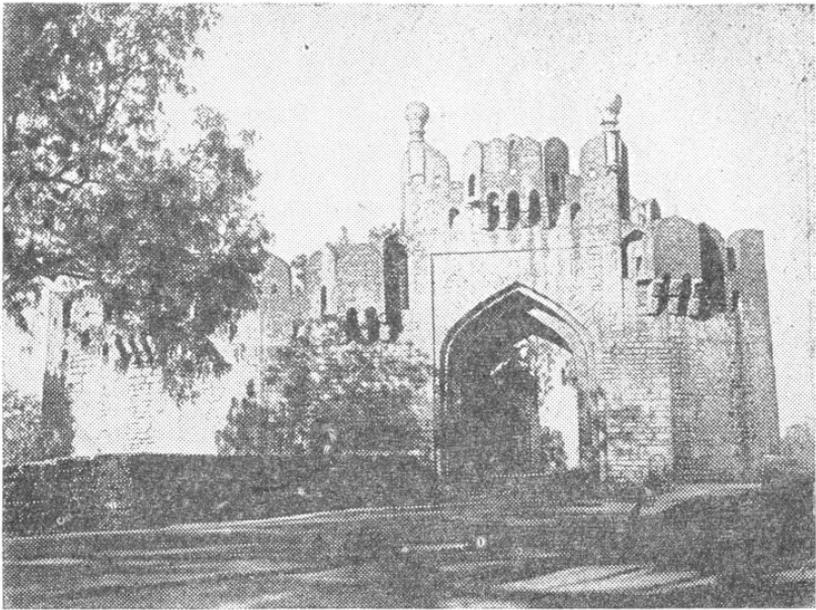
Размеры икта, как при делийских султанах, определялись военным рангом. Высшая знать имела ранг двухтысячников; о них Фиришта писал: «Начиная с них, ранги, понижаясь, доходили до двухсотенников. Лица более низких рангов не считались благородными. Эмир — тысячник или выше того — имел право на бунчук, знамя и барабан как отличие его ранга».

В числе двухтысячников по рангу были и тарафдары. Однако фактически количество войск, которыми располагали иктадары, а тем более тарафдары, было выше, чем то, которое предусматривалось по их рангу двухтысячников. Иктадары могли вывести в поле десятки тысяч воинов, а тарафдары обладали армиями, мало уступавшими по численности шахской. Афанасий Никитин дал на этот счёт исчерпывающую справку: «Есть здесь хорасанец Меликтучар боярин, — так у него рати 200 тысяч. А у Меликхана 100 тысяч, а у Харат-хана 20 тысяч. А у многих же ханов рати по 10 тысяч. С султаном рати выходит 300 тысяч». Описывая далее выступление шаха в поход, Афанасий Никитин сообщает во всех подробностях состав и оружие наёмных войск, составлявших армию Бахманиев. Не исключено, что Никитин, по примеру всех средневековых путешественников, не придавал особого значения точности и преувеличивал количество пехоты. Однако соотношение сил между войсками отдельных феодалов и личной армией шаха прекрасно показано.

Храм. XIII в.

«Султан выехал из города Бидара в восьмой месяц после великого дня, да с ним выехали 26 везиров: 20 везиров бусурманских и 6 везиров индийских. А с султаном двора его выехали: 100 тысяч рати — конных людей, да 200 тысяч пеших, да 300 слонов, в доспехах и с городками, да 100 злых зверей, каждый с двумя цепями. А с братом султановым вышли двора его: 100 тысяч конных, да 100 тысяч пеших людей, да 100 слонов, наряженных в доспехи. А за Мал-ханом [Малик-ханом] вышли двора его: 20 тысяч конных людей, да 60 тысяч пеших, да 200 слонов наряженных. А с Бедер-ханом [возможно, наместник Бидарской

Крепостные ворота Бидара.

области] и его братом вышли 30 тысяч конных людей, да 100 тысяч пеших, да 25 слонов наряженных, с городками. А с Сул-ханом вышли двора его: 10 тысяч конных, да 20 тысяч пеших, да 10 слонов с городками. А с Везир-ханом вышли 15 тысяч конных людей, да 30 тысяч пеших, да 15 слонов наряженных. А с Кутар-ханом вышли двора его: 15 тысяч конных людей, да 40 тысяч пеших, да 10 слонов. Да с каждым везиром вышли по 10 тысяч, а с иным и по 15 тысяч конных, да пеших по 20 тысяч».

Приведённые выдержки рисуют достаточно ярко не только размеры войска, которые шах мог повести на грабёж, но и соотношение сил между шахом и его феодалами.

Средством борьбы против феодальных мятежей, которым широко пользовался шах, было разжигание вражды между феодалами, убийства и система заложничества. Крупнейшие иктадары обязаны были присутствовать в столице и отдавать своих сыновей в шахскую свиту. Но, как показывает судьба многих бахманийских шахов, это средство не всегда приносило пользу.

Имелся и другой способ борьбы с непокорными икта-

дарами — это организация грабительских походов, которые отвлекали бы феодалов от борьбы против шахов. Шахи постоянно использовали это средство,водя феодалов в походы как против «неверных», на Виджаянагар, Телингану, Ориссу и западные приморские области, так и на своих северных соседей — мусульманских князей. «Хождение за три моря» изобилует описаниями и краткими упоминаниями об этих грабительских походах бахманийских шахов.

Кроме военных бенефициев, шахи дарили людям, заслужившим их благоволение, и мусульманским духовным лицам в пожизненное владение инами. Наконец, они раздавали земли в вакуф на содержание мусульманских храмов — мечетей — и различных общественных сооружений.

Так же, как в Делийском султанате, в пределах государства Бахманиев частично сохранились индусские феодальные владельцы и раджи, которые правили здесь ещё до воцарения Бахманийской династии. Теперь они продолжали существовать, признавая ту или иную степень зависимости от шаха, начиная от даннических отношений, при которых раджа продолжал обладать всей суверенной властью над своими подданными, и кончая положением откупщика — сборщика налога.

Крестьяне в государстве Бахманиев, как и в Делийском султанате, владели землёй лишь до тех пор, пока выполняли возложенные на них государственные феодальные повинности. Основной повинностью крестьян была уплата земельного налога, отнимавшего у них до половины урожая с неорошённых земель и до двух третей с орошаемых. Круговая порука за уплату налогов, которой были связаны общины, усугубляла тяжесть тягла, так как при системе круговой поруки, как указывает Маркс, чем старательнее крестьянин, тем сильнее его эксплуатирует государство различными повинностями не только в форме податей. Общинники, кроме налога, были обременены всякого рода дополнительными натуральными и денежными повинностями. Среди них важное место занимал налог джазия, который платили индусы.

Денежные надбавки были особенно тяжелы в условиях натурального хозяйства, которое вели индийские крестьяне — райоты. Благодаря им в деревне укрепился ростовщик и, кроме феодальной кабалы, крестьяне всё

более и более впадали в экономическую зависимость от ростовщического капитала. Бедняки-крестьяне, вынужденные прибегать к услугам ростовщика, делались его долговыми рабами.

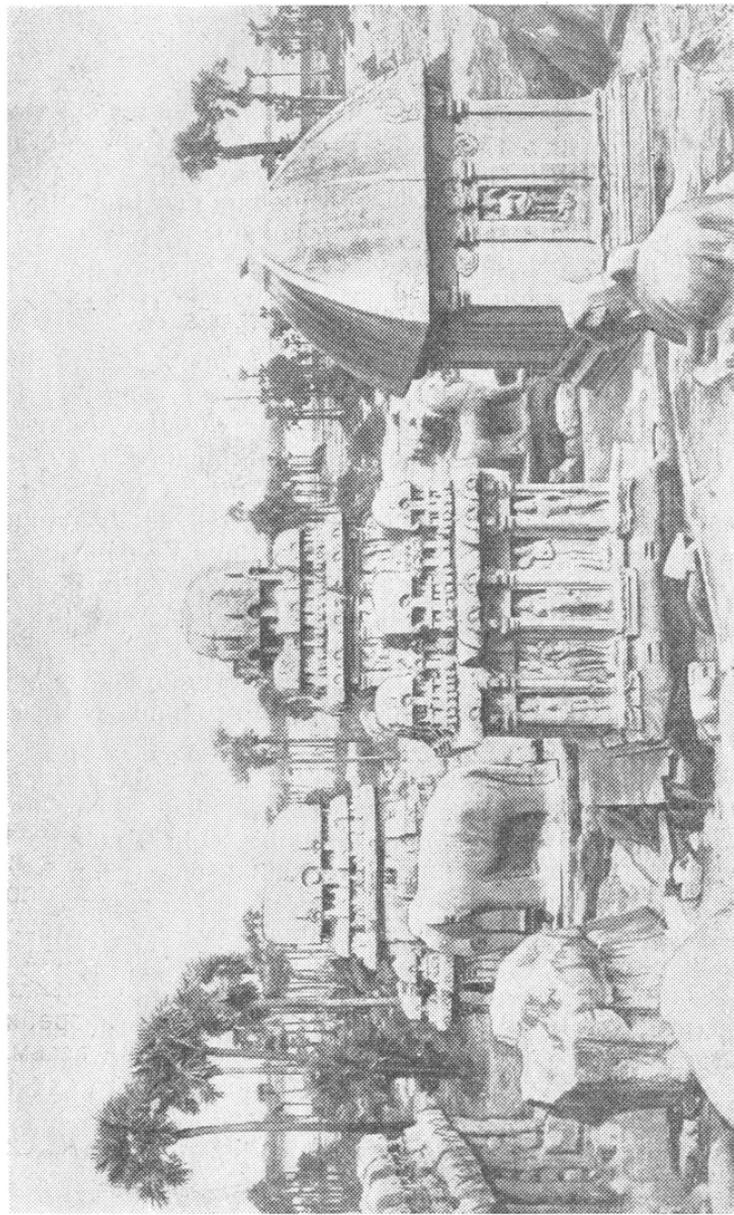
* * *

Мы уже говорили выше о том, что монголы перерезали сухопутные дороги в Индию через вынешний Афганистан, что усилило обмен между Ближним Востоком, Европой и Индией по морским путям. Товары, шедшие в Индию и из неё, направлялись теперь главным образом к портам Аравийского моря. Это дало толчок росту не только приморских портовых городов, но и возникновению городов на сухопутных трактах Деканского полуострова.

Афанасий Никитин, высадившийся в портовом городе Чаул и идя к г. Джуниру, отстоявшему от него на 200 км, прошёл два города — Пали и Умру. Между Джуниром и Гулбаргой, прежней столицей Бахманийского государства, Афанасию Никитину попадалось по 3—4 города в течение одного дня пути. Он пишет: «И из Джунира вышли в день успения пречистой к Бидару, большому их городу и шли месяц; а от Бидара до Кулунгира 5 дней, а от Кулунгира до Гулбарги также 5 дней. Между этими большими городами много других городов, каждый день встречалось по 3 города, а в другой и по 4; сколько ковов (ков равен у Афанасия Никитина примерно 10 км), столько и городов».

В этих городах, так же как и на севере Индии, была сосредоточена ремесленная и торговая жизнь. Здесь, или непосредственно в феодальной карханэ, или в собственных мастерских ремесленников по заказу феодалов и из их материалов выделывали оружие, дорогие ткани, посуду, ювелирные украшения и тому подобные вещи. Много строителей работали на постройках крепостей, дворцов и мечетей. Работа ремесленников непосредственно на рынок была скорее исключением, чем правилом. Круг потребителей их товаров, как и всюду в Индии, был ещё весьма ограничен. Это были по преимуществу горожане. Деревня, обслуживаемая своими ремесленниками, почти совершенно не пользовалась услугами городских ремесленников.

Поэтому так же, как и в Делийском султанате, обмен и здесь шёл исключительно между индийскими городами и заморскими странами.

Индийское святилище.

Из товаров, продаваемых на базарах, Афанасий Никитин счёл нужным указать только на пряности, краски, ткани, рабов и лошадей. Говоря о столичном бидарском рынке, он писал:

«В Бидаре происходит торг на коней и на товар: на камки [парча], на шелк и на всякий другой товар; можно купить на нем также черных людей. Другой купли здесь нет».

Афанасий Никитин говорит, что в Бахманийское государство ежегодно приводили на ярмарку, устраиваемую в городе Алянде, в 45 км от Бидара, 20 тыс. лошадей.

Главными купцами на этих рынках были сами феодалы или лица, действовавшие от их имени.

Если не считать тонкого слоя купцов, тесно связанных с феодалами, положение остальной части купечества и прочего городского населения по своему бесправию мало отличалось от положения крестьян. Власть феодала над ними была неограничена. Феодалный произвол как нельзя лучше иллюстрируется тем самоуправством, которое учинил было джунирский феодал над Афанасием Никитиным.

Афанасий Никитин рассказывает, что привёл в Джунир коня, с которым прибыл в Индию, на продажу к местному феодалу Асад-хану.

«Когда же он узнал, — пишет Афанасий Никитин, — что я не бусурманин, а русский, то сказал: «и жеребца отдам и тысячу золотых дам, только прими веру нашу, мухаммедову; если же не примешь нашей магометанской веры, то и жеребца возьму и тысячу золотых на твоей голове возьму». Только заступничество другого знатного мусульманина, «хорасанца», спасло имущество Афанасия Никитина от алчности Асад-хана.

В Бахманийском государстве, так же как и в Делийском султанате, это феодальное насилие над городским населением осуществлялось феодалом и его наёмниками, являвшимися мусульманами по религии. Результатом этого было то, что классовая ненависть угнетённых слоёв города к своим феодалам порождала отчуждённое отношение к мусульманам вообще. Это испытал Афанасий Никитин, пока его считали мусульманином. «В Бидаре, — говорит Афанасий Никитин, — я познакомился со многими индусами и объявил им, что я христианин, а не бусурманин и имя моё Афанасий, по-бусурмански же ходжа

Исуф Хорасани [хорасанец]. Они не стали от меня таиться ни в чём: ни в еде, ни в торговле, ни в молитве, ни в иных вещах; жён своих также не скрывали».

Что эта неприязнь проистекала не из религиозной нетерпимости, а порождалась указанными выше причинами, доказывается отношениями между индусами и мусульманами в тех княжествах, которые находились под властью индусских феодалов, — там неприязнь со стороны индусов к мусульманам отсутствовала. Это подтверждается, в частности, средневековыми писателями — мусульманами по религии. Вообще между трудящимися массами индусов и мусульман неприязни не существовало, если не считать отчуждённости, порождаемой кастовыми предрассудками, отделявшими не только индусов от мусульман, но одних индусов от других.

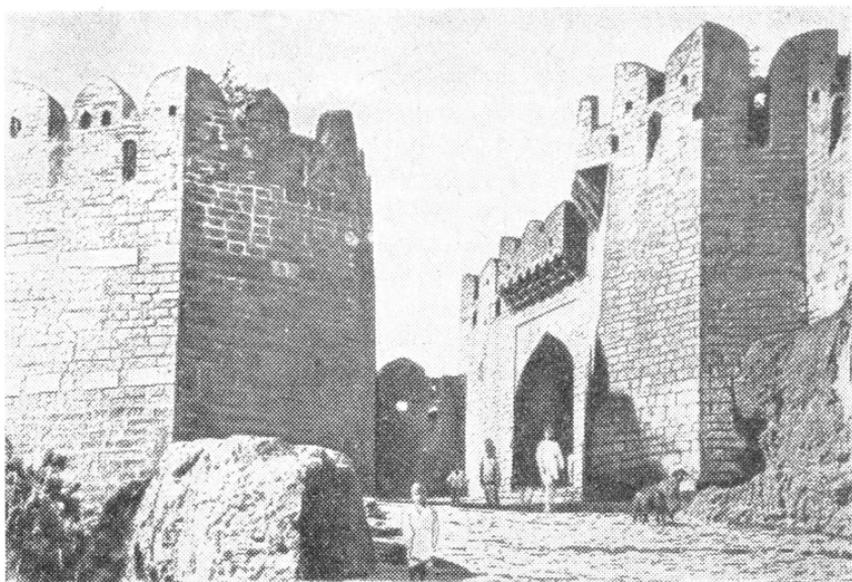

Государства Виджаянагар

За одиннадцать лет до образования государства Бахманиев в 1336 г. на юге Индии, за р. Тунгабхадрой возникло государство Виджаянагар, просуществовавшее до 1565 г. Основатель государства военачальник Харихара, действуя вместе со своим братом Буккой, в короткое время объединил под своей властью территорию к югу от рек Тунгабхадры и Кришны (Кистны), включая побережье Аравийского моря до Гоа, и Бенгальского залива почти до самой Ориссы.

Как и в остальной Индии, экономическим базисом этого государства являлась та же индийская община, существовавшая, как указывает Маркс, «на основе домашней связи между земледельческим и промышленным трудом». Так же как и в северо-индийских общинах, часть общинников Виджаянагара выполняла функции ремесленников, получая от общины дополнительное вознаграждение за свой труд. Так же как и на севере, основным типом были общины, уже осквернённые социальным и кастовым неравенством. Подобно тому как это было во многих северо-индийских общинах, на юге имелось немало общин, где,

Ворота Талхат в Бидаре.

кроме ремесленников, были и свои бесправные держатели земли, и свои рабы.

Как и в общинах остальной Индии, общины в Виджаянагаре имели своих ремесленников, которые обслуживали общинников продуктами своего ремесла, получая за это натуральное вознаграждение от общины путём отчисления им доли урожая и наделения некоторых категорий ремесленников небольшими участками земли в наследственное пользование с правом отчуждения вместе со всеми своими обязанностями и правами в общине. Следует отметить, что в некоторых районах, экономически наиболее развитых, сельские ремесленники становятся в отношении общинников уже в положение товаропроизводителей, а не слуг. Они продают свои изделия общинникам, а не выполняют свой труд за натуральное содержание, как это было в наиболее архаической форме сельских общин.

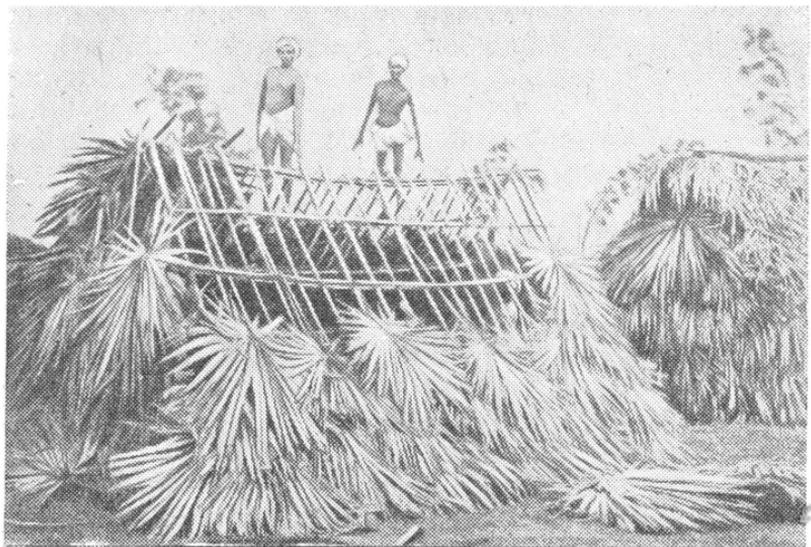
Кроме ремесленников, виджаянагарские общины имели, как и всюду, общинных слуг. Во главе общины стоял староста, который вместе с писарем, обычно принадлежавшим к касте брахманов, производил раскладку государственного оброка; староста же судил и наказывал общинников за мелкие проступки.

За свою службу староста и писец, кроме того, что они получали долю общинного урожая и участки земли иногда довольно большого размера, в качестве служебного держания дополнительно к обычному общинному наделу взимали с жителей села всякие мелкие поборы. Всё это обеспечивало им возможность обогащения и превращения в мелких феодальных землевладельцев.

Полноправные общинники в ряде общин уже прекратили периодические переделы земли и закрепили земельные участки за отдельными семьями. В коллективном владении оставались только пустоши, которые общинники сдавали в аренду. Лица, снимавшие её долгое время, обычно превращались в наследственных арендаторов с фиксированным размером арендной платы, однако продолжая стоять вне общины полноправных землевладельцев. Общинники платили оброк или государю, если жили на государственной земле, или частному феодальному землевладельцу. Размер оброка в конце XV в. видимо был весьма большим, если принять во внимание все платежи общинников. Португальцы, посетившие Виджаянагар в самом начале XVI в., даже говорили, что с крестьян взималось до 90% дохода с земли. Однако неизвестно, насколько справедлива приводимая ими цифра.

На эксплуатацию феодалов крестьяне отвечали классовой борьбой. Виджаянагарские документы чаще всего говорят о пассивных формах этой борьбы. В случае отказа феодала снизить поборы крестьяне всей общиной уходили из его владения. Это заставляло феодалов идти на уступки. Так, в надписи, сохранившейся в Танджорском храме, относящейся к 1429 г., говорится о том, что крестьяне, подвергавшиеся жестокой эксплуатации со стороны человека, откупившего у храма сбор феодального оброка, разбежались, в результате чего «весь округ опустел». Храм был вынужден уступить требованиям крестьян, и на стене храма была высечена надпись, в которой точно перечислялись те повинности, которые храм отныне мог требовать с общинников. Надпись 1446 г. сообщает, что при вступлении на престол Маликарджуны налоговые власти с такой жестокостью начали взимать дополнительный побор по этому случаю, что в стране начался голод, крестьяне бежали и страна опустела; чтобы вернуть крестьян, махараджа отменил этот побор.

Не всегда эта борьба велась крестьянами в такой пас-

Постройка жилья в южной Индии.

сивной форме. Надпись того же года, найденная в южном Аркоте, говорит, что на угнетение налоговых властей правившего тогда Кришны Райи крестьяне ответили соглашением убивать всех, кто будет помогать властям в сборе налогов.

Надпись 1480 г. говорит о битве, имевшей место между крестьянами и их феодалом. Надпись 1546 г. рассказывает о вооружённом восстании крестьян в храмовом поместье.

Возможно, именно такого рода восстания имеют в виду надписи 1451 и 1454 гг., упоминающие о волнениях и о разбое в ряде районов Виджаянагара.

Государя Виджаянагара, суверены и верховные собственники земли, большую часть земель роздали новым феодалам, или сохранили за теми, кто владел ею до образования Виджаянагарского государства.

В Виджаянагаре была многочисленная прослойка мелких и средних феодалов, которые владели землёй на условиях частичной феодальной собственности, не обременённой государственными повинностями. Обычно эти феодальные владения возникали в результате дарения религиозного характера брахманам или храмам или за те или иные заслуги, вроде пожалования сёл семьям павших в бою военачальников. Сохранили в частной феодальной

собственности свою личную землю прежние княжеские семьи после поглощения их княжеств Виджаянагаром.

Что касается крупного феодального землевладения, то и в Виджаянагаре, подобно тому, как это было в государстве Бахманидов и в Делийском султанате, это было служебное феодальное держание. В руках служилой гражданской и военной знати были самые крупные поместья.

Виджаянагарский государь Кришна Райя писал: «Командир, если он слаб, т. е. не имеет денег, земли, слонов и лошадей, не может разбить врага. Поэтому царь должен дать ему землю, хорошо защищённую крепостями и войсками».

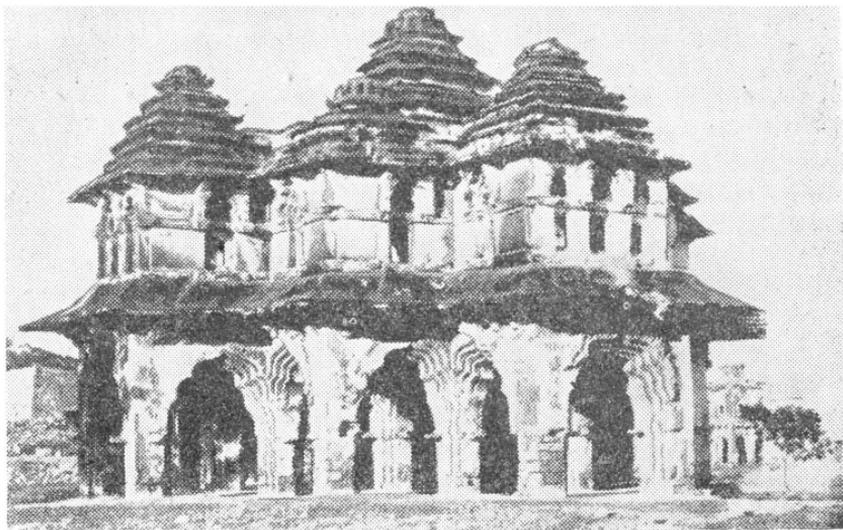
Часто владения феодала такого типа были разбросаны по разным районам государства.

Владельцы таких служебных пожалований обязаны были содержать войско, более или менее соответствующее размерам владения, и отдавать часть оброка, собранного ими с крестьян, живших на этих пожалованных землях.

Португалец Паеш, посетивший Виджаянагар в XVI в., писал: «Капитаны [так в португальских хрониках именовались эти владельцы военных бенефициев], которых царь имеет во главе своих войск, являются его дворянами. Они владельцы земель, в их руках [их] столица, города и села. Среди них есть капитаны, получающие 1—1½ млн. пардао¹ дохода, другие 100 тыс., прочие 200 тыс., 300 тыс. или 500 тыс. пардао, и какой доход каждый из них имеет, такое количество войска пешего, конного и слонов назначает царь содержать им. Эти войска должны быть в постоянной готовности».

О богатстве «капитанов» говорят данные хроники Виджаянагара, составленной Нунишем в первой половине XVI в. Он пишет: «Во-первых, Салванаик [Салюва Наик], нынешний министр. Его доход равен 1,1 млн. золотых пардао [т. е. около 3,3 млн. рублей]. Он господин Коромандела, Негапатама, Танджора, Бамгарина, Дапатао, Тругела, Кайала и других городов. Эта территория очень большая, она доходит до Цейлона. Из этих денег он обязан отдавать треть царю, а две трети оставлять себе на содержание армии и лошадей, которых он должен давать царю, а именно: тридцать тысяч пехоты, три тысячи ка-

¹ Пардао — монета, соответствовавшая примерно 3 руб. золотом.

Виджаянагар. Дом Совета. XVI в.

валерии и тридцать слонов; так что он получает себе только то, что остаётся за вычетом расходов на это войско. Но и этим способом он приобретает большие богатства, так как иногда не содержит такого войска... Другой капитан, именуемый Гапанаик, хозяин земель Росил [Рачол, около Гоа], Типар, Тикало, Биголом [Бичолим]. Эти земли идут вдоль владений Адил-шаха [князя Биджапура]. Здесь много пшеницы и другого зерна, крупного и мелкого скота, имбирю и хлопка; из хлопка выделываются очень тонкие ткани; все ткани производятся из него. Гапанаик получает со своих земель 600 тыс. пардао и обязан содержать 2500 всадников, 20 тыс. пеших воинов и 20 слонов. Он платит царю ежегодно 80 тыс. пардао... Маллпанарк, ведающий у царя Кришны Райя кавалерией, является господином округа Авали [Авати в нынешнем Майсуре], расположенного в границах Каликута. В этой области имеется много железа, риса, коз, овец, коров и буйволов. Его доход равен 15 тыс. золотых пардао, и он обязан служить царю с 400 всадниками и 6 тыс. пехоты и платить царю ежегодно 5 тыс. пардао». Мы дали сведения только о трёх «капитанах», но и они достаточно характеризуют и отношения их с государем, и размер богатств, которыми они располагали.

Значительная часть земель являлась доменом самого махараджи. Эта земля, принадлежавшая лично государю, называлась раджъянъябхуми. Эти государевы земли были рассеяны по всему государству, но большая их часть находилась около столицы государства г. Виджаянагара.

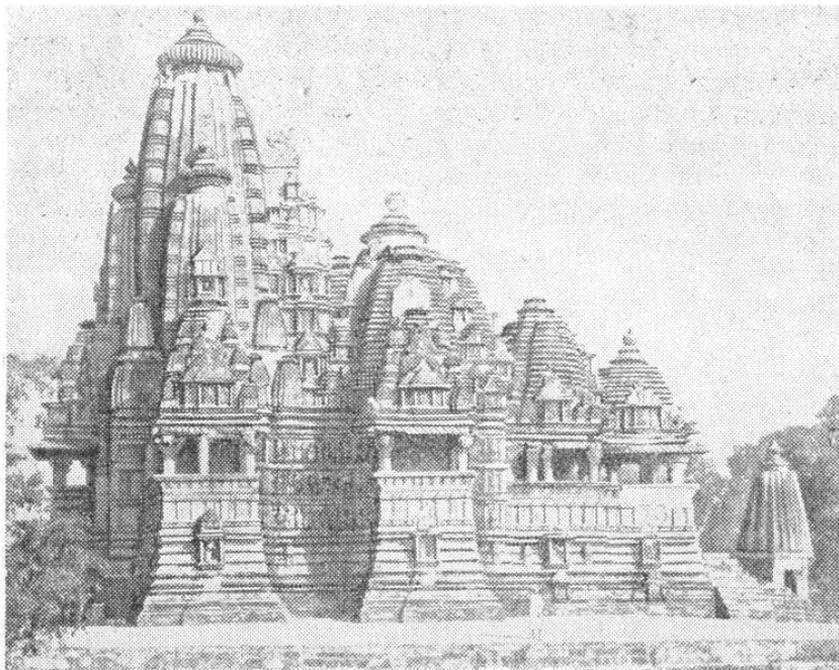
Среди феодальных владельцев земли необходимо отметить индусские храмы. Некоторые из них владели весьма крупными поместьями, особенно те, которые возникли на месте древних племенных святынь. Храмы вели полукрепостное, полурабовладельческое хозяйство. В их подвалы текли пожертвования паломников и богатые дарения царей, особенно в важные религиозные праздники, когда к храмам сходилась множество паломников. В такие дни около храмов возникали ярмарки, где главными торговцами были храмовые жрецы.

Движимый любознательностью, Афанасий Никитин посетил храм в Парвате и дал описание виденного им. «В Бидаре пробыл я 4 месяца и сговорился с индийцами пойти к Парвату — их Иерусалим, а по-бусурмански Мекка, где их главное идольское капище. Там же ходил с индийцами месяц до бутханы¹. Торг у бутханы 5 дней. А бутхана весьма велика, с пол-Твери, каменная, и вырезаны по ней бутовы деяния, всего вырезано 12 венцов, как Бут чудеса творил, как являлся индийцам во многих образах: первое — в образе человека; второе — в образе человека, но с хоботом слона; третье — человеком в образе обезьяны; четвертое — человеком в образе лютого зверя. Являлся им всегда с хвостом, а хвост на камне вырезан с сажень. К бутхане на бутовы чудеса съезжается вся Индийская страна. Около бутханы... бреют... бороды и головы. После идут к бутхане; с каждой головы берут пошлину на Буга по 2 шекшени [мелкая монета], а с коней по 4 футы. А съезжается к бутхане всех людей 20 тысяч лек, а бывает время, когда и 100 тысяч лек» [лек, лакх равен 100 тыс.].

Приводя такую непомерно большую цифру, Афанасий Никитин хотел сказать, что к храму сходилась великое множество людей, как мы бы сказали, «тьма народа».

Деньги, скапливавшиеся в храмовой казне, использовались храмами как ростовщический капитал. Храмы ссу-

¹ Бутхана — сложное слово от бут — идол и хана — помещение, дом; дословно: дом идолов.

Храм Висванатха (около XI в.).

жали деньги окрестным общинникам и, доведя их до разорения, делали своими кабальными крестьянами, а часто храмовыми рабами. Храмы были также банкирами местных феодалов.

Письменные источники XIV—XV вв. дают основание считать, что, в отличие от северной Индии, на юге, кроме чисто феодального города, т. е. города-ставки, административного центра, города, возникшего и продолжавшего существовать на земле феодала, было много больших торговых сёл, ещё не подчинённых феодалам. В управлении их поэтому важную роль играли корпорации (шрёни) ремесленных и торговых каст.

До нас дошло довольно подробное описание столицы Виджаянагара. Город был расположен среди скалистых холмов, представлявших прекрасную естественную защиту. По сведениям португальцев, он был оружён семью стенами с боевыми башнями. На широкой площади вокруг стен были вбиты в землю каменные надолбы против вражеской кавалерии. Вокруг города и внутри его

стен были поля, сады, огороды, снабжавшие город необходимыми продуктами. Португалец Паеш, бывший в Виджаянагаре в начале XVI в., говорит, что в нём было 100 тыс. домов и улицы всегда переполнены народом. Каждая улица отгорожена от другой стеной с воротами и заселена людьми, близкими по профессии. Рядом с дворцом стояли дома «капитанов» и других «богатых и почётных лиц». Дальше, минуя храм, вы через ворота «вступаете в широкую и красивую улицу, — пишет Паеш, — полную хороших домов... На этой улице живёт много купцов, и вы можете найти здесь все сорта рубинов, бриллиантов, жемчугов, тканей и массу других вещей, какие бы вы пожелали купить. Каждый вечер здесь собирается базар, на котором продаётся много обыкновенных лошадей, много лимонов, апельсинов, винограда и всякого рода садовых и лесных продуктов. Вы всё это имеете на этой улице. В конце улицы стоит стена с воротами. Эта стена соединена с другой, имеющей свои ворота... Пройдя эти ворота, вы входите в другую улицу, где живёт много ремесленников, которые продают много вещей. На этой улице есть два маленьких храма. Храмы имеются на каждой улице, потому что они принадлежат к организациям, подобным нашим братствам ремесленников и купцов... Каждую пятницу на этой улице бывает базар, на котором продаются свиньи, домашняя птица, сушёная морская рыба и другие продукты, названия которых я не знаю. Подобные базары происходят ежедневно в разных частях города. В этом городе вы можете найти людей самых разнообразных наций по причине большой торговли, которая имеется здесь».

Так же, как и на севере Индии, здесь шёл крупный торг лошадьми. Их покупали царь и его «капитаны» для армии. Как тягловая сила лошади в Индии не употреблялись.

Лошадей ввозили из Аравии и Ирана через Аден и Ормуз, и виджаянагарские цари ежегодно приобретали свыше 10 тыс. лошадей. Виджаянагар был главным продавцом пряностей, за которыми приезжало множество заморских купцов. Наиболее крупными виджаянагарскими портами были Гоа, Каликут и Дабул.

Афанасий Никитин со своей обычной точностью рассказывает: «Дабул — пристань весьма великая, и привозят сюда коней из Египта, Аравии, Хорасана, Кашгарии и Чагатайской земли; А Каликут есть пристань для всего

Индийский феодал на слоне (миниатюра, XVII в.).

Индийского моря... А родится в нем перец, имбирь, цвет мускат, цинамон, корица, гвоздика, пряное коренье, да всякого коренья родится в нем много».

Кроме пряностей, Виджаянагар торговал тканями, драгоценными камнями, добываемыми на его копях, и жемчужинами, которые ловились около Цейлона.

Об оживлённости внешней торговли Виджаянагара можно судить по тому, что через г. Бхаткал, стоявший на пути между берегом Аравийского моря и столицей Виджаянагара, ежегодно проходило, как говорит Паеш, 5—6 тыс. гружёных волов.

Для Виджаянагара была внешней торговлей и та, которую он вёл с другими государствами самой Индии. Судя по источникам, она была также достаточно большой. Виджаянагар торговал с государством Бахманиев в мирные годы, с Ориссой и Делийским султанатом, в частности с Бенгалией. Наличие мелких сельских базаров, собиравшихся один-два раза в неделю, периодические ярмарки, происходившие в каждом округе, свидетельствуют также о значительном развитии и внутренней торговле.

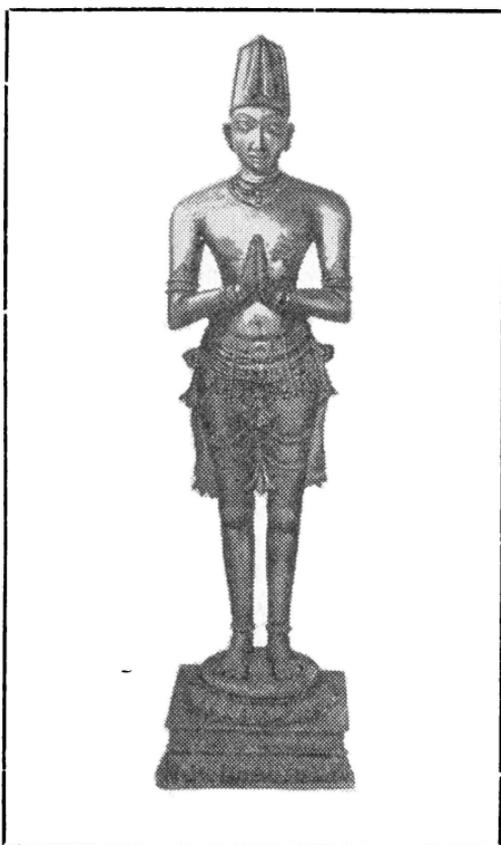
Сохранившиеся средневековые источники дают все основания считать, что в Виджаянагаре товарно-денежные отношения развились гораздо более сильно, чем в остальных частях Индии. Здесь, на юге Индии, особенно в приморских районах, феодалы уже давно перевели массу податей в денежную форму, не говоря уже о том, что, так же как и на севере, и особенно в виджаянагарский период, товарно-денежное обращение стимулировалось большим ростом наёмной армии.

Эти товарно-денежные отношения разлагали южноиндийские общинные мирки гораздо сильнее, чем это происходило на севере, и создавали ещё более благоприятную почву для развития торгово-ростовщического капитала. Южноиндийские торговцы-ростовщики, «шетти», вели большие торгово-ростовщические операции и не были так придавлены феодалами, как северные торговцы и ростовщики. Судя по Паешу и другим источникам, они не боялись показывать своих богатств даже в городах, где жили феодалы.

Главой государства был махараджа. Он жил во дворце, обставленном с чрезвычайной роскошью, с мраморными полами, со стенами, покрытыми золотом и инкрустированными в нём драгоценными камнями. Трону, на котором восседал царь, не было цены: он горел драгоценностями. Во дворце помещался гарем царя с массой жён, наложниц, рабынь и евнухов. Рядом с царскими дворцами были расположены дворцы его сановников, дома служащих и канцелярии различных департаментов.

Советниками виджаянагарского царя были представители знатных брахманских семейств. Один из царей Виджаянагара в своей поэме, являвшейся своего рода наставлением для сына, говорил, что его сановниками должны быть лица из брахманских фамилий, для которых государственная служба является наследственной профессией, с мудрой оговоркой, что им нельзя доверять лишь задачу пожертвований брахманам и храмам, так как они могут опустошить казну. Часть этих сановников одновременно были наместниками областей, на которые было разделено всё государство.

Низовой административной единицей было село со своими старостой и панчаятом, действующими под контролем волостных чиновников, назначаемых правителей.

Царь Виджаянагара Кришна Райя
(1510—1530).

Орудием виджаянагарских царей для внутреннего и внешнего грабежа была их наёмная армия.

Паеш говорит, что царь постоянно имеет миллионную армию, в составе которой имеется 35 тыс. кавалерии. Эта армия получает от него плату и постоянно готова отправиться по его приказу в любом направлении. Паеш, приводя столь огромную цифру, видимо, включил в неё и чрезвычайно большой обслуживающий персонал, обычно сопровождающий армию. Более правдоподобны цифры, которые дает Афанасий Никитин. Он пишет: «А у виджаянагарского князя 300 слонов да 100 тысяч своей рати, да коней у него 50 тысяч».

В виджаянагарской армии значительная часть кавал-

лерии комплектовалась наёмниками из Средней Азии и Абиссинии; начальникам конницы цари платили джгирами.

Доходы государя были огромны. Средневековый индийский историк Фиришта писал: «Князья из дома Бахмани держались только более высокой храбростью, а силой, богатством и размерами страны виджаянагарские цари на много превосходили их».

Основным источником доходов государя была эксплуатация крестьян и ремесленников. Тягловые крестьяне платили земельную подать, равную в среднем половине урожая, и множество других налогов. Ещё более тяжёлым было положение бесправных держателей — личных крепостных и земледельческих рабов царя. Последним оставлялось лишь самое необходимое для их существования. Цари Виджаянагара с целью увеличения объёма ренты, поступающей в их казну, строили крупные оросительные сооружения и на орошаемые земли сажали крепостных и рабов. Строительство одного из таких ирригационных сооружений наблюдал Паеш.

Это был огромный водоём, возведённый около столицы. «Он был шириной на выстрел из фальконета и находился у склонов двух холмов, так что вода, стекающая с них, попадала в него. Кроме того, в него поступала по трубам, проложенным более чем за три лиги, вода, которая в свою очередь вытекала маленькой речкой из озера... Чтобы построить этот водоём, царь срыл холм, загораживающий место, занятое резервуаром. На строительстве водоёма я видел около 15—20 тыс. человек, похожих на муравьёв. Их было так много, что не было видно земли, по которой они ходили. Поставка людей на строительство водоёма была возложена на капитанов, и они должны были следить, чтобы их люди работали и чтобы резервуар был выстроен».

Паеш отмечает, что именно благодаря ирригационным сооружениям, как общинным, так и построенным феодалами, все области, по которым он проезжал, «хорошо обработаны, дают большие урожаи и хорошо обеспечены скотом — коровами, буйволами и овцами», что «земля даёт отличные урожаи риса, кукурузы, бобовых и прочих культур, неизвестных в нашей стране; а также огромное количество хлопка. Здесь много сеется зерна потому, что его едят не только люди, но его дают и лошадям, так как

у них нет других сортов ячменя. Страна имеет также много пшеницы, которая хорошего качества». Паеш отмечает также производство разнообразных садовых и огородных культур.

При двойных урожаях и жалком прожиточном минимуме индийского крестьянина масса ренты-налога, поступавшая царю, была, повидимому, огромной.

Другим источником дохода была эксплуатация ремесленников, работавших на феодального владельца города. Нуниш говорит, что «на царя работало две тысячи ремесленников — кузнецов, каменщиков и плотников, а также прачек, стиравших платья. Они получали свою плату ежедневно. Он [царь] выдавал её у дворцовых ворот».

Третий источник дохода — это копи, особенно алмазные, разработка которых сдавалась на откуп. В частности, таким откупщиком, как указывает Нуниш, был один из «капитанов». Он платил царю ежегодно 40 тыс. пардао с условием, что все бриллианты весом более двадцати мангелинов (25 каратов) должны сдаваться в казну.

Четвёртым источником доходов казны была царская торговля и пошлины. Нуниш прямо указывает, что царь «ежегодно покупал из Ормуза 13 тыс. лошадей, отбирал самых лучших, а остальных продавал капитанам и получал большой барыш».

Наконец, в царскую казну шла дань с вассальных князей и платежи владельцев бенефициев. Нуниш заявляет, что царь получал от «капитанов» 6 млн. пардао (18 млн. руб.), из которых $3\frac{1}{2}$ млн. он тратил на армию.

*Государство Бахманиев
и Виджаянагар*

Борьбой с этим богатым и сильным государством была заполнена вся история государства Бахманиев. Борьба шла за господство на Деканском полуострове. Нападающей стороной были Бахмании. Обладая превосходством в кавалерии, они наносили поражения виджаянагарским войскам, не раз в истории Бахманийского государства доходили до самых стен Виджаянагара, но ни разу им не удалось овладеть столицей. Разграбив окрестности и получив контрибуцию, бахманийские шахи уходили с награбленным по дороге добром, гоня перед собой пленных, которых потом продавали на Бидарском рынке. Особенно упорной была борьба между Бахманиями и Виджаянагаром из-за двуречья между Тунгабхадрой и Кришной с крепостью Райчур, ценной своими алмазными копами.

«В Райчуре же, — говорит Афанасий Никитин, — родится алмаз старой и новой копи; почку алмаза продают по 5 рублей, а очень хорошего по 10 рублей; почка же

нового алмаза только 5 кеней, черноватого цвета — от 4 до 6 кеней [мелкая монета], а белый алмаз — 1 деньга [индийская монета — танка]. Родится алмаз в каменной горе; и продают ту каменную гору (т. е. сдают на откуп), если алмаз новой копи, то по 2 тысячи золотых фунтов, если же алмаз старой копи, то продают по 10 тысяч золотых фунтов за локоть. А земля та султанова холопа Мелик-хана и от Бидара 30 ковов».

Область была важна для обеих сторон не только тем, что в ней были алмазные копи. Тот, кто владел ею, контролировал к тому же пути, которые шли из Декана к портам Аравийского моря на Дабул и Гоа.

Именно эти войны с Виджаянагаром имел главным образом в виду Афанасий Никитин, говоря о главном вазире бахманийского шаха, что «в течение 20 лет он бьется с кафирами, то его побьют, то он их часто побивает».

Действительно, из всех войн, заполнявших историю государства Бахмани, самой ожесточённой была война с Виджаянагаром. Эта война началась при шахе Мухаммеде, преемнике Алауддина. Раджа Телинганы, княжества, граничившего с Бахманийским государством с востока, и правитель Виджаянагара, лишь только умер Алауддин, предъявили требование новому шаху вернуть округа, захваченные у них его отцом. В ответ на это требование Мухаммед двинул свою армию против Телинганы. Он нанёс поражение сыну телинганского раджи, взял его в плен и, как рассказывает Фиришта, выстрелил им из катапульты в костёр. Страшные жестокости, чинимые войсками Мухаммеда, подняли телинганских крестьян. Армия его, окружённая со всех сторон и лишённая снабжения, была вынуждена повернуть обратно, теснимая телинганцами. Из 40 тыс. человек, с которыми шах выступил в поход, пришло обратно только полторы тысячи человек, и то благодаря помощи нового войска, присланного из Гулбарги, тогдашней столицы государства Бахмани.

Через несколько лет шах Мухаммед, оправившись от понесённого поражения, вновь двинулся на Телингану. Раджа Телинганы капитулировал. Он отдал Мухаммеду Голконду с её знаменитыми алмазными копиями и заплатил контрибуцию.

Окрылённый этим успехом, Мухаммед спровоцировал войну с виджаянагарским махараджей Буккой, потребо-

вав от него в знак крайнего унижения присылки денег на оплату придворных комедиантов. Оскорблённый Букка напал на крепость Мудкал, находившуюся у границ Виджаянагара, взял её и вырезал всех находившихся в ней от мала до велика.

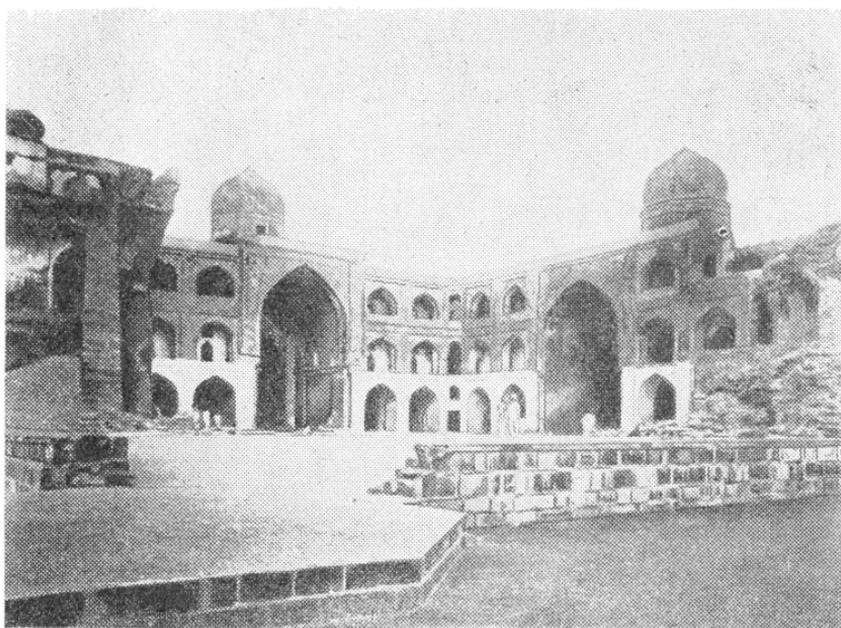
Это было началом войны между Виджаянагаром и шахом Мухаммедом.

Затем Мухаммед с огромной армией вторгся в пределы Виджаянагарского государства. Он приказал войнам не щадить ничего и никого.

Букка собрал все силы для отпора врагу. Брахманы всячески разжигали в воинах ненависть к мусульманам. Фиришта писал, что военачальник, поставленный во главе виджаянагарских войск, выступивших навстречу Мухаммеду, «велел брахманам ежедневно говорить солдатам проповеди о добродетельности убийства мусульман с тем, чтобы вызвать в воинах ярость к врагу и стремление во что бы то ни стало изгнать его. Он велел говорить войнам, что мусульмане убивают коров, поносят изображения богов и разрушают храмы».

Мухаммед одержал победу. Букка бежал с остатками армии и укрылся за виджаянагарскими стенами. Бахманийские войска окружили столицу, но после месяца безрезультатной осады снялись и двинулись обратно. Букка решил преследовать отступающего Мухаммеда. Последний, заманив Букку на равнину, где можно было полностью использовать преимущество в кавалерии, нанёс Букке поражение и заставил его вторично спасаться бегством. В ярости шах приказал вырезать всех живших около виджаянагарской столицы. Букка запросил мира, который вскоре и был заключён. По словам Фиришты, в этой войне погибло полмиллиона индусов, и область Карнатик обезлюдела настолько, что потребовалось несколько десятилетий, чтобы довести цифру её населения до той, какая была накануне войны. Однако мир был непродолжительным.

Преемник Мухаммеда решил разграбить Виджаянагар, нарушил мир и вторгся во владения виджаянагарского царя. Букка измотал силы врага, заставив его гоняться за собой в течение нескольких месяцев. Когда же шах всё же ворвался в Виджаянагар, то у него не оказалось сил, чтобы овладеть цитаделью, в которой заперся Букка. Бесчинства бахманийских войск в захваченном городе,

Медресе Махмуда Гавана.

осквернение и разрушение ими храмов вызвало, по словам Фиришты, ярость у виджаянагарцев. Они начали теснить шаха, и ему пришлось оставить город. За свою неудачу шах заплатился головой — во время отступления он был убит своим дядей.

Новый шах, однако, правил недолго. Через месяц, в мае 1378 г., он был убит феодалами. Шахом стал сын Аллауддина Хасана по имени Мухаммед. На десять лет в Бахманийском государстве воцарился мир. Но лишь только шах умер, как снова разгорелась борьба за престол. В 1397 г. были ослеплены два шаха. Захвативший в конце концов власть Фироз-шах продержался целых пятнадцать лет, но и он окончил свои дни насильственной смертью.

С правлением Фироз-шаха связано возобновление войн с Виджаянагаром. Фиришта говорит, что Фироз-шах провёл двадцать четыре похода против индусских раджей.

Начало этим войнам положил Виджаянагар, сделавший попытку отнять у Бахманиев спорную область между Тунгабхадрой и Кришной. Войны закончились поражением Виджаянагара. Пришлось удовлетворить унизитель-

ное для виджаянагарского царя требование победителя о выдаче за него замуж царской дочери.

Роль, которую играла во всех дворцовых переворотах старинная деканская феодальная знать, получившая свои земли ещё от делейских султанов, побудила Фироза привлечь к себе на службу эмигрантов, главным образом из Ирана.

В результате в Бахманийском государстве выросла новая феодальная знать, на которую шахи стали опираться в борьбе против старых деканских феодалов. Преемник Фироза Ахмед-шах сделал одного из таких эмигрантов басрского купца Халафа Хасана своим главным министром и, кроме обычного титула вакил-и-салтанат, дал ему титул малік-ут-туджара.

Это было победой новой феодальной знати, которую старые деканские феодалы презрительно называли иностранцами.

Между этими двумя группами феодалов началась ожесточённая борьба, ещё более обострившая кризис Бахманийского государства.

Безжалостная эксплуатация феодалами зависимых от них крестьян и горожан породила в стране серьёзный кризис.

Ни один европеец, побывавший в средневековой Индии, не отметил с такой выразительностью и с таким сочувствием к угнетённому народу всей глубины царивших в ней социальных противоречий, как это сделал Афанасий Никитин, говоря о Бахманийском государстве. Он писал о нём: «Земля весьма многолюдна; сельские люди очень бедны, а бояре богаты и роскошны: носят их на серебряных носилках и водят перед ними до 20 коней в золотых сбруях; и на конях же за ними 300 человек, да пеших 500 человек, да трубников 10, да литаврщиков 10 человек, да свирельщиков 10. Султан же выезжает на потеху с матерью и с женой, да с ним на конях 10 тысяч человек, да пеших 50 тысяч. А слонов водят 200 человек, наряженных в золочёные доспехи. Да перед султаном идет 100 человек трубников, да плясунов 100 человек, да коней простых 300 в золотых сбруях; да обезьян за ним 100...»

«В султанов дворец ведет семеро ворот, а в воротах сидит по сто сторожей да по сто писцов — кафиров¹: одни

¹ Кафиры — «неверные», не мусульмане; в данном случае — индусы.

записывают — кто войдет, другие — кто выйдет; чужеземцев же во дворец не пускают. А дворец его очень красив, всюду резьба, да золото, и последний камень вырезан и очень красиво расписан золотом; да во дворце же разные сосуды».

В хрониках того времени мы напрасно будем искать сведений о классовой борьбе угнетённых масс. Но несомненно, что многие походы шахов, о которых хронисты говорят, как о походах против индусов, были карательными походами против индусского крестьянства.

У Фиришты же имеется и прямое указание на выступления крестьян в правление Ахмед-шаха.

Недовольство существующим феодальным строем захватило и города. Отражением этого недовольства было развитие религиозного сектантского движения среди тогдашнего городского населения.

* * *

Когда Афанасий Никитин прибыл в Бахманийское государство, внешне оно переживало свой наиболее блестящий период. Во главе государства стоял Мухаммед-шах III. Варварская пышность его двора как нельзя лучше показана Афанасием Никитиным, имевшим возможность видеть выезд Мухаммед-шаха.

«На бусурманский байрам [праздник] выехал султан на прогулку, и с ним 20 великих везиров да 300 слонов, наряженных в булатные доспехи с городками, а городки окованы. В городках же по 6 человек в доспехах, с пушками, да с пищалями, а на великом слоне 12 человек. На каждом слоне по 2 больших знамени, а к клыкам привязаны большие мечи... к хоботам же привязаны тяжелые железные гири, да большой железный крюк, которым он правит. Да выехало простых коней тысяча в золотой сбруе, да 100 верблюдов с литаврами, да 300 трубников, да 300 плясунов, да 300 рабынь. А на султани кафтан, весь унизан яхонтами, да на шапке шишак — огромный алмаз, да золотой сайдак с яхонтами, да на нем же 3 сабли, окованы золотом, да седло золотое. А перед ним бежит кафир, играет зонтиком, а за ним много пеших. За ним же слон выученный идет, наряжен весь в камку, с большой железной цепью во рту, — и он отбивает ею людей и коней, чтобы не подступали близко к султану. А султанов брат сидит на золотых носилках, и над ним

бархатный балдахин, с золотой вершушкой с яхонтами. И несут его 20 человек. А государь сидит на золотых носилках, а балдахин над ним шелковый с золотой вершушкой. И везут его на 4 конях в золотых сбруях. Да около него великое множество людей, а перед ним идут певцы и много плясунов. И все с обнаженными мечами и саблями, со щитами, с копьями да с луками прямыми и большими; а кони все в доспехах, и на них сайдаки. Иные же идут все голыми».

Всесильным везиром Мухаммед-шаха был выходец из Хорасана Махмуд Гаван, носивший титул малик-ут-туджара, несколько раз упоминаемый Афанасием Никитиным под именем Меликтучара и Меликчана. О богатстве и силе Махмуда Гавана Афанасий Никитин писал:

«А у Меликтучара каждый день за стол садится по 500 человек. И с ним, за его трапезой, садится 3 везира, а с везиром по 50 человек, да 100 человек присяжных бояр. У Меликтучара на конюшне 2 тысячи коней; да тысяча оседланных, стоят готовыми день и ночь, да на конюшне же 100 слонов. Каждую ночь двор его стерегут 100 человек в доспехах, да 20 трубников и 10 литавристов, да по 2 человека бьют в 10 больших бубнов».

Махмуд Гаван, прибыв в Бидар как хорасанский купец, поступил на службу к правившему в это время Алауддину Бахмани (1435—1457). Он сразу попал в круг придворной знати, продолжая одновременно вести крупную торговлю.

При сыне Алауддина, Хумаюне, Махмуд Гаван уже стал первым вельможей в государстве. Он был назначен на пост главного везира (вакил-и-салтанат). Одновременно, как в своё время Халафу Хасану, ему был дан титул малик-ут-туджара.

Влияние Махмуда Гавана особенно выросло, когда он стал членом регентского совета при малолетнем шахе Мухаммеде III (1463—1482), посаженном на престол, когда ему было 9 лет. Махмуд Гаван был фактическим правителем государства вплоть до своей гибели в 1481 г.

Махмуду Гавану приписывается ряд мероприятий, направленных к усилению шахской власти. Как рассказывает Фиришта, он удвоил количество тарафов, выделил в каждой тарафе земли, с которых земельный налог стал собираться непосредственно в шахскую казну, у тарафдаров были отняты все крепости, кроме одной, и был введён

контроль за тем, чтобы иктадары содержали полностью то количество кавалерии, которое они обязаны были содержать соответственно своему рангу.

Из 8 тарафов, на которые теперь было разделено Бахманийское государство, часть была передана феодалам из «иностранцев». Один из тарафов был отдан приёмному сыну Махмуда Гавана, что ещё более увеличило влияние и без того всесильного везира. Он стал богатейшим феодалом Бахманийского государства. Свои богатства он приумножал торговлей, используя при этом свою власть феодала.

Афанасий Никитин, рассказав о походе бахманийских войск в Конкан, пишет:

«А Низам-ал-мульк, да Мелик-хан, да Фархад-хан взяли 3 больших города и рати с ними было своей 100 тысяч да 50 слонов. Да взяли камня всякого дорогого огромное количество, и все то камень, да яхонты, да алмазы скупил для Меликтучара; он запретил мастерам продавать их купцам, которые пришли в город Бидар...»

Награбленные богатства Махмуд Гаван тратил на содержание двора, по пышности мало уступавшего шахскому, содержание собственной многочисленной армии, на подарки шаху, которыми он покупал его милости. Фирришта рассказывает, что в одно из посещений его дома шахом Мухаммедом Махмуд Гаван подарил ему 50 блюд, величины достаточной, чтобы положить на них ягнёнка, наполненных драгоценными камнями, сто рабов, сто арабских, сирийских и малоазиатских коней, сто прекрасных китайских фарфоровых сосудов и сделал столь же ценные подарки шахским сыновьям и вельможам.

Чтобы прославиться, Махмуд Гаван тратил большие средства на постройку различных общественных сооружений. В частности, им была построена в Бидаре духовная школа, медресе, для которой он создал богатую библиотеку рукописей.

Реформы, которые провёл Махмуд Гаван, подрывали мощь бахманийских тарафдаров и вызывали среди них крайнее недовольство. Против Махмуда начали вестись опасные для него интриги при шахском дворе. Чтобы сохранить своё влияние и вместе с тем держать подальше от двора враждебных ему феодалов, Махмуд Гаван поощрял воинственное тщеславие в своём молодом повелителе.

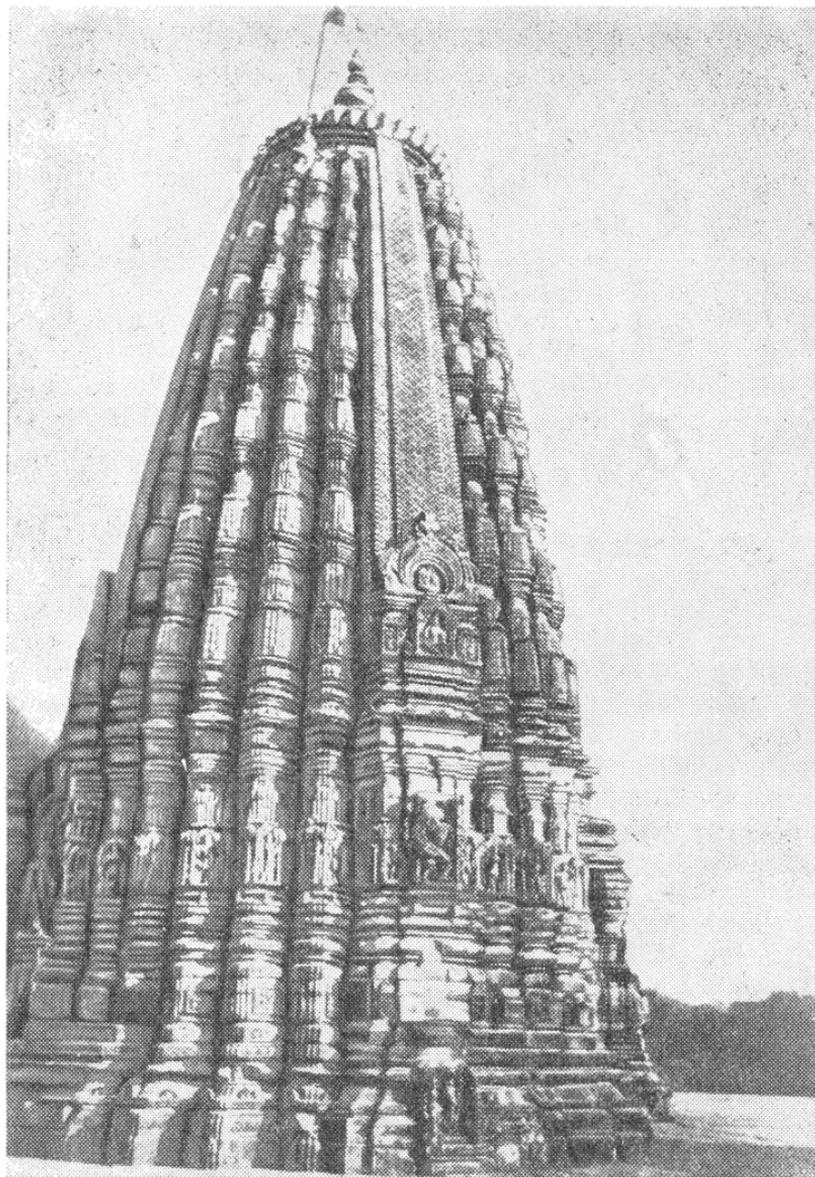
Одна война сменяла другую. Только в течение тех лет, которые Афанасий Никитин провёл в Индии, Махмуд Гаван водил армии в Конкан (1469), на Виджаянагар (1470) и Ориссу (1471). Как всегда, наиболее тяжёлыми войнами были войны с Виджаянагаром.

В 1530 г., после продолжительного правления, умер махараджа Кришна Дева Райя. При нём Виджаянагар, несмотря на ряд тяжёлых поражений, понесённых от бахманиев, являлся в глазах итальянского путешественника Николо Конти и других лиц, посетивших эту страну, самым богатым государством Индии. Они рассказывают нам о пышности царского двора, о прекрасных дворцах столичной знати, об оживлённой торговле виджаянагарских городов, но они ничего не сказали, да это и не интересовало их, о жизни народа, трудом которого создавались все эти богатства. Между тем, в правление Дева Райи эксплуатация крестьян и ремесленников достигла своих пределов, и это вызвало резкое обострение классовых противоречий.

История не оставила нам прямых свидетельств о борьбе угнетённых масс со своими феодалами. Но косвенным доказательством того, что она была, и при этом в весьма острых формах, являются свидетельства о смуте, охватившей государство, лишь только Дева Райя умер.

Период народных волнений, а возможно и восстаний, длился в течение нескольких десятков лет. На поверхности политической жизни, отражённой в эпиграфических памятниках, это представляется калейдоскопом имён виджаянагарских царей, сменявших один другого, пока на престоле не воцарился Нарасимха. Это был правитель области к востоку от столицы государства.

Португалец Нуниш, говоря об этом перевороте, писал: «Один из капитанов по имени Нарасимха, который был некоторым образом близок царскому дому, видя образ жизни царя и зная, сколь будет плохо для государства, если будет жить и править такой государь, решил, пока ещё не всё потеряно, напасть на него и захватить его землю. Нарасимха решил действовать немедленно. Он обратился к капитанам и вельможам с письмами, в которых указал им, как плохо для них не иметь над собой царя, который мог бы управлять ими так, как это должно. Он указал им также, что не будет удивительно, если царь через своё дурное управление потеряет даже больше, чем

Храм в южной Индии.

его отец. Он сделал им богатые подарки, чтобы привлечь на свою сторону, и когда к нему присоединилось таким образом много людей, он приготовился напасть на Бис-

нага, где жил царь. Когда царю рассказали о восстании Нарасимхи, как он продвигается вперед, захватывает земли и как много людей присоединяется к нему, царь, казалось, совершенно не представлял себе, что он терял... Один из начальников армии Нарасимхи подошёл к самым воротам Биснага, и ни один человек не встал на защиту дворца».

Нуниш рассказывает, что царь увидел опасность только тогда, когда этот начальник вошёл в его гарем. Царь бежал из дворца, и никто даже не счёл нужным преследовать его.

Повидимому, как это явствует из текста Нуниша, Нарасимха и многие другие феодалы, напуганные народным движением, решили свергнуть ненавистную династию и под этим лозунгом повернуть движение в безопасное для них русло, взяв руководство движением в свои руки.

Махмуд Гаван, фактически правитель Бахманийского государства, используя положение, создавшееся в Виджаянагаре, начал с ним войну. Свидетелем выступления бахманийских войск был Афанасий Никитин. «Меликтучар, — пишет он, — пошел завоевывать великое индийское княжение Виджаянагара». Далее Никитин сообщает численность войск, двинутых в этот поход. Цифры, приводимые им, несомненно, преувеличены, но они показывают, насколько значительны были военные усилия бахманиев, и косвенно бросают свет на размеры виджаянагарского войска.

Бахманиям снова не удалось взять столицы государства. По этому поводу Никитин пишет: «И война им не удалась, один город индийский взяли, а людей погибло много, да и казны истратили много. А индийский же султан Кадам очень силен, и рати у него много, а сидит на горе в Виджаянагаре. И город у него весьма велик, около него 3 рва, да сквозь него течет река; а по одну сторону города злая лесная дебрь, по другую же сторону подошла долина, весьма чудная местами и пригодная на все. На ту сторону прийти неоткуда, дорога сквозь город, и города взять неоткуда, подошла великая гора да дебрь злая. Под городом и стояла рать месяц, и люди умирали от безводия, и много людей погибло от голода да от безводицы; а на воду смотрят, да взять неоткуда. Город же индийский взял ходжа Меликтучар, а взял его силою, день и ночь бился с городом, 20 дней рать не пила,

не ела, стояла под городом с пушками. А рати его погибло 5 тысяч отборных людей. И когда город взяли, то убили 20 тысяч мужского и женского поголовия, да 20 тысяч человек, взрослых и малых, взяли в плен. А продавали пленных по 10 денег за голову, а за иную по 5 денег, а ребят по 2 деньги. Казны же не было ничего. А большого города не взяли».

Однако войну в целом нельзя считать неудачной. Нам известно, что Махмуд Гаван отнял у Виджаянагара ряд богатых портов, среди них крупнейшим были Гоа и Дабул, а ещё до прихода Афанасия Никитина был взят Чаул.

Возможно, что именно взятие Дабула и Гоа имел в виду Никитин, когда писал: «Меликтучар взял два индийских города, которые разбойничали по Индийскому морю. И захватил 7 князей и их казну: выюк яхонтов, да выюк алмазов и рубинов, да 100 выюков дорогого товара. А другого товара рать его захватила без числа. И стоял он под городом 2 года, а рати с ним было 200 тысяч, да 100 слонов и 300 верблюдов».

Военные успехи не остановили кризиса, нараставшего в государстве Бахманиев. Наоборот, они обострили его, привели к распаду Бахманийской державы. Войны, сопровождавшиеся безудержным грабежом, насилием, обогащали отдельных феодалов, но опустошали в то же время государственную казну. Чтобы наполнить её, государство самым жестоким образом обирало народ. Вражеские армии, да и свои также, вытапывали посевы, грабили, уничтожали сотни селений, разрушали ирригационные сооружения. Люди бросали всё и бежали на север, в Гуджерат, в Мальву и в другие княжества. Фирришта говорит, что в государстве некому стало сеять хлеб.

В феодальных верхах обострилась борьба за раздел прибавочного продукта. Деканская группа феодалов усилила борьбу против «иностранцев», возглавлявшихся Махмудом Гаваном. Победа означала для них захват власти и перераспределение владений в свою пользу. И это им удалось, они сумели разделаться с Махмудом Гаваном, показав шаху Мухаммеду подложное письмо, изображающее великого везира в измене. Шах, тяготясь опекой Махмуда Гавана и завидуя его богатству, велел казнить везира, отказавшись выслушать хотя бы одно слово оправдания.

Вскоре после гибели Махмуда Гавана (1481) крупнейшие тарафдары один за другим стали объявлять себя независимыми правителями. В 1484 г. отделился Берар, в 1489 г. Биджапур, в 1490 г. Ахмаднагар, в 1518 г. Голконда. Государство Бахманиев прекратило своё существование.

После распада государства Бахманиев Виджаянагар стал крупнейшей державой в Индии. Правитель Виджаянагара Кришна Дева Райя (1509—1530), используя создавшееся преимущество, атаковал Райчур.

Биджапурский князь, новый хозяин Райчура, пытался спасти осаждённую крепость, но безуспешно. Он был наголову разбит виджаянагарскими войсками. После этой победы Кришна Дева Райя овладел всем райчурским районом, из-за которого велось столько кровопролитных войн между Бахманиями и виджаянагарскими правителями. Виджаянагар находился теперь в зените своей мощи. Его войска появлялись у самой столицы Биджапура. Кришна Дева Райя считал себя полновластным господином всего Декана. В 1530 г. Кришна Дева задумал новую войну с Биджапуrom, однако умер, не осуществив своего намерения.

При его преемнике Рама Райе Виджаянагар продолжал оставаться крупнейшим государством Индии. Но в начале 60-х годов XVI в. биджапурский князь создал коалицию против Виджаянагара, в которую вошли князья Голконды, Бидара и Ахмеднагара. В декабре 1564 г. союзники двинулись на Виджаянагар.

Узнав о выступлении деканских князей, Рама Райя выступил навстречу с огромной армией, состоявшей, по свидетельству историка Фиришты, из 900 тыс. пехоты, 45 тыс. кавалерии и 2 тыс. слонов.

23 января 1565 г. противники встали друг против друга под Таликотом. У противников Рама Райи армия была вдвое меньше, и виджаянагарский князь был вполне уверен в победе. Действительно, сначала виджаянагарцам удалось потеснить деканцев, однако вскоре картина боя изменилась. Залп из орудий союзников, сделанный в упор по наступавшим виджаянагарцам, скошил их центр. Это внесло замешательство в войска Рама Райи, а неожиданная измена среднеазиатских наёмников превратила замешательство в панику. Рама Райя бросился на своём боевом слоне в гущу боя, надеясь остановить бегущее войско,

но сам был окружён деканцами и захвачен в плен. Ахмеднагарский князь, к которому был приведён пленный раджа, тут же приказал отрубить ему голову.

Преследуя бегущую виджаянагарскую армию, союзники ворвались в столицу Виджаянагара и, вырезав всех, кто не успел бежать, разрушили до основания весь этот огромный город.

Таков был конец могущественной державы, просуществовавшей свыше трёхсот лет. Так же, как государство Бахманиев, Виджаянагар распался на ряд мелких независимых княжеств.

Почти одновременно с распадом государства Бахманиев и гибелью Виджаянагара на севере Индии прекратил своё призрачное существование и Делийский султанат. Последний после отпадения Декана, Бенгала и ряда других областей превратился в XV в. в жалкий обломок некогда огромной державы.

В 1526 г. в Индию вторгся из Средней Азии смелый завоеватель Захируддин Бабур, бывший эмир Ферганы. В бою под Панипатом, неподалёку от Дели, Бабур без труда разбил войско последнего делийского султана Ибрагима Лоди, взял Дели и положил начало династии, вошедшей в историю под именем династии Великих Моголов.

В последние десятилетия XVI в. в Индии под управлением этой династии возникла новая огромная держава, в дальнейшем объединившая политически почти всю страну. Эти события относятся, однако, к иной, более поздней эпохе и не имеют уже отношения к Афанасию Никитину и его времени.

Заключение

При изучении истории средневековой Индии до XV в. включительно историки натолкнулись на серьёзные затруднения — обнаружилось, в частности, что среди письменных памятников этой эпохи очень мало так называемых нарративных, т. е. повествующих о совершившихся событиях, источников.

Тем ценнее становилось каждое свидетельство, сохранившееся с того далёкого времени. Среди них одно из самых первых мест заняло правдивое, содержательное повествование Афанасия Никитина.

Афанасий Никитин первый сказал и написал об Индии правду, и почти одну только правду; он нанёс серьёзный удар по детскому вымыслу, продиктованному наивным воображением средневекового человека. Никитин, по существу, изложил в реалистических образах и удачных обобщениях богатый опыт своего личного знакомства с Индией и индийцами.

Можно ли во всех подробностях восстановить историю жизни этого замечательного человека? К сожалению, его биографию, как и биографию многих других выдающихся людей средних веков, восстановить нельзя. Мы, например, не знаем, когда Никитин родился, в каком возрасте он совершил своё «Хождение за три моря» и скольких лет он умер. Даже хронологические рамки самого путешествия

(1466—1472) и те удалось установить лишь путем искусственного сопоставления И. Срезневским нескольких определённых астрономическими выкладками дат, косвенно упомянутых в сочинении Афанасия Никитина.

Ничего не знаем мы и о последнем этапе жизни Никитина, и вряд ли когда-нибудь станет известно, при каких обстоятельствах автор «Хождения за три моря» окончил свой жизненный путь. Правда, заключительные страницы этого произведения посвящены рассказу (предельно лаконичному, но весьма наглядно отражающему необыкновенные условия путешествия в XV в.) о возвращении Никитина в родные края. Из рассказа мы узнаем, что Афанасий Никитин после длительного пребывания в Индии «устремился умом пойти на Русь». Пройдя немало городов Декана, посетив прославленную своими алмазами Голконду, он дошёл до Дабула, «пристани великого Индийского моря». Здесь в 1472 г. он сел на индийский корабль и, «сговорившись о корабельной плате», покинул берега страны, которую он изучал прилежно, с пристальным вниманием, которую он, как никакой другой европеец его времени, успел узнать и полюбить. Ему, никому неизвестному чужестранцу, удалось найти здесь много искренних друзей, которые, как он писал с чувством законного удовлетворения, «не стали от меня таиться ни в чем: ни в еде, ни в торговле, ни в молитве, ни в иных вещах».

Корабль взял курс на Ормуз, но ветрами его прибило к африканскому берегу, и лишь преодолев многие невзгоды и злоключения, наш путешественник достиг Иранской земли. Пройдя через Иран и восточную Турцию, Никитин дошёл «до третьего моря, до Чёрного», в приморский город Трапезунд. Здесь он снова сел на корабль, пересек море и высадился, наконец, в Кафе, в Крыму.

Отсюда было уже относительно близко до русских рубежей. Но дальнейший путь Никитина не нашёл отражения в его произведении. Известно лишь, что он, направившись из Крыма на север, в Тверь, не дошёл до родного города и умер где-то близ Смоленска.

Таким образом, из «Хождения» мы ничего не можем узнать о последних днях Никитина. Не рассказал он потомкам и о том, как складывалась его личная жизнь до того знаменательного дня, когда он отправился в Индию.

И, тем не менее, на основе его произведения можно в известной мере воссоздать образ автора, выделить наибо-

лее важные биографические черты. Анализируя текст «Хождения», мы постепенно знакомимся не только с любопытнейшим описанием Индии, но и с незаурядной личностью нашего путешественника. Мы узнаём, что он обладал смелым, горячим сердцем и проницательным, правдивым умом. И мы убеждаемся в том, что ему было присуще высокое чувство тревоги за судьбу родины, что для него, проникшего в неведомую глубину Азии, самым дорогим была и осталась родная земля.

Из биографии Никитина можно восстановить только последние шесть лет его жизни, запечатлённые в «Хождении за три моря». Но общий его нравственный и умственный облик, его знания, кругозор и профессиональные навыки выступают достаточно ясно при внимательном изучении его в значительной мере автобиографического произведения.

Прежде всего мы можем отметить, что Никитин обладал весьма обширным для своего времени географическим кругозором. В «Хождении» перечислены, по сути дела, все главные страны, известные хотя бы понаслышке европейцам середины XV в. При этом значительная и весьма важная часть этих стран была знакома Никитину не только по рассказам, но и по личному опыту. Закавказье, Иран, Индия в той или иной степени были практически изучены Никитиным. Весьма вероятно, что он побывал не только в Поволжье, но и в Средней Азии — иначе где бы он мог выучиться татарскому и «парьсийскому» языкам, которыми он так широко пользуется в своем «Хождении». Египет, Ирак, Сирия, Аравия — всё это страны, известные Никитину в климатическом и торговом отношении. Мы не беремся утверждать, что он побывал в них во всех, или в части из них; но нельзя не обратить внимания на то, как он повествует о климатических условиях в арабских областях Азии: «В Вавилоне (Багдаде) знойно, тоже в Хумсе и Дамаске. В Алеппо же не так знойно». Если вспомнить, что пути в Сирию, Палестину и на Синай были известны русским людям с глубокой древности, то данные Никитина скорее говорят о его личном опыте, нежели о желании сообщить читателю нечто новое с чужих слов. Никитин знал, однако, не только Ближний и Средний Восток — ему, отчасти по опыту, отчасти по расспросным сведениям, был знаком путь из Персидского залива (Ормуз) и вдоль западного берега

Индии на Цейлон, и дальше через Пегу в южной Бирме и Палембанг (Шабат) на Суматре, в Китай. Как считает А. Зайончковский, в «Хожении» речь идёт о последовательном перечислении главных портовых пунктов морского пути Индия — Китай (Чин и Мачин) и характеристике этих пунктов в торговом отношении.

Тесно связаны с географической осведомлённостью Никитина его языковые и профессиональные познания. Автор «Хожения», по мнению А. Ю. Завадовского, хорошо владел татарской и таджикской («парьсийской») речью. Возможно, что он поверхностно ознакомился с некоторыми языками Индии. В «Хожении» наряду с целыми предложениями, записанными на таджикском, разбросано около 30 или 40 индийских слов. Во всяком случае Никитин прибегал к известным ему восточным языкам каждый раз, когда он, по тем или иным соображениям, находил это удобным или необходимым. Высокие гражданские чувства и горячую любовь к родине Никитин выразил двумя краткими фразами, пользуясь татарским и таджикским языком, чтобы скрыть, зашифровать своё отрицательное отношение к «недобрым вельможам» на Руси. Вместе с тем Никитин часто пользуется восточными терминами, приводя названия восточных товаров, географических пунктов, животных и растений, титулов, монет и т. п.

А. Зайончковский показал, что восточный словарь Никитина не случайность или прихоть (как это считал И. П. Минаев), и не только средство скрыть свои наиболее сокровенные мысли; знание восточных языков было просто необходимо Никитину, который пользовался ими в порядке профессиональном, как опытный и бывалый купец-путешественник.

Однако самой ценной чертой характера автора «Хожения за три моря» является всё же не его разносторонняя осведомлённость и не его деловитость, а его своеобразный гуманизм. Вспомним ещё раз о фанатической ненависти, которую питали португальские завоеватели к «языческим» народам Африки и Азии, и сопоставим это с той человечностью, которой отличаются многие высказывания Никитина. Человек, воспитанный в душной атмосфере средневековых предрассудков, Никитин, тем не менее, не проявляет даже намёка на пренебрежение к инаковерующим. «А правую веру бог ведает», — пишет он. Хорошо знакомый с установлениями ислама, он с особым вниманием

дытается изучить новую, неведомую ему религию — индуизм. «Я расспросил всё о их вере», — отмечает Никитин в своем «Хождении».

При анализе произведения Никитина нам бросается в глаза и другое замечательное качество нашего автора — его искренность, его необычайная правдивость и требовательность к самому себе. Его религиозные переживания на чужбине, переданные нам с захватывающей выразительностью, по существу являются своеобразной самопроверкой. Никитин встревожен и озабочен мыслью о том, не отступил ли он от сокровенных своих убеждений и верований, не нарушил ли он предписаний религиозного порядка. В глазах Никитина перемена или утрата веры в её русско-православном виде явилась бы изменой родной земле; отречение от православия, чего требовал от Никитина один из влиятельных сановников Бахманийского государства, представляется Никитину, человеку средних веков, как утрата принадлежности к Руси. И поэтому Никитин остаётся твёрд и непоколебим. С гордостью он пишет: «Уже прошли 4 Великих дня [т. е. дни пасхи на протяжении 4 лет] в бусурманской земле, а христианства я не оставил». И потрясённый воспоминанием об этом тяжком испытании, Афанасий Никитин воспроизводит картину ночного неба, к которому он обратил свои взоры, охваченный чувством одиночества и тоски по далёкой родине: «В бусурманской Индии, в великом Бидаре, смотрел я на великую ночь: на Великий день Плеяды и Орион вошли в зорю, а Большая Медведица головою стояла на восток».

Мы должны, следовательно, отметить и литературный талант Никитина, ибо здесь и в ряде других мест он поднимается до подлинных вершин литературного мастерства, до реалистического отображения собственных чувств и переживаний. Существует мнение, что «Хождение за три моря» — черновая запись путевого дневника, и только. Этого мнения придерживались такие выдающиеся знатоки «Хождения», как индолог И. Минаев и историк И. Срезневский. Этого же мнения придерживается советский учёный В. П. Адрианова-Перетц, знаток древнерусской литературы.

Однако анализ произведения Никитина говорит об ином. Мы вряд ли ошибёмся, если скажем, что «Хождение», написанное на основании отрывочных записей, а от-

части по памяти, является по существу плодом единого литературного замысла, осуществлённого после возвращения из путешествия за три моря, т. е. где-то по дороге в Смоленск. В этом можно убедиться, ознакомившись с помещённым в конце нашей книги текстом «Хожения». Характерно само начало повествования, где сразу перечислены основные этапы пути («три моря» — Хвалынское, Индийское и Чёрное — в порядке посещения их Никитиным). Не менее показательно и другое обстоятельство: многие мысли Никитина, значение которых могло стать неприемлемым только на русской территории, зашифрованы им восточными словами; сошлёмся на уже упомянутый пример: «вельможи Русской земли не добры». Весьма искусно вплетены в текст лирические отступления, нередко являющиеся воспоминанием об угрожавших автору, но окончившихся благополучно событиях. Особенно наглядно это выступает в жалобе Никитина: «И куда я пойду из Индостана: на Ормуз пойти, а из Ормуза на Хорасан — пути нет, и на Чагатай пути нет, и на Бахрейн пути нет, и на Иезд пути нет. Везде происходит мятеж... А на Мекку пойти, значит обратиться в бусурманскую веру. ...Жить же в Индостане — значит израсходовать всё, что имеешь...» Автор не хочет расставаться с памятью об этих пережитых им, полных тревоги часах и сохраняет все эти переживания и соображения не только для себя, но и для читателя, хотя реальные трудности оказались успешно преодоленными.

Да и сама манера Никитина излагать, где это требуется, факты, охватывающие значительные отрезки времени, иногда многие месяцы, показывает, что речь идёт о давно совершившемся времени, а не о текущей записи в дневнике.

Взять хотя бы первые страницы «Хожения», в которых описывается начало путешествия. Рассказ охватывает самые разнообразные события, случившиеся по пути через русские земли, Каспий, Закавказье, Иран, и подводит нас к рубежам Индии. После этого введения, изложенного как бы единым дыханием, начинается размеренный, эпически простой и необыкновенно точный отчёт о делах индийских.

«Хожение за три моря» производит впечатление мемуаров, которым придана сознательно задуманная автором форма.

Вот почему в произведении Никитина нашёл своё отражение умственный и нравственный облик передового человека русского общества XV в.

Как писатель Никитин вырабатывает новый для его времени стиль, придав изложению точный, конкретный характер, широко используя живой русский язык в своём повествовании. Никитин отказывается от формального воспроизведения виденного и критически излагает факты, нередко пытается дать оценку сложным явлениям общественного и нравственного порядка, тем самым делая новый шаг в развитии русского литературного творчества средних веков.

Поразительна, например, его оценка феодальных верхов бахманийского общества: «Повсюду знахарство, воровство, ложь и зелье, которым травят господарей». Ещё более замечательна его краткая характеристика социальных отношений в бахманийской Индии: «Земля весьма многолюдна; сельские люди очень бедны, а бояре богаты и роскошны». Ни один европейский путешественник XV—XVI вв. не писал таких строк о Востоке.

И здесь в заключение следует обратить внимание на обстоятельство, помогающее подвести известный итог в отношении Никитина и его произведения.

В своём «Хожении» Афанасий Никитин относится к Индии как к стране, заслуживающей самого тщательного и разностороннего описания, как к чему-то совершенно новому, или, во всяком случае, мало известному, для русского общества XV в.

Поэтому Никитин говорит обо всём, что он видел и испытал в Индии. Сжато и ярко он повествует о внешнем виде населения, о его богатстве и нищете, о торговле, о климате, сельском хозяйстве, одежде, пище, о вооружении и устройстве войска, о военных походах, о придворных нравах, церемониях и охотах, о порядках в столице бахманийского царства, о столичном обществе, о бытовых и религиозных обычаях индусов.

Никитин выступает в своём «Хожении за три моря» как подлинный открыватель громадной неведомой страны, как человек, со всей откровенностью и правдивостью повествующий русскому обществу о виденном и вместе с тем о собственных сложных личных переживаниях.

Никитин как автор, путешественник и наблюдатель мог появиться только на определённом уровне развития рус-

ского общества. А произведение Никитина могло возникнуть лишь в условиях, когда уже упрочились ближневосточные связи русских торговых людей, когда не только представление о Ближнем Востоке стало уже достаточно привычным, но имелось уже немало путевых описаний тех мест. Теперь можно было ждать нового шага решительного и передового человека в сторону неизвестного и неизведанного. Этим шагом и явилось путешествие Афанасия Никитина в Индию. Так возникло поразительное по своей жизненности, пытливости и душевной силе произведение, которое мы называем «Хожением за три моря».

Последствия от труда А. Никитина дали о себе знать далеко не сразу. Как и многие другие великие открытия, труд Афанасия Никитина долгие годы оставался под спудом. Лишь в начале XIX в. историки (Карамзин и др.) поняли, какой драгоценный памятник русской культуры представляют собой сжатые и выразительные страницы «Хожения». А через несколько десятилетий, вслед за Карамзиным, наш учёный И. И. Срезневский в своей работе «Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг.», изданной в Петербурге в 1857 г., дал первый научный труд, определивший место сочинения неизвестного дотоле русского странника в числе лучших европейских источников по истории Индии.

Самую крупную роль в раскрытии подлинного значения сочинения Никитина сыграла, однако, другая работа, а именно, книга выдающегося востоковеда-индолога Ивана Павловича Минаева, озаглавленная им «Старая Индия» и вышедшая в свет в 1881 г. в Петербурге. Минаев, прекрасно знакомый с Индией, сам совершивший в неё три путешествия, был вооружён разнообразными знаниями филолога, историка, публициста, которые и позволили ему дать верную и всестороннюю оценку «Хожению за три моря». Немало из сказанного Минаевым ныне уже устарело, но главное сохранило до сегодняшнего дня свою научную ценность. Минаев проследил шаг за шагом весь путь Никитина по Индии, снабдил своими пояснениями высказывания Никитина и сопровождал их интересными, порой очень глубокими и убедительными догадками. Минаев не дал, однако, ответов на ряд важных и запутанных вопросов, относящихся к самой Индии времён Никитина и к многим текстам и непонятным местам в самом сочинении.

На ряд этих вопросов был дан исчерпывающий ответ уже в наше время, в подробном комментарии И. П. Петрушевского, в новом издании «Хождения», выпущенного в 1948 г. издательством Академии наук СССР.

На западноевропейские языки «Хождение» стали переводить уже с 30-х годов XIX в. В 1835 г. вышел его немецкий перевод; в 1857 г. появился английский. В XX веке сочинение Афанасия Никитина служило предметом исследований советских, немецких, чешских, польских историков и языковедов. Особенно ценны для нас недавно вышедшие работы польского ученого А. Зайончковского, а также советского востоковеда Ю. Завадовского, посвященные восточным элементам в языке «Хождения». В последние годы сочинение Никитина привлекло к себе внимание индийских учёных, занимающихся историей индийско-русских отношений.

Так «Хождение за три моря», как исторический источник и как литературный памятник, прочно вошло в научный обиход.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ АФАНАСИЯ НИКИТИНА

Сокращённый текст перевода на современный русский язык по академическому изданию 1948 г. При редактировании текста были внесены исправления, главным образом на основе исследований польского учёного А. Зайончковского и советского востоковеда Ю. Завадовского.

Написал я грешное свое хождение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское, второе море Индийское — море Индостанское, третье море Черное — море Стамбульское.

Пошел я от святого Спаса златоверхого, с его милостию, от великого князя Михаила Борисовича и от владыки Геннадия тверских на низ, Волгою. Придя в Калязин... пошел на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру. И князь великий всея Руси, снабдив другой грамотой, отпустил меня свободно. Также свободно пропустили меня и на Плесо в Нижний Новгород, к наместнику Михаилу Киселеву и к пошлиннику Ивану Сараеву.

Василий Панин тогда уже проехал, а я ждал еще в Новгороде недели две татарского ширваншахова посла Хасан-бека. Он ехал от великого князя Ивана с кречетами, а их у него было девяносто. И поехал я с ним на низ Волгою. Проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай, Берекезан.

И въехали мы в реку Бузань. Тут нам повстречались 3 поганных татарина и сообщили ложные вести, будто в Бузани стережет купцов хан Касим и с ним 3 тысячи татар. Ширваншахов посол Хасан-бек дал им тогда по одnorядке и по куску полотна, чтобы они провели нас мимо Астрахани. Татары же по одnorядке взяли, а весть астраханскому царю подали. Я покинул свое судно и перешел с товарищами на судно к послу. Поехали мимо Астрахани, а месяц светит. Царь нас увидел, а татары кричали нам: «Не бегите!» И царь послал тогда за нами всю свою орду, и, за грехи наши, настигли нас на Бугуне, застрелили у нас человека, а мы у них двух.

Наше малое судно остановилось на езу, они взяли его и тотчас разграбили; а моя вся поклажа была на малом судне.

Большим же судном мы дошли до моря и встали в устье Волги, сев на мель. Татары тут нас взяли и тянули судно назад, до еза. Здесь они наше большое судно отобрали, взяв также и четырех русских, а нас отпустили ограбленными за море. Вверх же они нас не пропустили для того, чтобы мы не подали вести.

И пошли мы к Дербенту в двух суднах: в одном судне посол Хасан-бек с иранцами да нас, русских, всего 10 человек, а в другом судне 6 москвичей да 6 тверичей. На море нас захватила буря. Малое судно разбило о берег, людей же с него поймали кайтаки.

Когда мы пришли в Дербент, то оказалось, что Василий пришел благополучно, а мы пограблены. И бил я челом Василию Панину и ширваншахову послу Хасан-беку, с которым пришли, чтобы они просили о людях, пойманных кайтаками под Тарки. И Хасан-бек хлопотал; он ездил на гору к Булат-беку, который послал скорохода к Ширваншах-беку с известием, что русское судно разбило под Тарки и что кайтаки поймали людей с него и разграбили их товар. И Ширваншах-бек тотчас отправил посла к своему шурину Халиль-беку князю кайтакскому: что судно, дескать, мое разбило под Тарки и твои люди, придя, людей поймали, а товар их разграбили, и ты бы, ради меня, людей ко мне прислал и товар их собрал, потому что те люди посланы ко мне; а что тебе нужно будет от меня, и ты ко мне пришли, и я тебе, своему брату, за то не постую, только бы ты отпустил их ради меня свободно. И Халиль-бек тотчас отослал всех людей свободно в Дербент, а оттуда послали их к Ширваншаху в орду его...

Мы также поехали к Ширваншаху... и били ему челом, чтобы он нас пожаловал, чем нам дойти до Руси. И он нам не дал ничего, так как нас было много. И мы, заплавав, разошлись кто куда: у кого было что на Руси, и тот пошел на Русь; а кто был должен там, тот пошел, куда глаза глядят; другие же остались в Шемахе, а иные пошли работать в Баку.

А я пошел в Дербент, а из Дербента в Баку, где огонь горит неугасимый; а из Баку пошел за море в Чапакур, да тут и жил, в Чапакуре, 6 месяцев, да в Сари, в Мазандаранской земле, жил месяц. А оттуда пошел к Амулю и тут жил месяц; а оттуда — к Демавенду, а из Демавенда к Рею — тут убили шаха Хусейна алеевых детей и внучат мухаммедовых, и он их проклял так, что 70 городов развалилось. А из Рея пошел к Кашану и тут был месяц; а из Кашана к Найину, а из Найина к Иезду и тут жил месяц. А из Иезда к Сирджану, а из Сирджана к Таруму, где финниками кормят домашний скот, батман по 4 алтына. А из Тарума пошел к Лару,

а из Лара к Бендеру. И тут есть пристанище Ормузское; тут же есть Индийское море, по-персидски Индостанское море. И от туда идти морем до Ормуза 4 мили.

А Ормуз находится на острове, и ежедневно дважды заливает его море. Тут я встретил первый Великий день, а пришел я в Ормуз за 4 недели до Великого дня.

Выше я не все города назвал — много городов великих. Солнце в Ормузе палящее, может человека сжечь. А в Ормузе был месяц и пошел оттуда после Великого дня... за Индийское море в таве с конями.

И шли мы морем до Маската 10 дней; а от Маската до Дега 4 дня; а от Дега к Гуджерату; а от Гуджерата к Камбаю, тут родится индию; а от Камбая к Чаулу. От Чаула мы пошли в седьмую неделю после Великого дня, а шли до Чаула в таве 6 недель морем.

И есть тут Индийская страна, и люди ходят все голые: голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены... и детей у них много. Муж и жены все черны. Куда бы я ни пошел, так за мной людей много, — дивятся белому человеку. А князь их — фата на голове, а другая на бедрах; бояре у них ходят — плечи обернуты, а другой бедра. Слуги же княжие и боярские — фата на бедрах обогнута, щит да меч в руках, а другие с копьями, или с ножами, или с саблями, или с луками и стрелами. И все голые, босые и сильные.

Из Чаула пошли сухим путем до Пали, 8 дней, то индийские города; а от Пали до Умру 10 дней — это индийский город; а от Умри до Джунира 6 дней. И живет здесь джунирский, индийский Асад-хан, Меликтучаров холоп; говорит, что он держит от Меликтучара 7 тем. А Меликтучар имеет 20 тем; в течение 20 лет он бьется с кафирами, — то его побьют, то он их часто побивает. Хан ездит на людях; много у него и слонов и коней добрых. Много также у него людей — хорасанцев, а привозят их из Хорасанской земли, или из Аравийской, или из Туркменской и Чагатайской; привозят их все морем, в тавах — индийских кораблях.

И привез я, грешный, жеребца в Индийскую землю, дошел же до Джунира, благодаря бога, здоровым, — стоило мне это сто рублей. Зима у них началась с Троицына дня, а зимовали мы в Джунире, жили 2 месяца; в течение 4 месяцев, и днем и ночью, всюду была вода и грязь. Тогда же у них пашут и сеют пшеницу, да рис, да горох и все съестное. Вино приготавливают в больших орехах кокосовой пальмы, а брагу в татне. Коней кормят горохом и варят для них рис с сахаром и маслом; рано утром дают им еще рисовые лепешки. В Индийской земле кони не рождаются; здесь рождаются волы и буйволы. На них ездят и товар иногда возят, — все делают.

Город Джунир находится на каменном острове, который никем не устроен, а сотворен богом; один человек подымается на гору целый день, дорога тесна, двоим пройти нельзя.

В Индийской земле гости останавливаются на подворьях... Зимой у них люди ходят: фата на бедрах, а другая по плечам, третья на голове. А князья и бояре надевают тогда на себя портки, сорочку и кафтаны, и у них же фата по плечам, другою опоясываются, а третьей обертывают голову.

И в том же Джунире хан взял у меня жеребца. Когда же он узнал, что я не бусурманин, а русский, то сказал: «И жеребца отдам и тысячу золотых дам, только прими веру нашу, мухаммедову; если же не примешь нашей магометанской веры, то и жеребца возьму и тысячу золотых на твоей голове возьму». И учинил мне срок, 4 дня... В канун Спасова дня приехал хорасанец ходжа Мухаммед, и я бил ему челом, чтобы попросил обо мне. И он ездил к хану в город и уговорил его, чтобы меня в веру не обращали; он же и жеребца моего у него взял.

...Итак, русские братья-христиане, кто из вас хочет идти в Индийскую землю, тогда ты оставь свою веру на Руси и, призвав Мухаммеда, иди в Индостанскую землю.

Меня обманули лсы-басурмане: они говорили про множество товаров, но оказалось, что ничего нет для нашей земли. Весь товар белый только для бусурманской земли. Дешевы перец и краска. Некоторые возят товар морем, иные же не платят за него пошлин. Но нам они не дадут провезти без пошлины. А пошлина большая, да и разбойников на море много. А разбивают все кафиры, не христиане и не басурмане; молятся они каменным болванам, а Христа не знают.

И из Джунира вышли в день успения пречистой к Бидару, большому их городу, и шли месяц; а от Бидара до Кулунгира 5 дней, а от Кулунгира до Кульбарги также 5 дней. Между этими большими городами много других городов, каждый день встречалось по 3 города, а в другой и по 4; сколько ковов, столько и городов. От Чаула до Джунира 20 ковов, а от Джунира до Бидара 40 ковов, а от Бидара до Кулунгира 9 ковов, и от Бидара до Кульбарга тоже 9 ковов.

В Бидаре происходит торг на коней и на товар: на камки, на шелк и на всякий другой товар; можно купить на нем также черных людей. Другой купли здесь нет. А товар их весь индостанский. Съестной же — все овощи. На Русскую землю товара нет. Люди все черные и все злодеи... повсюду знахарство, воровство, ложь и зелье, которым морят господарей.

Во Индийской земле княжат все хорасанцы, и все бояре также хорасанцы. А индостанцы все пешие, ходят быстро, и все наги и босы, в одной руке имеют щит, в другой меч. А иные слуги ходят с большими и прямыми луками да стрелами. А бои у них все на слонах, а пеших пускают вперед: хорасанцы же на конях и в доспехах, и коки и сами. Слонам же к хоботу и к клыкам привязывают большие мечи кованые, весом по кентарю, одевают их в булатные доспехи и делают на них городки; а в каждом городке находится по 12 человек в доспехах, с пушками и стрелами.

Есть у них одно место, где однажды в году устраивается базар, куда съезжается вся Индийская страна торговать, и торгуют там 10 дней. От Бидара 12 ковов. А приводят коней, до 20 тысяч продают, и всякий другой товар свозят. В Индостанской земле это лучший торг; всякий товар продают здесь и покупают на память шейха Алаеддина, на русский праздник Покрова святой богородицы. Есть на том Алянде птица гукук, она летает ночью и кричит «гукук»; на которую хоромину она сядет, то тут человек умрет; а кто захочет ее убить, тогда у нее изо рта огонь выйдет... Обезьяны же живут в лесу, и есть у них князь обезьянский, ходит со своей ратью. И если кто их обидит, тогда они жалуются своему князю, и он посылает на того свою рать. И обезьяны, напав на город, дворы разрушают и людей побивают. Говорят, что рать у них весьма большая, и язык у них есть свой; детей они родят много, но которые родятся не в отца и не в мать — тех бросают по дорогам. Тогда индостанцы их подбирают и учат всякому рукоделью, некоторых же продают, но ночью, чтобы они не смогли убежать назад, а некоторых учат подражать лицедеям.

Весна здесь наступила с Покрова... Весна длится 3 месяца, и лето 3 месяца, и зима 3 месяца, и осень 3 месяца. В Бидаре же находится престол бусурманского Индостана. Город этот велик, и людей в нем много. Султан у них молод, всего 20 лет, а управляют князья и бояре — хорасанцы, воюют также все хорасанцы.

Есть здесь хорасанец Меликтучар боярин, — так у него рати 200 тысяч. А у Мелик-хана 100 тысяч, а у Харат-хана 20 тысяч. А у многих же ханов рати по 10 тысяч. С султаном рати выходит 300 тысяч. Земля весьма многолюдна; сельские люди очень бедны, а бояре богаты и роскошны; носят их на серебряных носилках и водят перед ними до 20 коней в золотых сбруях; и на конях же за ними 300 человек, да пеших 500 человек, да трубников 10, да литаврщиков 10 человек, да свирельников 10 человек. Султан же выезжает на потеху с матерью и с женой, да с ним на конях 10 тысяч человек, да пеших 50 тысяч. А слонов водят 200 человек, наряженных в золоченые доспехи. Да перед султаном идет 100 человек

трубников, да плясунов 100 человек, да коней простых 300 в золотых сбруях, да обезьян за ним 100...

В султанов дворец ведет семеро ворот, а в воротах сидит по сто сторожей да по сто писцов — кафиров: одни записывают, кто войдет, другие — кто выйдет; чужестранцев же во дворец не пускают. А дворец его очень красив, всюду резьба да золото, и последний камень вырезан и очень красиво расписан золотом; да во дворце же разные сосуды.

Город Бидар стережет по ночам тысяча человек, поставленных градоначальником, и ездят все на конях, в доспехах и с факелами. Жеребца своего я продал в Бидаре... кормил его год. В Бидаре же по улицам ползают змеи, длиною в две сажени.

Тут познакомился со многими индусами и объявил им, что я христианин, а не бусурманин, и имя мое Афанасий, по-бусурмански же ходжа Исуф Хорасани. Они не стали от меня таняться ни в чем, ни в еде, ни в торговле, ни в молитве, ни в иных вещах; жен своих также не скрывали.

Я расспросил все о их вере, и они говорили: веруем в Адама, а Буты, говорят, это есть Адам и весь его род. Всех же вер в Индии 84, и все веруют в Бута. Вера с верою не пьет, не ест, не женится; некоторые едят баранину, кур, рыбу и яйца, но воловины не ест никакая вера.

В Бидаре пробыл я 4 месяца и сговорился с индийцами пойти к Парвату — их Иерусалим, а по-бусурмански Мекка, где их главное идольское капище [бутхана]. Там же ходил с индийцами месяц до бутханы. Торг у бутханы 5 дней. А бутхана весьма велика, с пол-Твери, каменная, и вырезаны по ней бутовы деяния, всего вырезано 12 венцов, как Бут чудеса творил, как являлся индийцам во многих образах: первое — в образе человека; второе — в образе человека, но с хоботом слона; третье — человеком в образе обезьяны; четвертое — человеком в образе лютого зверя. Являлся им всегда с хвостом, а хвост на камне вырезан с сажень. К бутхане, на бутовы чудеса, съезжается вся Индийская страна. Около бутханы... бреют... бороды и головы. После идут к бутхане; с каждой головы берут пошлину на Бута — по 2 шекшени, а с коней по 4 футы. А съезжается к бутхане всех людей 20 тысяч лек, а бывает время, когда и 100 тысяч лек. Бут в бутхане вырезан из камня и весьма велик, хвост у него перекинут через плечо, а руку правую поднял высоко и простер, как царь Юстиниан в Царьграде, в левой же руке у него копье; а на нем нет ничего, — облик обезьяний... А перед Бутом стоит огромный вол, а высечен он из черного камня и весь позолочен. Его целуют в копыто и сыплют на него цветы; на Бута также сыплют цветы.

Индийцы совсем не едят мяса: ни яловчины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, — хотя свиней у них очень много. Едят же они 2 раза в день, а ночью не едят; ни вина, ни сыты не пьют. С бусурманами не пьют и не едят. А еда у них плохая, и друг с другом не пьют и не едят, даже с женой. Едят рис да кичири с маслом, да травы разные, а варят их с маслом и молоком. А едят все правою рукою, левою же ни за что не возьмутся; ножа не держат, а ложки не знают. В дороге у каждого по горнцу и варят себе кашу. А от бусурман скрываются, чтобы не посмотрел ни в горнец, ни в еду. Если же бусурманин посмотрел на еду, и индеец уже не ест. А когда едят, то некоторые покрываются платом, чтобы никто не видел.

А молитва у них на восток, по-русски, поднимают высоко обе руки и кладут их на темя, да ложатся ниц на землю и растягиваются по ней — то их поклоны. А когда садятся есть, то некоторые обмывают руки и ноги, да и рот прополаскивают. А бутханы же их без дверей и поставлены на восток; также на восток стоят и Буты. А кто у них умрет, и тех жгут, а пепел сыплют на воду. А когда у жены родится дитя, то принимает муж; имя сыну даёт отец, а дочери — мать. Добрых нравов у них нет, и стыда не знают. Приходя или уходя кланяются по-монашески, обе руки тычут до земли и ничего не говорят.

К Парвату же ездят на великое заговенье, к своему Буту, здесь их Иерусалим, а по-бусурмански Мекка, по-русски Иерусалим, по-индийски Парват. А съезжаются все голыми... а другие в фатах, да на шеях жемчуг и много яхонтов, на руках же золотые обручи и перстни, ей-богу. А внутрь, к бутхане, ездят на волах, и у каждого вола рога окованы медью, да на шее около 300 колокольцев, а копыта подкованы. И тех волов зовут «отцами». Индийцы вола зовут «отцом», а корову «матерью»; на их кизяке пекут хлеб и варят себе еду, а пеплом мажутся по лицу, по челу и по всему телу. Это их знаменье. В воскресенье же да в понедельник едят один раз днем... Таков у них обычай. Рабы и рабыни дешевы: 4 фуны — хороша, 5 фун — хороша и черна.

Из Парвата же приехал я в Бидар, за 15 дней до бусурманского великого праздника. А Великого дня Воскресенья христового не знаю и гадаю по приметам: у христиан Великий день бывает раньше бусурманского байрама на 9 или 10 дней. Со мной нет ничего, никакой книги; а книги мы взяли с собой из Руси, но когда меня пограбили, то захватили и их. И я позабыл все веру христианскую, и праздники христианские не знаю — ни великого дня, ни Рождества христового, ни среды, ни пятницы...

А возвращаюсь я на Русь и думаю: погубила вера моя, постился

я бусурманским постом. Месяц март прошел, и я месяц не ел мяса, заговел в неделю, а ел 2 раза в день, все хлеб да воду...

Ормуз — великая пристань. Люди всего света бывают в нем, есть здесь и всякий товар. Все, что на свете родится, то в Ормузе есть. Пошлина же велика, со всего берут десятину.

А Камбай — пристань всему Индийскому морю, и товар в нем, все делают пестряди, да киндяки, да делают краску индиго; в нем же родится лакх, сердолик и соль. Дабул — пристань весьма великая, и привозят сюда коней из Египта, Аравии, Хорасана, Кашгарии и Чагатайской земли; и ходят посуху месяц до Бидара и до Кульбарга.

А Каликут есть пристань для всего Индийского моря, и пройти его не дай бог никакому судну, кто его минует, тот не пройдет по-здорову морем. А родится в нем перец, имбирь, цвет мускат, цинамон, корица, гвоздика, пряное коренье, да всякого коренья родится в нем много. И все в нем дешево; да рабы и рабыни очень хороши, черные.

А Цейлон же есть немалая пристань Индийского моря... Да около него родятся драгоценные камни, рубины, кристаллы, агаты, смола, хрусталь, наждак. Водится также слоновая кость, которую продают на локоть и страусовые перья, которые продают на вес.

А Шабатская пристань Индийского моря [предположительно Палембанг] весьма велика. Хорасанцам здесь дают жалованье, по деньге на день, великому и малому. А кто здесь из хорасанцев женится, и шабатский князь дает тем на жертву по тысяче денег, да в жалованье дает, да на еду каждый месяц по 10 денег. А родится в Шабате шелк, сандал, жемчуг, — и все дешево.

В Пегу же пристань немалая, и живут в нем все индийские дервиши. А родятся в нем драгоценные камни... яхонт, рубин. Продают эти камни дервиши. А Чинская же да Мачинская — пристани весьма великие, и делают здесь фарфор, а продают его на вес и дешево.

Шабат же от Бидара 3 месяца, а от Дабула до Шабата 2 месяца, идти морем. Мачин и Чин [Китай] от Бидара 4 месяца, идти морем. А делают там фарфор, и все дешево. А до Цейлона идти морем 2 месяца. В Шабате же родятся шелк, фарфор, жемчуг, сандал...

В Цейлоне родятся обезьяны, рубины и кристаллы. В Каликуте родятся перец, мускат, гвоздика... В Гуджарате родится индиго, а в Камбае сердолик. В Райчуре же родится алмаз, старой и новой копи; почку алмаза продают по 5 рублей, а очень хорошего по 10 рублей; почка же нового алмаза только 5 кеней, черноватого цвета — от 4 до 6 кеней, а белый алмаз — 1 деньга.

Родится алмаз в каменной горе; и продают ту каменную гору, если алмаз новой копи, то по 2 тысячи золотых фунтов, если же алмаз старой копи, то продают по 10 тысяч золотых фунтов за локоть. А земля та султанова холопа Мелик-хана, и от Бидара 30 ковов.

А что Шабат евреи считают своим, еврейским, — и то лгут. Шабантыне не евреи, не бусурмане, не христиане — иная у них вера, индийская. Ни с иудеями, ни с бусурманами не пьют и не едят, а мяса никакого не едят. Да в Шабате же все дешево, а родится там шелк и сахар, — очень дешево. А в лесу у них водятся обезьяны и по дорогам нападают на людей; так что из-за обезьян ночью у них по дорогам ездить не смеют.

А от Шабата идти посуху 10 месяцев, а морем 4 месяца на больших судах. У откормленных оленей режут пупы, так как в них находится мускус. А дикие олени сами роняют пупки в поле и в лесу, и из них выходит аромат, но не такой благоуханный, так как они не свежи.

В месяце мае встретил Великий день в бусурманском Бидаре в Индостане. Бусурмане же встретили байрам в среду месяца мая; а заговел я месяца апреля в 1 день. О благоверные христиане, кто по многим землям много плавает, тот во многие грехи впадает и лишает себя христианской веры. Я же, рабище божий Афанасий, исстрадался по вере: уже прошли 4 великих заговенья и 4 Великих дня, а я, грешный, не знаю, когда Великий день... не знаю ни среды, ни пятницы. А книг у меня нет, когда меня пограбили, то и книги у меня взяли. И я от многих бед пошел в Индию, так как на Русь мне пойти было не с чем, никакого товара не осталось.

Бусурманин же Мелик много понуждал меня обратиться в веру бусурманскую. Я же ему ответил: «Господин, ты совершаешь молитву, и я также совершаю; ты 5 молитв читаешь, я 3 молитвы читаю; я чужеземец, а ты здешний». Он же мне сказал: «Поистине, хотя ты и представляешься не бусурманином, но и христианства не знаешь». И впал я тогда во многие размышления и сказал себе: «Горе мне, окаянному, потому что от пути истинного заблудился и другого не знаю, уж сам пойду...» Уже прошли 4 Великих дня в бусурманской земле, а христианства я не оставил...

В бусурманской же Индии, в великом Бидаре, смотрел я на великую ночь: на Великий день плеяды и Орion вошли в зорю, а Большая Медведица головою стояла на восток. На бусурманский байрам выехал султан на прогулку, и с ним 20 великих везиров да 300 слонов, наряженных в булатные доспехи с городками, а городки окованы. В городках же по 6 человек в доспехах, с пушками да с пищальями, а на великом слоне 12 человек. На каждом слоне по 2 больших знамени, а к клыкам привязаны большие мечи... к

хоботам же привязаны тяжелые железные гири; да между ушей сидит человек в доспехах, а в руках у него большой железный крюк, которым он правит. Да выехало простых коней тысяча в золотой сбруе, да 100 верблюдов с литаврами, да 300 трубников, да 300 плясунов, да 300 рабынь. А на султана кафтан, весь унизан яхонтами, да на шапке шишак — огромный алмаз, да золотой сайдак с яхонтами, да на нем же 3 сабли, окованы золотом, да седло золотое. А перед ним бежит кафир и играет зонтиком, а за ним много пеших. За ним же слон выученный идет, наряжен весь в камку, с большой железной цепью во рту, — и он отбивает ею людей и коней, чтобы не подступали близко к султану. А султанов брат сидит на золотых носилках, и над ним бархатный балдахин, с золотой верхушкой с яхонтами. И несут его 20 человек. А государь сидит на золотых носилках, а балдахин над ним шелковый, с золотой верхушкой. И везут его на 4 конях в золотых сбруях. Да около него великое множество людей, а перед ним идут певцы и много плясунов. И все с обнаженными мечами и саблями, со щитами, с копьями да с луками, прямыми и большими; а кони все в доспехах, и на них сайдаки. Иные же идут все голыми...

Луна в Бидаре стоит полная 3 дня. В Бидаре же нет сладких овощей. В Индостане сильного зноя нет, сильный зной в Ормузе да в Бахрейне, где родится жемчуг, да в Джидде, да в Баку, да в Египте, да в Арабстане, да в Ларе. Знойно и в Хорасанской земле, да не так. А в Чагатае очень знойно. В Ширазе же да в Иезде и в Кашане знойно, но бывает ветер. А в Гиляни очень душно и сильно парит, да и в Шамахе сильный пар. В Вавилоне [Багдаде] знойно, тоже в Хумсе и Дамаске. В Алеппо же не так знойно. А в Севастей губе и в Грузинской земле на все большое обилие. И Турецкая земля очень обильна. В Волошской земле также обильно, и дешево все съестное. Обильна всем и Подольская земля. А Русскую землю бог да сохранит! Боже сохрани! Боже сохрани! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя вельможи Русской земли не добры. Но да устроится Русская земля, ибо правды в ней мало.

...Пути не знаю. И куда я пойду из Индостана: на Ормуз пойти, а из Ормуза на Хорасан — пути нет, и на Чагатай пути нет, и на Бахрейн пути нет, и на Иезд пути нет. Везде происходит мятеж. Князей везде прогнали. Мирзу Джехан-шаха убил Узун-Хасанбек, султана Абу-Саида отравили; Узун-Хасанбек сел было на Ширазе, но земля эта его не признала. А Ядигар Мухаммед к нему не едет, — опасается. А иного пути нет никуда. А на Мекку пойти, значит обратиться в бусурманскую веру; ради веры христиане и не ходят в Мекку, так как там обращают в бусурманство. Жить же в

Индостане — значит израсходовать все, что имеешь, так как у них все дорого: один я человек, но на день харчу идет на 2 с половиною алтына. А вина и сыты я не пивал.

Меликтучар взял два индийских города, которые разбойничали по Индийскому морю. И захватил 7 князей и их казну; вьюк яхонтов, да вьюк алмазов и рубинов, да 100 вьюков дорогого товара. А другого товара рать его захватила без числа. И стоял он под городом 2 года, а рати с ним было 200 тысяч, да 100 слонов и 300 верблюдов. А пришел Меликтучар со своею ратью к Бидару на курбан-байрам, по-русски на Петров день. И навстречу ему султан послал 10 везиров, за 10 ковов, а в кове по 10 верст. А с каждым везиром по 10 тысяч своей рати да по 10 слонов в доспехах.

А у Меликтучара каждый день за стол садится по 500 человек. И с ним, за его трапезой, садится 3 везира, а с везиром по 50 человек, да 100 человек присяжных бояр. У Меликтучара на конюшне 2 тысячи коней; да тысяча оседланных, стоят готовыми день и ночь, да на конюшне 100 слонов. Каждую ночь двор его стерегут 100 человек в доспехах, да 20 трубников и 10 литаврщиков, да по 2 человека бьют в 10 больших бубнов.

А Низам-ал-мульк, да Мелик-хан, да Фархад-хан взяли 3 больших города, и рати с ними было своей 100 тысяч да 50 слонов. Да взяли камня всякого дорогого огромное количество, и все то камень, да яхонты, да алмазы скупил для Меликтучара; он запретил мастерам продавать их купцам, которые пришли в город Бидар, в день пресвятой богородицы.

Султан выезжает на потеху в четверг и во вторник, и с ним выезжают 3 везира. А брат султанов выезжает в понедельник, с матерью и с сестрой. Да две тысячи жёнок выезжают на конях и на золотых носилках. Да коней перед ними простых 100 в золотых сбруях, да пеших с ними очень много, да 2 везира и 10 везиров, да 50 слонов в суконных пополах. А на слоне сидят по 4 человека...

Меликтучар выехал завоевывать индийцев с ратью своею из города Бидара, в день памяти шейха Алаеддина, а по-русски на Покров святой богородицы, и рати с ним вышло 50 тысяч. А султан послал своей рати 50 тысяч, да с ним 3 везира пошли, а с ними 30 тысяч; да пошли с ними 100 слонов, в доспехах и с городками, и на каждом слоне по 4 человека с пищалами. Меликтучар пошел завоевывать великое индийское княжение Виджаянагара.

А у виджаянагарского князя 300 слонов да 100 тысяч своей рати, да коней у него 50 тысяч. Султан выехал из города Бидара в восьмой месяц после Великого дня, да с ним выехали 26 везиров: 20 везиров бусурманских и 6 везиров индийских. А с султаном двора его выехали: 100 тысяч рати — конных людей, да 200 тысяч

пеших, да 300 слонов, в доспехах и с городками, да 100 злых зверей, каждый с двумя цепями. А с братом султановым вышли двора его: 100 тысяч конных, да 100 тысяч пеших людей, да 100 слонов, наряженных в доспехи. А за Мал-ханом вышли двора его: 20 тысяч конных людей, да 60 тысяч пеших, да 20 слонов наряженных. А с Бедер-ханом и его братом вышли 30 тысяч конных людей, да 100 тысяч пеших, да 25 слонов наряженных, с городками. А с Сулханом вышли двора его: 10 тысяч конных, да 20 тысяч пеших, да 10 слонов с городками. А с Везир-ханом вышли 15 тысяч конных людей, да 30 тысяч пеших, да 15 слонов наряженных. А с Кутар-ханом вышли двора его: 15 тысяч конных людей, да 40 тысяч пеших, да 10 слонов. Да с каждым везиром вышли по 10 тысяч, а с иным и по 15 тысяч конных, да пеших по 20 тысяч. А с индийским Авдономой вышли рати своей 40 тысяч конных людей, да пеших людей 100 тысяч, да 40 слонов наряженных, в доспехах, а на слоне по 4 человека, с пищалами. А с султаном вышли 26 везиров, и с каждым везиром по 10 тысяч своей рати, да пеших по 20 тысяч; а с иным везиром 15 тысяч конных людей да пеших 30 тысяч. А у четырех великих индийских везиров рати своей по 40 тысяч конных людей да пеших 100 тысяч. И рассердился султан на индийцев, что мало вышло с ним; и он еще прибавил 20 тысяч пеших людей, 2 тысячи конных, да 20 слонов. Такова сила у султана индийского, бусурманского; мухаммедова вера еще годится. А правую веру бог ведает, а правая вера единого бога знает, имя его в чистоте при- зывать во всяком чистом месте.

В пятый же Великий день надумал я пойти на Русь... Великий день встретил в Кульбарге, от Бидара 20 ковов.

Султан же дошел до Меликтучара с ратью своею на 15-й день после улубайрама, а все в Кульбарге. И война им не удалась: один город индийский взяли, а людей погибло много, да и казны истратили много. А индийский же султан Кадам очень силен, и рати у него много, а сидит на горе в Виджаянагаре. И город у него весьма велик, около него 3 рва, да сквозь него течет река; а по одну сторону города злая лесная дебрь, по другую же сторону подошла долина весьма чудная местами и пригодная на все. На ту сторону прийти неоткуда, дорога сквозь город, и города взять неоткуда, подошла великая гора да дебрь злая. Под городом стояла рать месяц и люди умирали от безводия, и много людей погибло от голода да от безводицы; а на воду смотрят да взять неоткуда. Город же индийский взял ходжа Меликтучар, а взял его силою, день и ночь бился с городом, 20 дней рать не пила, не ела, стояла под городом с пушками. А рати его погибло 5 тысяч отборных людей. И когда город взяли, то убили 20 тысяч мужского и женского по-

головня, да 20 тысяч человек, взрослых и малых, взяли в плен. А продавали пленных по 10 денег за голову, а за иную по 5 денег, а ребят по 2 деньги. Казны же не было ничего. А большого города не взяли.

А от Кульбарга пошел до Кулура; а в Кулуре родится сердб-лик, и здесь его отделявают, и затем на весь свет оттуда развозят. В Кулуре же проживает 300 алмазников, украшают оружие. И пробыл я здесь пять месяцев и пошел отсюда в Колконду, а тут весьма большой базар. А оттуда пошел к Кульбарге, а от Кульбарги пошел к шейху Алаеддину, а от шейха Алаеддина пошел к Камендрии, а от Камендрии к Кынарясу, а от Кынаряса к Сури, а от Сури пошел к Дабулу — пристани великого Индийского моря.

Дабул же весьма большой город, и к нему съезжается все по-морье, Индийское и Ефиопское. И тут я, окаянный рабище бога вышнего, творца неба и земли, Афанасий, поразмыслил о христианской вере, и устремился умом пойти на Русь. И, сев в таву и сговорившись о корабельной плате, дал до Ормуза со своей головы 2 золотых.

А сел же я в Дабуле на корабль за 3 месяца до Великого дня, бусурманского заговенья. И плыл я в таве по морю месяц и не видел ничего, только на другой месяц увидел Ефиопские горы. И тут люди все воскликнули: «Боже, видно нашим головам суждено здесь погибнуть...»

И в той Ефиопской земле был 5 дней. Бсжией благодатью зло не произошло, много роздали мы ефиопам рису, перцу, хлеб, — они суда не пограбили. А оттуда плыл 12 дней до Маската и в Маскате же встретил шестой Великий день. И плыл до Ормуза 9 дней и в Ормузе был 20 дней. Из Ормуза пошел к Лару и в Лару был 3 дня. Из Лары пошел к Ширазу, 12 дней, а в Ширазе был 7 дней. А из Шираза пошел в Аберкух, 15 дней, а в Аберкухе был 10 дней. А из Аберкуха пошел к Иезду, 9 дней, а в Иезде был 8 дней. А из Иезда пошел к Испагани, 5 дней, а в Испагани был 6 дней. А из Испагани пошел к Кашану, а в Кашане был 5 дней. А из Кашана пошел в Куму, а из Кумы пошел в Саву. А из Савы пошел в Султанию. А из Султании пошел до Тавриза. А из Тавриза пошел в орду к Хасан-беку, в орде пробыл 10 дней, так как пути никуда не было. А на турецкого (султана) послал Хасан-бек рати своей 40 тысяч, и взяли они Сивас; да и Токат взяли и пожгли. А масию взяли и пограбили там много сел. И пошли, воюя, на Караман. А я из орды пошел к Арзинджану, а из Арзинджана пошел в Трапезунд.

И пришел в Трапезунд на Покров... и пробыл в Трапезунде

5 дней. И, придя на корабль, сговорился о плате — дать со своей головы золотой до Кафы; а золотой я взял на пошлину, а отдать его в Кафе.

В Трапезунде же субыши и паша причинили мне много зла: унесли весь мой хлам к себе в город, на гору, да и обыскали все, а искали грамот, так как пришел я из орды Хасан-бека.

Божией милостью доплыл я до третьего моря, до Черного, а по-персидски море Стамбульское. Плыл же морем по ветру 5 дней и доплыл до Вонады, но тут нас встретил сильный ветер с севера и вернул нас к Трапезунду. И стояли мы в Платане 15 дней из-за сильного и злого ветра. Из Платаны дважды выходили на море, повстречавший нас злой ветер не давал нам идти по морю... И море было проплыл, да занесло нас к Балаклавe, а оттуда к Гурзуфу, и стояли здесь 5 дней.

Божиею милостью, приплыл в Кафу, за 9 дней до Филиппова заговенья... Прошел я, милостию божией, три моря...

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Введение</i>	3
Русь и путешествие Никитина	
<i>Глава I.</i> Русские земли в середине XV в.	13
<i>Глава II.</i> Русское купечество и торговля в XV в.	56
<i>Глава III.</i> Начало путешествия Никитина	83
Индия и путешествие Никитина	
<i>Глава IV.</i> Древняя Индия	97
<i>Глава V.</i> Северная Индия при делийских султанах	123
<i>Глава VI.</i> Образование государства Бахманиев	154
<i>Глава VII.</i> Государство Виджаянагар	165
<i>Глава VIII.</i> Государство Бахманиев и Виджаянагар	179
<i>Заключение</i>	193
<i>Приложение</i>
Хождение за три моря Афанасия Никитина	202

А. М. Осипов, В. А. Александров, Н. М. Гольдберг

Афанасий Никитин и его время

Редактор *А. М. Филиппов*

Художник *С. М. Пожарский*

Художественный редактор *М. Л. Фрам*

Технический редактор *Н. В. Сахарова*

Корректор *В. П. Гуркина*

* * *

Сдано в набор 7/IX 1955 г. Подписано к печати 5/I 1956 г. 84×108^{1/32}. Печ. л. 13,5+0,25 карта (11,07+0,2 карта). Уч.-изд. л. 10,75+0,12 карта. Тираж 35 тыс. экз.

А 01405.

* * *

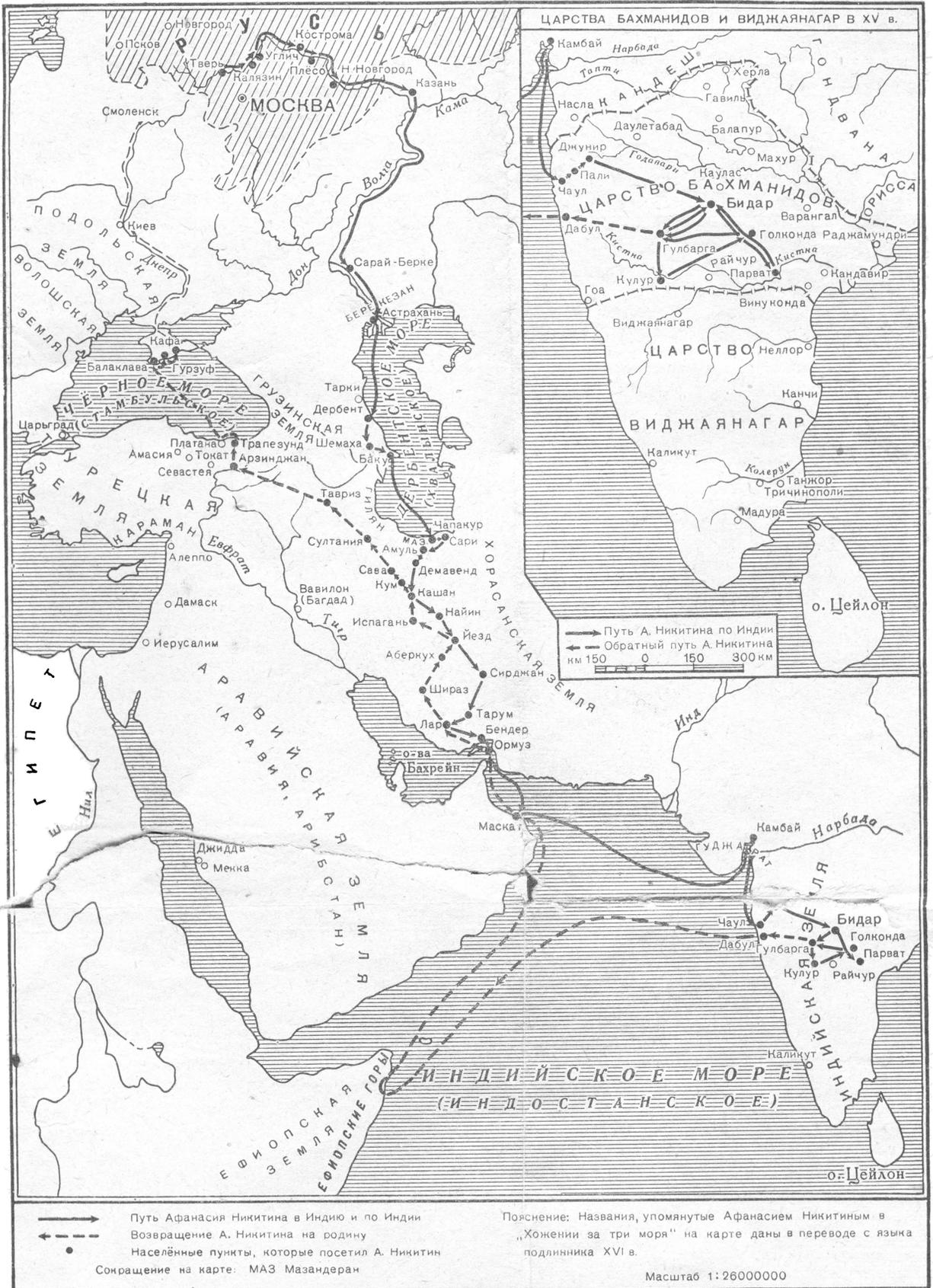
Учпедгиз. Москва, Чистые пруды, 6.

Типография имени Ханса Хейдеманна, гор. Тарту, ул. Валикраави, 4. ЭССР.

Заказ № 2543.

Цена без переплёта 2 р. 75 к. Переплёт 80 к.

ПУТЕШЕСТВИЕ АФАНАСИЯ НИКИТИНА В ИНДИЮ (1466 – 1472 гг.)

Путешествие Афанасия Никитина в Индию.

Хождение
за три моря
Афанасия
Никитина

Тверь
Казань
Н. Новгород
Москва
Русь
Дикое поле
Черное море
Турецкая земля
Трудиинская земля
Трапезунд
Таврис
Багдад
Испагань
Шираз
Аравийская земля
Мекка

Хорасанская земля
Земля
Сурджань
Бендер Оплуз
Москат
Индостанское море
Индийская земля
Найбаи
Джунгарь
Бидар
Телконда
Абуи
Виджаянагар

